

В. И. МОЛОДИН · В. В. БОБРОВ
В. Н. РАВНУШКИН

АЙДАШИНСКАЯ ПЕЩЕРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В. И. МОЛОДИН, В. В. БОБРОВ,
В. Н. РАВНУШКИН

АЙДАШИНСКАЯ ПЕЩЕРА

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Новосибирск-1980

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. — Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.

Монография посвящена исследованиям одного из интереснейших жертвенных мест на территории Сибири — Айдашинской пещере, известной в народе под названием Девичья яма. В книге детально анализируется комплекс обнаруженных в пещере предметов, которых около тысячи, дается геологическое описание пещеры и анализ костных остатков животных.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, искусствоведов, студентов гуманитарных вузов.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Р. С. Васильевский*

© Издательство «Наука», 1980.

М 10602 — 846
042(02) — 80 167.80.0507000000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не так давно мне посчастливилось побывать в совершенно необычном музее, расположенном в одном из цехов промышленного предприятия. И самое интересное, что одна из двух комнат этого музея полностью отведена... под археологию! Причем на витринах расположены вещи, многие из которых могли бы украсить лучшие музеи страны.

Как же попала эта уникальная коллекция, насчитывающая более полутысячи предметов, в заводской музей, созданный рабочими Ачинского ремонтно-строительного специализированного управления треста Сибцветремонт?

Оказывается, попала она сюда совсем не случайно. Благодаря патриотизму рабочих-ачинцев, их горячей любви к своей Родине, ее удивительному прошлому и настоящему эта коллекция была спасена для науки. Узнав о том, что Айдашинской пещере — уникальному археологическому памятнику — грозит уничтожение, эти люди поступили по-государственному, по-партийному: они решили расчистить пещеру и, зная о раскопках, проводимых здесь в конце XIX в. П. С. Проскураковым, проверить, не содержатся ли в ее недрах какие-нибудь древние предметы.

Энтузиасты в лице начальника управления страстного краеведа В. Н. Равнушкина обратились в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР с просьбой осуществить научное руководство работами в пещере. Это дело поручили тогда еще аспиранту В. И. Молодину. Так возник этот необычайный, но, как оказалось, очень удачный союз научного учреждения и промышленного предприятия.

Прошло несколько лет упорного и нелегкого труда. Сотни тонн грунта были извлечены из пещеры и просеяны

буквально по крупицам. Ни одна, даже самая мельчайшая косточка грызуна не оказалась потерянной!

Конечно, трудностей встретилось немало. Отрадно, что многие из них удалось преодолеть и получить блестящий результат — уникальную и бесценную коллекцию археологических предметов. И очень важно, что точки на этом не были поставлены. Перед вами книга, которая вводит в научный оборот все дошедшие до нас материалы Айдашинской пещеры, которая, несомненно, являлась уникальным культовым местом на территории Северной Азии. Однако это не просто альбом предметов. Авторам удалось воссоздать чрезвычайно сложную картину исторических событий, происходивших на этой территории в древности, ибо здесь, как в зеркале, отразились взаимоотношения племен, культовые обряды, а также эстетические чувства древних охотников, скотоводов, воинов.

Особенно интересные проблемы подняты в заключительной главе книги. Отрадно, что авторы подходят к сложнейшим проблемам интерпретации пещеры как культового места с полным пониманием дела и в достаточной мере осторожно. Такой подход при нынешнем состоянии источников представляется самым верным.

Думаю, что книга вызовет интерес не только у специалистов — археологов, этнографов, искусствоведов, но и у самого широкого круга читателей и послужит хорошим примером подлинно государственного подхода к сохранению и изучению памятников древности.

Герой Социалистического Труда академик А. П. Окладников

ВВЕДЕНИЕ

Ачинско-Маринская котловина — известный в нашей стране археологический заповедник. Здесь археологами открыты и исследованы сотни древних памятников: уникальные палеолитические стоянки Ачинская и Шестаковская, многочисленные курганные могильники эпохи бронзы, тагарского и таштыкского времен, а также периода средневековья. Известна эта котловина и археологическими «кладами» — жертвенными местами, поражающими обилием бронзовых предметов ажурного литья.

Особое место среди таких культовых мест занимает Айдашинская пещера. Первое известие об Айдашинской пещере как о своеобразном археологическом памятнике относится к 1889 г.¹ Затем П. С. Проскуряков вводит в научный оборот интереснейшие материалы из пещеры², к которым не раз обращались исследователи, в том числе советские археологи В. Н. Чернецов, Н. Л. Членова, А. П. Окладников, А. И. Мартынов³ и многие другие, интерпретируя эти находки с позиций сегодняшнего дня исторической науки.

Что же заставило нас вновь возвратиться к Айдашинской пещере? Во-первых, как это ни парадоксально, но после работ П. С. Проскурякова, произведенных в конце XIX в., лопата археолога не касалась пещеры. Во-вторых, в 1974 г. в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР поступило уведомление из г. Ачинска о том, что к 1977 г. место, где расположена пещера, будет освоено. Тогда и было решено произвести полную расчистку пещеры.

Предварительное обследование пещеры показало, что как вертикальная, так и боковая ее шахты почти полностью завалены щебнем. Предстояло, следовательно, поднимать грунт на-гора и просеивать его наверху. Так

поначалу представлялся ход работ по исследованию Айдашинской пещеры. Однако пещера порадовала находками буквально после расчистки верхнего грота вертикального штрэка. Мы обнаружили также боковые гроты с бревенчатыми заплотами. Полное исследование одного из них позволило убедиться в правоте вывода П. С. Проскурякова о том, что о разграничении культурных горизонтов в пещере говорить не приходится — находки лежали вперемешку. Таким образом, расчленение этого археологического комплекса можно провести лишь типологически.

Особую трудность в этом отношении представляет типологическое расчленение самого обширного комплекса, обнаруженного в пещере, — костяных наконечников стрел. Пойдя по пути разработки формальной типологии, мы в данном случае все же стремились основываться на выделении датирующих предметов достаточно специфической формы, хронология которых ясна благодаря надежно датированным комплексам, в которых эти предметы были найдены.

Результаты исследований, проведенных в пещере, были отражены в отчете, подготовленном В. И. Молодиным и утвержденном полевым комитетом Института археологии АН СССР.

За четыре года работ пещера была расчищена почти полностью*, и в результате получен богатейший комплекс предметов. Это и послужило основой для создания монографии, поскольку отдельные публикации, подготовленные в ходе работ¹, не дают исчерпывающей информации о предметах, обнаруженных при расчистке пещеры. К тому же возобновление работ по исследованию Айдашинской пещеры привлекло внимание не только многих специалистов, но и любителей краеведов, о чем свидетельствуют публикации в широкой периодической печати⁵, причем статьи иной раз писались не специалистами, что приводило к неверной интерпретации как археологических находок, так и самого памятника⁶. Цель настоящего издания — исправить эти досадные неточности и ввести в научный оборот все имеющиеся материалы Айдашинской пещеры.

* Последние полтора года расчистки дали лишь единичные предметы. Можно полагать, что слой породы, содержавший археологические находки, практически исчерпан.

Понимая всю сложность научной интерпретации отдельных предметов, которые зачастую не имеют аналогий, авторы не стремились при решении тех или иных вопросов поставить точки над *i*. Это касается прежде всего абсолютной датировки отдельных предметов и трактовки семантики. Книга познакомит читателя не только с многочисленными предметами и кругом известных аналогий, в ней показана история исследования памятника, трансформация идей, выдвинутых при интерпретации материала. Специальная глава монографии посвящена определению пещеры как своеобразного культового памятника.

В качестве приложения в работе даются описания спелеологические и обширной остеологической коллекции, которые представляют интерес не только для археологов, но и для специалистов по карстовым образованиям и фауне Сибири. В работе привлечены архивные данные по работам П. С. Проскурякова, хранящиеся в ЛОИА АН СССР и ГИМе.

Несмотря на то, что некоторые предметы из Айдашинской пещеры, обнаруженные Т. С. Проскуряковым, были опубликованы, мы считаем целесообразным воспроизвести их в настоящей работе, чтобы читатель получил полное представление о всех известных нам находках из Айдашинской пещеры.

Данная книга не была бы написана, если бы не самоотверженный труд рабочих Ачинского ремонтно-строительного управления треста Сибцветметремонт, которые 5 лет расчищали пещеру, выдав на-гора тысячи тонн грунта и перебрав его буквально по крупице, сохранили для науки бесценные предметы. Не можем не сказать и о той дружеской и поистине творческой атмосфере, которая установилась у нас с рабочими. Вот имена тех, кто принимал участие в раскопках: слесарь С. К. Аргунов — 1974—1975 гг., футеровщик А. Е. Бершауэр — 1974—1976 гг., заместитель начальника ПТО И. И. Ефимов — 1974 г., слесарь (мастер) С. Н. Климкин — 1974—1975 гг., слесарь М. М. Литвиненко — 1976 г., электросварщик В. А. Ломакин — 1976—1978 гг., электросварщик А. П. Неустроев — 1976—1978 гг., слесарь В. А. Норкин — 1977 г., заместитель начальника ПТО И. Н. Овчинников — 1974—1978 гг., слесарь И. Г. Попов — 1974—1975 гг., инженер А. А. Сахаров — 1974—1975 гг.,

слесарь В. С. Сафимов — 1976—1978 гг., слесарь В. В. Торьбаков — 1977 — 1978 гг., электросварщик С. С. Усков — 1974—1975 гг., слесарь Н. М. Хрипунов — 1976—1978 гг., слесарь Л. Ф. Шабалов — 1975 г., инженер, В. С. Шмелев — 1976 г.

Выражаем также искреннюю признательность за помощь инициатору создания этой книги академику А. П. Окладникову, а также специалистам-археологам, побывавшим на памятнике во время работ*.

Иллюстрации и фотографии к изданию выполнены В. П. Мыльниковым, Ю. В. Гричаном и авторами; в обработке коллекций П. С. Проскурякова активное участие принял студент Кемеровского государственного университета В. А. Трофимов.

Обширная коллекция вещей из Айдашинской пещеры сконцентрирована в трех музеях: Государственном Историческом музее (Москва) — коллекция, полученная П. С. Проскуряковым, Музее истории и культуры народов Сибири при Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск), Краеведческом музее Ачинского ремонтно-строительного управления треста Сибцветметремонт (Ачинск). Следует отметить, что создание последнего музея (явление само по себе уникальное!) дало возможность познакомиться с материалами Айдашинской пещеры сотни труженников г. Ачинска и Красноярского края, что имеет огромное значение в деле воспитания у молодого поколения любви к своей великой Родине, к ее далекому и славному прошлому.

* Во время работ в пещере побывали академик А. П. Окладников, доктор исторических наук В. Е. Ларичев, научные сотрудники Н. Д. Оводов, А. К. Копонацкий (Новосибирск), кандидат исторических наук Д. Г. Савинов (Ленинград).

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЙДАШИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

За окном обычная ленинградская промозглая погода. Резкие порывы ветра гонят тяжелые волны Невы. Отсюда, с города на Неве, Археологическая комиссия контролировала все археологические изыскания в России. В деловой переписке, отчетах, телеграммах, справках эпизоды деятельности небольшого круга лиц, в той или иной степени причастных к раскопкам в далеком от Санкт-Петербурга Ачинском уезде Енисейской губернии. Вряд ли они стали бы предметом всеобщих обсуждений, но любопытные находки и таинственные легенды о пещере, находящейся где-то в глубине сибирских просторов, привлекли внимание газетчиков, падких на остросюжетные сенсации и таинственные случаи. В газете «Московские ведомости» за 11 июня 1899 г. была опубликована небольшая заметка, в которой больше говорилось о легендарной деве, живущей в Айдашинской пещере, и о том, как она благодетельствовала одного мужика, и меньше об археологических раскопках. Сообщая о работах в пещере, газетчик не мог удержаться, чтобы не поиграть на первах обывателя: «... из глубины пещеры часто раздаются унылые женские стоны, при которых дрожь пробегает по телу и волосы становятся дыбом»¹.

Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА). Здесь хранятся три тонкие папки документов о раскопках в Айдашинской пещере. Очень краткие скудные сведения поступали из Сибири в Археологическую комиссию и отправлялись не менее лаконичные, строго выдержанные в деловом эпистолярном стиле ответы губернскому начальству и лицам, причастным к раскопкам. Много в этих документах неясного и недосказанного, однако какую-то последовательность событий и даже личной драмы удается проследить. Думает-

ся, что материалы об археологических исследованиях в конце XIX в. в Айдашинской пещере, хранящиеся в архиве ЛОИА, не единственные. Вполне возможно, что архивы сибирских городов (прежде всего бывшего губернского города Красноярска) хранят отдельные сведения об изучении одного из интереснейших археологических памятников Сибири — Айдашинской пещеры.

Санкт-Петербург, 1894 год. В Императорскую археологическую комиссию пришло письмо за подписью исполняющего дела губернатора Енисейской губернии действительного статского советника Давыдова, в котором он уведомляет, что господин Зейдель в связи с неотложными делами по прямой его обязанности не может произвести раскопки кургана, недалеко от которого крестьянами д. Додоновой были найдены 4 серебряных кувшина, «... поэтому произвести раскопки кургана я просил учителя Красноярской семинарии Павла Степановича Проскурякова, который имеет уже разрешение Археологической комиссии на производство раскопок пещер»².

Упоминание о производстве работ в пещерах, причем в настоящем времени, настораживает. Дело в том, что документов об исследовании пещер в 1894 г. нет. Не исключено, что в письме губернатора речь идет об обследовании коллежским советником П. С. Проскуряковым пещер на реке Черный Июс и в окрестностях Красноярска³. Несколько позже, в 1888 г., они вторично исследуются Д. А. Клеменцом⁴. Сам же П. С. Проскуряков в отчете о раскопках, произведенных в 1896 г. в Красноярском округе, писал в Императорскую археологическую комиссию о кладоискательском любопытстве к древностям Айдашинской пещеры и выражал готовность «... исследовать эту пещеру в археологическом отношении на средства комиссии»⁵. Следовательно, вести раскопки этого памятника в 1894 г. он не мог.

Особый интерес в отчете представляет описание расположения пещеры и ее хищнические раскопки. Так как архивные материалы не опубликованы, приведем довольно пространную выдержку: «Между деревней Мазульской и улусом Айдашинским Ачинского округа давно была известна пещера, про которую ходили слухи, что она в прежнее время служила притоном для разбойников (киргизов и русских) и до сих пор хранит в себе большие

сокровища. Иностранцы смотрели на нее с суеверным страхом и не решались входить в нее, тем более что снаружи эта пещера представляет отверстие на верху скалы, идущее вниз в виде воронки. Наконец, нашлись предприимчивые смельчаки из ссыльных и крестьян, которые решились обстоятельно исследовать пещеру и во что бы то ни стало воспользоваться скрытыми в ней богатствами. Составив артель человек в десять, они принялись тайком за работу и будто бы добыли из пещеры много разных мелких бронзовых и костяных вещей, сбывая их в частные руки медникам и любителям древностей. Так рассказывал нам один мелкий торговец, которому кладоискатели продали между прочим медный кельт, перекупленный мною и посылаемый в Археологическую комиссию (хотя я лично сомневаюсь в находке этого кельта в пещере, судя по его внешности). Пещера эта будто бы имеет три яруса, но в самый нижний из них кладоискатели не успели пробраться. Предполагают и, конечно, справедливо, что пещера эта имеет где-нибудь выход, но он еще не открыт. Тайные раскопки пещеры, конечно, не могли надолго сохраниться таковыми. Тайное сделалось явным, дойдя до сведения местного начальства. Ачинским окружным исправником поручено было земскому заседателю Волкову исследовать эту пещеру и прекратить незаконные раскопки»⁶.

Перед нами свидетельство действий легендарных сибирских бугровщиков-кладоискателей, раскопавших огромное количество памятников в поисках могильного золота. Однако широкие масштабы археологических исследований на территории Южной Сибири, создание местных обществ и музеев, их издательская деятельность, пропаганда в периодической печати сибирских древностей значительно подорвали бугровничество как побочный промысел. Артели кладоискателей стали малочисленными, да и действия их изменились. Чтобы вести раскопки, они должны были обращаться за разрешением к властям. Пример тому — документы об исследовании Айдашинской пещеры, из которых становится известным, что отставной казак Иван Митрофанов подал на имя губернатора «прошение о дозволении ему продолжать раскопки»⁷. Имеется копия с рапорта Ачинского окружного исправника от 16 августа за № 876 на имя господина енисейского губернатора: «В исполнение предписания от 19 июня сего года за

№ 876, с представлением прошения помещика области Войска Донского Ивана Митрофанова, заявившего о найденном им близ деревни Мазульской подземелья, имею честь донести Вашему Превосходительству, что по дошедшим до меня сведениям о производстве какими-то неизвестными лицами раскопки пещеры между деревней Мазульской и Айдашинским улусом в дачах инородцев этого улуса с целью отыскать клад, я имею в виду, что подобные раскопки не могут производиться без разрешения надлежащих властей, 18 мая сего года поручил Земскому заседателю 1-го участка Волкову немедленно прекратить работы по раскопкам означенной пещеры, не позволяя таковой и на будущее время...»⁸. Далее в рапорте приводятся сведения из протокола земского заседателя, в котором дана характеристика состояния пещеры и «... далее из распросов проживающего невдалеке от пещеры крестьянина д. Мазульской Цикурянкова дознано, что розыски в пещере начал производить поселевец Красноярского округа Вознесенской волости Афанасий Гончаров с крестьянином Тобольской губернии Павлом Пановым и с проживающим в г. Ачинске отставным казаком Иваном Митрофановым (просителем), с февраля месяца с. г., спускались они на глубину 16-ти саженьей, где есть довольно широкое пространство, а стена как бы сложенная из камня человеческими руками. Спустившись, рыли там землю с целью найти клад, но ничего особенного не нашли, кроме нескольких наконечников стрел. Дальнейшее производство раскопок в пещере запрещено, инициатор этого Афанасий Гончаров обязан подпискою не производить дальнейших раскопок и таковые в настоящее время не производятся»⁹.

Мы не знаем, сколько раз подвергалась Айдашинская пещера хищническим раскопкам, ясно одно, что легенды о сказочных сокровищах заставляли преодолеть мистический страх перед таинственной мрачной дырой в земле-матушке. Однако, надо думать, не только кладоискательство, но и обыкновенное человеческое любопытство, стремление изведать непознанное приводило людей к загадочным местам. Знаменитый французский ученый-спелеолог Норбер Кастере, всю свою жизнь посвятивший изучению пещер, в одной из книг писал: «Первыми проникли в пещеры наши отдаленные предки, люди каменного века... Они-то и были, в сущности, пер-

выми спелеологами, занимавшимися освоением и исследованием — вполне утилитарным, конечно, — подземных лабиринтов. Именно этой деятельности их человечество, по всей вероятности, обязано своим существованием, потому что без нее едва ли смогло бы выжить в суровом климате ледникового периода.

Много тысячелетий спустя в результате новых геологических изменений ледники отступили далеко на север, климат смягчился и потеплел. Троглодиты смогли наконец покинуть свои подземные убежища и начать жизнь на поверхности земли, под горячими лучами солнца.

Люди стали возводить — и с какой необычной изобретательностью! — любопытнейшие свайные постройки на озерах и реках. Они начали приручать животных, открыли бронзу и железо, научились создавать оружие и орудия, с помощью которых могли приступить к завоеванию мира.

С тех пор опустевшие пещеры постепенно сделались в представлении людей опасными, проклятыми богом местами, населенными злыми божествами и страшными чудовищами, тенями умерших предков и адскими духами. Никто не отваживался проникать в глубины подземных лабиринтов.

Совсем недавно с большим опозданием современное человечество заинтересовалось вновь таинственным миром подземных пещер. Скромные, весьма далекие от науки люди проложили первые тропинки в этот неведомый мир, вслед за ними туда направились ученые. Первыми, кто осмелился проникнуть в глубь неисследованных пещер, были, вероятно, искатели кладов, соблазненные бытующими в фольклоре всех народов легендами о сказочных сокровищах, якобы скрытых во мраке подземных лабиринтов»¹⁰.

История изучения Айдашинской пещеры не исключение. Об этом свидетельствуют приведенные документы. Мы не знаем, когда и кто первым спустился и обследовал ее. Скорее какой-то землепроходец, загнав страх в укромные уголки души, спустился на вожжах в пещеру. Древние вещи, попадавшие в руки смельчаков, расходились по рукам и продавались разным лицам. Попадали они и к образованным людям, хорошо знавшим археологические ценности. Два костяных наконечника и сведения о других находках оказались в руках Дмитрия Семеновича

Каргаполова, основавшего в 1887 г. в г. Ачинске краеведческий музей и библиотеку¹¹. К сожалению, мы очень мало знаем о деятельности этого замечательного человека, друга Н. М. Мартыанова — создателя центра сибирской археологии Минусинского музея. Д. С. Каргаполов первым публикует сообщение об удивительном географическом и археологическом памятнике Девичья яма (Айдашинская пещера)¹². Кстати, в этом сообщении приводится наиболее ранняя дата — 1856 г., когда в пещеру спуускался мещанин и нашел там пять медных и несколько костяных стрел. Однако понадобилось еще девять лет, прежде чем начались научные изыскания на этом памятнике. И связаны они уже с известным читателю именем П. С. Проскурякова.

Точная дата начала раскопок тем не менее неизвестна. Из документов мы узнаем, что открытый лист № 1402 на раскопки Айдашинской пещеры выдан 20 августа 1897 г.¹³ Однако 19 августа 1897 г. Императорской археологической комиссией была принята телеграмма следующего содержания: «Проскуряковым, работавшим уже по поручению Комиссии, найдено в Ачинской Айдашинской пещере более 100 костяных стрел, бронзовых вещей, весьма интересных в археологическом отношении. Пещера известна крестьянам и, несмотря на предостережения полиции, расхищается ими. Полагал бы возможным скорее поручить Проскурякову правильную раскопку текущем месяце, испрашивая распоряжения ассигнования денег на работы. И. д. губернатора Приклонский»¹⁴. 12 декабря того же года П. С. Проскуряков отсылает в Санкт-Петербург найденные вещи и краткую записку, в которой сообщает о том, что всего в пещере найдено 119 предметов и что ввиду прямых обязанностей наставника семинарии он мог работать в пещере в праздничные дни 15, 16 и 17 августа, 6, 7, и 8 сентября¹⁵. Вещи, обнаруженные в Айдашинской пещере в 1897 г., составили основу коллекции П. С. Проскурякова. Следует заметить, что в перечне к таблицам он указывает, что им найдено только 29 стрел, а 73 костяных наконечника приобретены у разных кладоискателей из деревень Мазули, Айдашет, с. Зерцалы и г. Ачинска.

Для нас очень важно знать, как велись раскопки пещеры и в каком она была состоянии. Эти сведения содержатся в отчете, представленном в Археологическую ко-

миссию: «Пещера эта, будучи известна жителям окрестных селений более 70 лет и посещаемая с целью отыскания в ней клада, не сохранилась в целостности, и почва ее, состоящая по большей части из известнякового щебня и обломков сталактитовых и сталагмитовых натеков, изрыта во многих местах и этим же щебнем завалены все боковые входы. Дно последнего, самого низкого, помещения, куда мне удалось проникнуть, находится на глубине 22 сажени 2 аршина, но это еще не окончание пещеры... в этом последнем, самом нижнем помещении никаких вещей кладоискателями найдено не было, а потому много было обращено внимания на второе и третье отделения пещеры, где главным образом и были находимые различные вещи. Наиболее обширное второе отделение пещеры... дно здесь загромаждено горами щебня от раскопок кладоискателей и для того, чтобы найти нетронутое место, пришлось отваливать этот щебень при свете двух фонарей с отражателями, для подробного осмотра откиданного, и действительно, в гряде щебня, отваленного у южной стенки, мною было найдено 7 целых наконечников костяных стрел и несколько обломков их и одна целая железная стрела. Продолжая раскапывать дальше нетронутое еще место около южной стенки, под тонкой сталактитовой корою мерзлой почвы мне удалось найти медную пряжку с изображением медвежьей головы, пряжка та лежала среди известкового щебня на глубине 3/4 аршина, выше же попадались обломки истружших костяных стрел. В следующую поездку 6, 7 и 8 сентября я произвел такого же рода раскопку в третьем отделении пещеры, при таких же почвенных условиях нашел здесь остальные предметы, наименованные в посланном ранее реестре. В этом же отделении были найдены и все остальные предметы, приобретенные мною от кладоискателей»¹⁶. Из отчета П. С. Проскурякова становится ясным, что пещера неоднократно перекапывалась и находки залегают в щебне. Даже, когда речь идет о непотревоженных участках, из отчета явствует, что культурный слой в пещере отсутствует или достаточно разрушен.

К сожалению, сведения о дальнейших работах в пещере противоречивы. В письме в Императорскую археологическую комиссию, помеченном 25 октября 1900 г. за подписью П. С. Проскурякова, указано, что им во избежание несчастных случаев и дальнейших расхи-

пещерный вход в пещеру был забит¹⁷. Сделано это было в 1897 г. Последующие же даты не совпадают. В феврале и апреле 1899 г. губернатор высылает в Санкт-Петербург находки из Айдашинской пещеры (заметим, вход в нее уже завален!). После поступления вещей в письме от 15 августа 1899 г. за подписью Бобринского Проскурякову предложено продолжить раскопки. Последний телеграфирует согласие. В отчете, присланном с большим опозданием, П. С. Проскуряков пишет, что в июне посетил Айдашинскую пещеру, но работ на ней не производил, а решил раскопать курган, расположенный в семи верстах от пещеры, «... рассчитывая найти какую-нибудь связь между пещерой и курганами»¹⁸. Из этого же отчета мы узнаем о боковом входе, который пробили кладовщики, работая с августа 1898 г. по март 1899 г. Прделан титанический труд. Но как и при каких обстоятельствах вещи попали к губернатору? На этот вопрос ответа нет. Вместе с тем появляется новое имя — Егор Краснощеков. По одним данным — крестьянин, по другим — слесарь, но в раскопках, видимо, этот человек понимал толк. Вполне возможно, что П. С. Проскуряков поручил ему собрать небольшую артель для раскопок в 1897 г., к чему обычно прибегали все дореволюционные археологи. Но Е. Краснощеков ждет за свои деяния вознаграждения. В 1909 г. от него в Императорскую археологическую комиссию поступило заявление: «В 1897 г. мною, Краснощевым, было обращено внимание на пещеру, так называемую Айдашинскую. О моей находке (несколько наконечников стрел.— *Авт.*) я дал знать Ачинскому полицейскому управлению, по этому поводу последовал приезд сотрудника Императорской археологической комиссии г. Проскурякова, которому я сдал найденные мною при первом спуске вещи, после чего получил разрешение на дальнейшую раскопку, если только имею на то средства, и что после я буду вознагражден. Собрав все мои средства, я нашел пять человек рабочих, и так как тем путем, которым я спускался в первый раз, спускаться было очень опасно, то по указанию П. С. Проскурякова я начал раскопку с боку горы из находящегося около оврага. Начав раскопку 20 августа 1898 г., я прокопал вход в пещеру природного каменного грунта на 22 сажени длины и нашел много древних вещей: как-то медный литой человеческий скелет, несколько медных литых коней,

львов, пожей, пилки, гвоздей, деревянных луков, стрел 4-х сортов, медных, стальных, мамонтовой кости и кости слоновой, каменных и кожаных денег, стальной кинжал, шейное женское украшение наподобие бус и белый блестящий камень величиной более куриного яйца и много человеческих и звериных костей»¹⁹. По распоряжению губернатора, которому Краснощеков в апреле сообщил о завершении раскопок, вещи забрал Ачинский исправник под две расписки (В описи вещей, присланных в апреле 1899 г. в Императорскую археологическую комиссию, всего 25 предметов и 8 костей животных. Видимо, часть предметов утеряна).

Оставшись без вознаграждения и средств к существованию, Егор Краснощеков написал прошение на имя царя, присовокупив к нему письменное разрешение П. С. Проскурякова на раскопки и расписки. Прошение осталось без последствий. Егор Краснощеков израсходовал на раскопки собственных 300 руб., выполнил большой объем работ. Из документов мы знаем, кто с ним работал и как долго, но вот сколько вещей было найдено и каких — не ясно. В апреле он передал 25 предметов, несколько раньше (в феврале) — 47 (не считая костей животных). Имеется устное свидетельство Е. Краснощекова, что в 1898 г. им было передано П. С. Проскурякову «500 резных костяных стрел, серебряный литой мундштук, два медных ножа, шесть медных изделий, похожих на льва. В том же году от него золотопромышленник Рветов получил две медные медали, железное копьё, 16 наконечников стрел и серебряную круглую плитку с зубчиками по краям, а мальчик, работник ачинского мещанина Журавлева, будучи из любопытства в пещере, случайно нашел медного конька»²⁰. Приблизительно эти же цифры, может быть, только несколько завышенные, фигурируют и в деле о поисках вещей из Айдашинской пещеры.

В 1913 г. Егор Краснощеков написал еще одно прошение в Археологическую комиссию, после чего начался розыск находок. Непосредственным исполнителем был исправник. 31 декабря 1913 г. удалось найти крестьянина, который был в артели Е. Краснощекова. В его показаниях фигурирует 700 различных костяных, железных и деревянных стрел, еще одна медная фигурка лошади и медная монета. Далее читаем: «... все эти вещи Краснощеков как правитель работ в то же самое время лет 15 тому

назад представил в Ачинское уездное Полицейское управление, откуда до настоящего времени об этих вещах не известно»²¹. В одно или разное время сотни вещей были добыты из Айдашинской пещеры, установить трудно, ясно одно: в настоящее время их хранится в музеях значительно меньше. Кампания по розыску айдашинских находок не увенчалась успехом, а коллекция, насчитывающая ориентировочно 500—700 предметов, не восстановлена. Вещи из раскопок 1897 г. и присланные губернатором в 1899 г. были переданы Государственному Историческому музею и составили коллекцию П. С. Проскурякова.

Со времени эпизодических раскопок 1897 г. и посещения П. С. Проскуряковым Айдашинской пещеры в 1899 г. исследование этого уникального памятника не проводилось. Некоторые из вещей, найденные П. С. Проскуряковым при расчистке гротов или изъятые у грабителей, опубликованы в отчетах Археологической комиссии (пряжка с изображением барса, эполетообразная застежка с прямоугольной бляхой, на которой изображены три медвежьи головы, фрагментированная прямоугольная бляха со стилизованным изображением лося²², фигурка кулана с подогнутыми ногами на выпуклом диске²³).

После завершения раскопок начинается второй этап изучения Айдашинской пещеры — интерпретация обнаруженных в ней археологических предметов. Последние привлекаются в качестве аналогов для выяснения территории распространения изделий той или иной археологической культуры, как идентичные вещи для конкретного памятника и, наконец, для выяснения частных сюжетов.

Опубликованные в отчетах Археологической комиссии айдашинские находки в 1906 г. переиздает А. А. Спицын²⁴. Несколько позже, в 1914 г., описывая коллекцию вещей из клада, найденного у д. Ишимки в 1911 г., А. Ермолаев приводит аналогии отдельным предметам. Из Айдашинской пещеры им тождественны кулан на диске, пряжка с изображением барса, эполетообразная застежка и птицевидный идол. Однако дальше констатации аналогий А. Ермолаев не пошел, хотя одно его замечание вызывает определенный интерес. Он высказывает мысль, что ишимская коллекция и приведенные аналогии «дают право сказать, что другие остатки этой культуры нужно

искать в таежной области, севернее Ачинска и Красноярска»²⁵. Современная археология таежной зоны Западной Сибири подтверждает это предположение.

К материалам Айдашинской пещеры затем обратились только в начале 50-х годов XX в., когда на повестку дня встали монографическое исследование находок и анализ историко-археологических процессов в Западной, Восточной и Южной Сибири²⁶. В более раннее время С. В. Киселев, характеризуя яркую, широко представленную источниками минусинскую курганную культуру, выделенную С. А. Теплоуховым, дает ей название тагарская и относит к ней ряд находок из Айдашинской пещеры²⁷. Характеризуя костяные изделия Лугавской стоянки, датированные таштыкским временем, он указывает аналогии им в стрелах из Айдашинской пещеры²⁸. Как аналогии привлекает материалы Айдашинской пещеры и М. Н. Комарова, когда анализирует инвентарь поздних могил Томского могильника, но указывает, что пещера как археологический памятник существовала длительное время. Позднюю часть айдашинских находок, по ее мнению, можно датировать серединой или началом второй половины I тыс. н. э. и отнести к фоминской культуре²⁹.

Несколько по-иному подошел к айдашинской коллекции В. Н. Чернецов. Он не только поставил вопрос о культурной принадлежности отдельных находок, но и определил суть Айдашинской пещеры как археологического памятника: «Айдашинская пещера являлась жертвенным местом, существовавшим в течение длительного периода во второй половине I тыс. до н. э. и, возможно, до первых веков н. э. Затем оно, видимо, было заброшено и лишь в конце I тыс. н. э. стало посещаться вновь. К этому времени и относятся железные предметы»³⁰. В краткой, но аргументированной форме В. Н. Чернецов сгруппировал предметы из пещеры по хронологическому и культурному принципу, выделил тагарские, позднеагарские и предположительно таштыкские предметы, изделия усть-полуйского типа и, наконец, наконечники, относящиеся не ранее чем к концу I тыс. н. э.³¹

И. А. Талицкая тоже называет Айдашинскую пещеру жертвенным местом и датирует памятник III в. до н. э. — IX в. н. э.³²

В 1956 г. в опубликованной монографии М. П. Грязнов выделяет верхнеобскую культуру и дает внутреннюю

периодизацию ее развития, датируя культуру в целом I тыс. н. э. При оценке материалов фоминского этапа (VII—VIII вв. н. э.) исследователь привлекает аналогичные изделия из Айдашинской пещеры, отмечая, что этот памятник как жертвенное место существовал в одно конкретно-историческое время, а именно в конце I тыс. н. э. Изделия предшествующих эпох М. П. Грязнов рассматривает как антиквариат³³. Р. А. Ураев в 1959 г. на основании трех памятников культового характера определяет восточную границу кулайской культуры, проходящей, по его мнению, по рекам Томь, Кеть и Чулым до Енисея³⁴.

В 60-е годы большая серия предметов из коллекции П. С. Проскурякова была классифицирована вместе с другими, едиными по культурной принадлежности изделиями. В 1962 г. Н. Л. Членова подвергла типологическому анализу изображения оленей из минусинских степей. Сравнивая развитие этого сюжета на соседней лесостепной территории, она опирается на ряд находок, в том числе фигурку оленя с подогнутыми под туловище ногами из Айдашинской пещеры³⁵. Несколько позже, в 1973 г., В. В. Бобров тоже обращается к этому сюжету скифо-сибирского звериного стиля. Фигурка оленя из Айдашинской пещеры входит в 1-ю группу его классификации и датируется V—I вв. до н. э.³⁶ Нижняя дата соответствует только лесостепным районам тагарской культуры. Больше внимания айдашинским находкам уделено в монографии Н. Л. Членовой, в которой она определяет в классификационном ряду место зеркала из Айдашинской пещеры³⁷. Бронзовая пластина с кольцом для большого пальца, служившая, вероятно, для предохранения руки от ударов тетивы, упоминается в работе А. М. Кулемзина³⁸.

В 1973 г. А. И. Мартынов публикует без каких-либо комментариев все находки П. С. Проскурякова из Айдашинской пещеры и план ее расположения³⁹. Годом позже М. Ф. Косарев, не соглашаясь с принципом датировки памятников Айдашинская пещера и Ишимский клад, справедливо указывает, что не только поздние вещи могут определять время существования археологического объекта. После такой теоретической преамбулы с конкретными примерами он дает датировку кулайской культуры⁴⁰.

На этом тот небольшой круг работ, которые в той или иной степени касаются материалов Айдашинской пещеры, кончается. Мы допускаем, что он, возможно, не полон,

по основные публикации, безусловно, названы. Необходимо также отметить, что в качестве аналогий айдашинские находки привлекались для выяснения или решения какого-нибудь конкретного сюжета (Н. Л. Членова, А. М. Кулемзин), культурной принадлежности отдельных находок и области их распространения (С. В. Киселев, В. Н. Чернецов), определения границ культуры (Р. А. Ураев). В связи с Айдашинской пещерой возник вопрос о датировке подобных памятников (М. П. Грязнов, М. Ф. Косарев, М. Н. Комарова). Важным также является частичная и полная публикация предметов коллекции П. С. Проскурякова из Айдашинской пещеры (В. Н. Чернецов, А. И. Мартынов) и определение характера памятника как жертвенного места. К сожалению, аргументов для определения типа памятника никто из исследователей не приводит, как и не дает объяснений, почему на жертвенном месте найдены одновременно предметы таежного и южного, степного и лесостепного мира.

В 1974 г. работы в Айдашинской пещере возобновились, хотя нас и терзали сомнения в их целесообразности, поскольку были известны и степень хищнических раскопок и удивительно большое количество вещей, извлеченных из пещеры. Сомнения кончились, когда пошли первые находки. Мы сделали все возможное, чтобы выявить остатки культурного слоя, но безрезультатно. Его отсутствие можно объяснить крутопадающим характером пещеры и длительными активными грабительскими раскопками. За три года расчистки Айдашинской пещеры была собрана коллекция предметов, насчитывающая около 600 экз. Нам не известно ни одного жертвенного памятника с таким обилием вещей. Не только количество, но и качественная характеристика изделий, их уникальность, удивительное сочетание предметов различных археологических культур ставят Айдашинскую пещеру в ряд наиболее важных и интересных в научном отношении памятников Западной Сибири. Новые находки сразу привлекли внимание исследователей. В предлагаемой работе в научный оборот вводятся прежде всего те материалы, которые позволяют в той или иной степени осветить узловые вопросы западносибирской археологии.

Такова краткая история исследований Айдашинской пещеры, несомненно, уникального памятника на территории севера западносибирской лесостепи.

КОЛЛЕКЦИИ ПРЕДМЕТОВ
ИЗ АЙДАШИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

В предлагаемой главе дается описание всех вещей, полученных в результате раскопок Айдашинской пещеры, включая и коллекцию П. С. Проскурякова. При изложении материала авторы придерживались хронологического принципа, стремясь там, где это возможно, не ограничиваться простым описанием предметов, а показать их историческое место, привлекая для этого наиболее близкие аналогии. Анализ костяных наконечников стрел из пещеры обусловил решение вопроса об их формальной типологии.

Все предметы, найденные в пещере, даны в приложении в виде рисунков и фотографий.

ИЗДЕЛИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА

Наиболее древние находки из Айдашинской пещеры относятся к эпохе неолита (возможно, раннего металла). Количество этих вещей невелико, а поэтому датировка их, кроме костяной головки лося, затруднена и предлагается нами с достаточной долей условности.

Малочисленность таких изделий может указывать прежде всего на то, что для людей неолита пещера не являлась своего рода культовым местом, а предметы попали в нее случайно. В то же время изделия из камня и костяные подвески могли существовать как в эпоху бронзы, так и в эпоху железа. Более того, в комплексах эпохи раннего железа можно вполне принять за неолитические¹. Поэтому не исключено также, что айдашинские костяные скульптурки могли быть своего рода антикваритетом.

Однако как бы там ни было предметы, о которых пойдет речь ниже, на наш взгляд, правильнее охарактеризовать особо.

1. Каменный наконечник стрелы изготовлен из темно-красного камня низкого качества. Обработан довольно изящной ретушью. Представлен обломком. По форме он скорее всего был мидалевидным. Имеет самые широкие аналогии как территориально, так и по времени (табл. I, 7).

2. Каменный скребок сделан из небольшой кварцитовой галечки серого цвета. Рабочая часть овальной формы, обработана грубыми сколами. Имеет самые широкие аналогии как территориально, так и по времени (табл. I, 2).

3. Подвеска из клыка медведя. Подобные предметы чаще всего встречаются в погребениях эпохи неолита и ранней бронзы. Территориально прослеживаются очень широко (табл. I, 3).

4. Четыре подвески из тонких полированных пластинок, подпрямоугольной формы с закругленными краями, отверстия выполнены односторонним биконическим сверлением (табл. I, 4—6, 9). На западносибирских неолитических памятниках представлены прежде всего в материалах кузнецко-алтайской неолитической культуры, Яйского и Васьковского могильников. Выделены как особый тип подобного рода украшений В. И. Матюшенко².

5. Подвеска в виде костяной фигурки медведя. Она профильная, выполнена гладкой резьбой и заполирована. Изображение барельефное, реалистичное. Уши, пасть, лоб выделены легкими, едва заметными изгибами, прекрасно воспринимаемыми зрительно. Контур фигурки животного (его массивное туловище) плавно очерчен. Ноги и холка показаны уступами. В верхней части туловища имеется сквозное отверстие (сверление двухстороннее, биконическое). Фигурка отличается четкостью, лаконизмом и законченностью форм. Длина ее 3,3, высота 1,8 см (табл. I, 7).

Обнаруживается определенное сходство этой подвески с неолитической фигуркой из Васьковского могильника³, а также с фигуркой, найденной на старом мусульманском кладбище⁴. Известны подобные изображения медведей на писаницах р. Томи и Енисея⁵, но больше всего рассматриваемая подвеска похожа на профильную фигурку медведя из окуневского могильника Карасук II⁶. Существен-

ное отличие последней — открытая часть у животного — черта, как полагают некоторые исследователи, типичная для окуневского искусства ⁷.

6. Подвеска в виде костяной головки лося (табл. I, 8). Выполнена объемно, в реалистической манере. Линия головы плавная и изящная, легкими бугорками выделены уши животного и рот. Шея животного постепенно сводится на нет. В этой части предмета просверлено миниатюрное отверстие для подвешивания. Длина подвески 5,6, высота 1 см. Наиболее близкие аналогии данному предмету мы находим среди изделий памятников кузнецко-алтайской неолитической культуры — Васьковского и Ордынского могильников ⁸, а также в неолитическом погребении на р. Базаихе ⁹ и Ангаре ¹⁰.

Таковы предметы из Айдашинской пещеры, которые следует связывать с неолитом или с эпохой доандроновской бронзы. находка подвески в виде головки лося может являться косвенным свидетельством включения данной территории в зону распространения кузнецко-алтайской неолитической культуры, одна из характерных черт которой — наличие в комплексах предметов мелкой пластики, в том числе и аналогичных вышеописанным ¹¹. В принципе то же самое можно сказать и о подвеске в виде фигурки медведя, однако, учитывая разительное ее сходство с аналогичными предметами окуневской культуры, нельзя не принимать во внимание возможность существования на данной территории племен, материальная и духовная культура которых была близка окуневским.

ОБЩЕСКИФСКИЕ СЮЖЕТЫ И ИЗДЕЛИЯ КУЛАЙСКОЙ И ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Яркой своеобразной чертой Айдашинской пещеры как археологического памятника, придающей ему особый колорит, является наличие предметов материальной культуры таежных и степных племен. И предметы эти большей частью синхронны во времени. Явление сложное, исторически трудно объяснимое. Айдашинские изделия, характерные для племен Южной Сибири, представлены украшениями и оружием и в меньшей степени — бытовыми предметами. Однако прежде чем перейти к анализу этой группы изделий, необходимо выделить основные проблемы археологии Западной Сибири, характерные для скиф-

ского времени. Это позволит оценить в перспективе место айдашинской коллекции и определить источниковедческую базу для выяснения ее культурно-исторической принадлежности.

Уже при первом знакомстве с материалами из Айдашинской пещеры мы пришли к выводу, что основная часть находок хронологически соответствует раннему железному веку. Это же подтвердил и типологический анализ. Данный период истории племен Западной Сибири изучен достаточно хорошо. Не одно десятилетие насчитывает история исследования тагарской культуры минусинских степей. В работах С. А. Теплоухова, С. В. Киселева, М. П. Грязнова, Н. Л. Членовой дана характеристика культуры, ее развитие, определены хронологические рамки этапов, коллективно разрабатывается общесторонняя проблематика тагарских племен ¹². В последнее двадцатилетие широкие по масштабам работы велись по изучению тагарских памятников в северных и северо-западных от минусинских степей лесостепных районах. Археологические памятники этой территории первоначально интерпретировались как локальный вариант культуры тагарских племен. Недавно на их источниковедческой базе А. И. Мартыновым была выделена самостоятельная лесостепная тагарская культура ¹³. Глубокая и всесторонняя изученность истории племен скифского времени Южной Сибири позволяет нам более объективно оценить материалы из Айдашинской пещеры, которая, кстати, расположена на территории распространения памятников тагарской культуры.

В бассейне верхней Оби жили племена — носители большепереченской культуры. Характеристика этой культуры, ее периодизация, данные М. П. Грязновым в середине 50-х годов, почти не претерпели изменений ¹⁴. Новые исследования вносят коррективы в развитие культуры лишь в последние века I тыс. до н. э. В связи с изучением истории большепереченских племен возник вопрос о северной границе их расселения, которая не была достаточно ясной. В лесостепном Томском Приобье стал известен ряд памятников, вещественные комплексы которых содержат материалы эпохи раннего железа. Именно анализ Томского могильника позволил М. Н. Комаровой определить своеобразие культуры племен этого района ¹⁵, поскольку материалы поселений, содержащие, как правило, сме-

шанные вещественные комплексы, чаще классифицировались достаточно верно¹⁶. В 50—70-е годы в Томском Приобье был исследован ряд памятников скифского времени, что позволило приступить к историко-археологической интерпретации. Так, в обобщающей работе Л. М. Плетневой в Томском Приобье выделяется самостоятельная археологическая культура, которая на ранних этапах имеет большое сходство с культурой большебереченских племен, а с V в. до н. э. испытывает огромное влияние тагарского населения¹⁷. Показано, что ряд исследователей отмечает среди материалов раннего железного века Томского Приобья предметы тагарского облика. На этой основе был сделан вывод о миграции тагарцев в Томское Приобье, причем А. И. Мартынов считает, что было две волны распространения тагарского населения на север и запад. Вторая волна, по его мнению, относится к I в. до н. э.—I в. н. э.¹⁸ Не вдаваясь в подробности, отметим только, что в материалах памятников Томского Приобья широко представлены сюжеты общескифских и, конкретно, общетагарских форм. Но детализация специфических черт, которая, к сожалению, недостаточно разработана для изделий этого района, на наш взгляд, придает последним своеобразный облик.

Вопрос о территории расселения приобских племен скифского времени пока недостаточно выяснен. В настоящее время восточным памятником в пределах лесостепи и тайги можно считать Заречную Горку в Тегульдетском районе Томской области на р. Чулым. Памятник этот расположен к северо-западу от Айдашинской пещеры, и соединяет их единая водная магистраль¹⁹.

С культурно-исторической проблемой племен скифского мира тесно связана частная проблема взаимоотношения степных и таежных племен в этот хронологический период. Влияние степного и лесостепного населения скифского мира с его более прогрессивным образом жизни на охотничье-рыболоводческие племена тайги было, безусловно, огромным. В лесную зону проникали не только изделия литейщиков степей, но и отдельные группы племен. Сходные процессы проиллюстрировал А. П. Окладников на материалах Восточной Сибири²⁰. Значительно сложнее вопрос о том, с кем контактировали степные племена. Находки И. М. Мягкова в Нарымском крае своеобразных по облику предметов, среди которых преобладали зоо-

и антропоморфные литые изделия, позволили сделать вывод о существовании племен раннего железа в соседних с лесостепным Приобьем районах²¹. Несмотря на то, что вещи были найдены на жертвенном месте, датировка их не вызывала сомнения²².

Еще в 1928 г. А. Талльгрэн указывал на сходство кулайской художественной бронзы с изделиями скифо-сибирского искусства звериного стиля²³. Однако долгое время кулайская культура выделялась лишь предположительно, поскольку памятников, на основании которых можно было бы обосновать ее существование в строго научном смысле, не находили. Одним из больших достижений советской археологии в последние годы явилось открытие памятников кулайской культуры и исследование истории ее носителей, несомненно достигших высокого уровня развития. Памятники кулайской культуры выявили в таежных районах Нарымского края, в лесостепях Приобья²⁴. В целом облик кулайской культуры восстанавливается на основании этих двух групп археологических объектов. Большинство же исследователей, занимающихся этой проблемой, считает появление памятников кулайского типа в лесостепях следствием изменения миграционных зон древних племен²⁵. Продвижение кулайских племен в меридиональном направлении, вверх по течению р. Оби, и формирование здесь своеобразной культуры приходится на III—I вв. до н. э., т. е. на то время, когда происходит распад большебереченской общности.

Следует отметить, что в это же время керамика и металлические изделия кулайского типа появляются и в памятниках ачинско-маринской лесостепи²⁶. Вполне возможно, что айдашинские находки кулайского облика следует датировать последним веком I тыс. до н. э.

В настоящее время еще трудно говорить о динамике развития и границах распространения кулайской культуры. Можно согласиться с Л. М. Чиндиной, что пока выделяются два этапа: локализация культуры в Нарымском Приобье и период миграции ее на юг. Область распространения этой культуры, по мнению Л. М. Чиндиной, — Нарымское и отчасти Томское Приобье²⁷. В. И. Мошинская считает, что кулайцы граничили с тагарскими племенами вплоть до Енисея²⁸. Как нечетки границы кулайской культуры, так неясны и ее хронологические рамки. Многие еще в ее изучении проблематично и дискуссионно.

При анализе материалов из Айдашинской пещеры мы более подробно остановимся на некоторых частных вопросах и различных точках зрения. Многие материалы новых исследований памятников еще не опубликованы, но при работе над айдашинскими находками отдельные выводы и заключения построены с их учетом.

Ниже дается описание предметов, найденных в пещере и относящихся к эпохе раннего железа.

Предметы кулайского облика

1. Бронзовые наконечники стрел (табл. II, 1—3, 5, 6). Обнаружено 5 экз. Все наконечники трехперые, имеют скрытую втулку и выступающие из нее лопасти, грани лопасти и их концы заострены. Лопасти к острию сужаются при помощи плавного наклонного уступа.

Ареал таких наконечников довольно широк. Так, на востоке аналогичный наконечник найден у с. Чадобец на Ангаре²⁹, известны указанные наконечники в Ишимской коллекции³⁰. В районе Томско-Нарымского Приобья подобные предметы обнаружены в нескольких пунктах: на горе Кулайке, у пос. Степановка, на городище Шаманский Мыс (средний Васюган)³¹. Найдены они и в трех пунктах лесостепного Приобья: могильники Новосибирский, Каменный Мыс и Ордынское-1³².

В Прииртышье подобные вещи оказались в Мурлинском кладе, а далее на запад — у с. Ключевского Курганской области, в Тобольско-Иртышском междуречье, на Чувашском мысу около г. Тобольска и доходят до Прикамья³³.

Шестой бронзовый наконечник (табл. II, 4) представлен в коллекции П. С. Проскурякова и опубликован В. Н. Чернецовым как «бронзовый наконечник стрелы усть-полуйского типа с наружной втулкой, скошенно заточенными лопастями и рельефными валиками, украшающими стержень наконечника»³⁴. В. Н. Чернецов называет памятники, где известны стрелы усть-полуйского облика³⁵. Это Усть-Полуй, гора Кулайка в Нарымском крае³⁶, верхняя Печора (р. Соплес)³⁷.

2. Бронзовая пластинка прямоугольной формы (табл. III, 1) с круглым отверстием в углу. С обоих краев она украшена парными желобками, между которыми нанесен орнамент. Определить назначение пластины пока

сложно. Украшение Z-образным орнаментом типично для памятников кулайского и усть-полуйского круга, где этот узор встречается как на вещах, так и на керамике.

3. Круглые бляшки (табл. III, 2, 5). Обнаружено 2 экз., несколько отличающиеся размерами. Имеют по два сквозных отверстия для подвешивания. Бляхи украшены двумя выпуклыми валиками, в центре их круглая рельефная выпуклость. С четырех противоположных сторон одной из бляшек, на ее торцевой части, отлиты небольшие бугорки (табл. II, 5). Аналогичная бляха опубликована В. Н. Чернецовым³⁸.

4. Литые бронзовые пронизки в виде трубочек (11 экз.) представлены в обломках (табл. III, 3, 4, 6—14). Диаметр различен. Украшены двумя типами орнамента: рубчатые поясом и двумя рядами треугольников. Аналогичные изделия, украшенные рубчатым поясом, были найдены П. С. Проскуряковым в Айдашинской пещере³⁹ (табл. III, 13, 14). Подобная пронизка обнаружена и в Усть-Полуе⁴⁰. Не исключено, что данные пронизки использовались как наконечники. В этом отношении показательна личина с косами из Айдашинской пещеры, о которой речь пойдет позже.

5. Украшения в виде двух спаренных выпуклых бляшек (4 экз.) (табл. III, 15, 16, 20, 21). Изделия окаймлены шнуровидным орнаментом, образующим «восьмерку». На двух спаренных бляшках в центре каждой изображено по выпуклой окружности, в которую заключена точка (табл. III, 16, 20). С оборотной стороны все изделия имеют по две дужки для закрепления. Аналогичные предметы известны из Усть-Полуя и Гляденовского кострища⁴¹. В могильнике Каменный Мыс Т. Н. Троицкой было найдено аналогичное изделие в погребении собаки⁴².

В пещере обнаружены также две одинарные бляшки, окаймленные шнуровидным валиком. С внутренней стороны к изделию крепится скоба (табл. III, 17, 18).

В пещере встретилось украшение в виде четырех бляшек, соединенных в квадрат и оформленных подобно описанным одинарным и двойным бляшкам (табл. III, 19).

6. Обломки бронзовых зеркал (2 экз.) (табл. IV, 1, 2). Выполнены из тонких бронзовых листов. С наружной стороны оба зеркала украшены концентрическими окружностями, дублирующими контур предмета. Одно изделие (табл. IV, 1), видимо, имело вторичное назначение: после

того как зеркало сломалось, в одном из обломков проделали отверстие, а затем его украсили гравировкой. Мастер изобразил овал с шестью отходящими лучами. Это изображение можно трактовать как солирный знак или женский половой признак. Зеркала с гравировкой известны в памятниках кулайского⁴³ и усть-полуйского времени⁴⁴.

7. Навершие рукояти кинжала (табл. IV, 3). Выполнено из бронзы. Изготовлено в виде двух волют, между завитками которых образуется фигура в виде креста. Стержень обломан. Аналогичные изделия найдены в Усть-Полуе и содержатся в Ишимской коллекции⁴⁵. В Лозьвинском кладе сходные навершия увенчивали бронзовую цельнолитую рукоять кинжала⁴⁶.

8. Бляха в виде двух стилизованных изображений птиц (табл. IV, 4—7), помещенных симметрично спиной друг к другу (4 экз.). Желобками в виде спирали выделены крылья. Изображения на бляхах помещены на своеобразной чуть выпуклой подставке, разделенной на три части двумя перпендикулярными желобками. В каждом отрезке, непосредственно под фигурами птиц, ообразжены по три точки, а под ними — рисунок, напоминающий личину. Кстати, И. М. Мягков трактует совершенно аналогичный предмет, найденный на р. Бундюр, именно как изображение личин⁴⁷. На наш взгляд, основной сюжетной линией данной бляхи является изображение не личин, а птиц. Это подтверждается еще и тем, что на втором аналогичном предмете из Айдашинской пещеры (табл. IV, 5), отличающемся от описанного лишь более изящными пропорциями, вместо пары точек, трактуемых И. М. Мягковым как глаза, обозначены по две пары точек. Этот рисунок даже не напоминает личину. Третий же аналогичный предмет (табл. IV, 7) абсолютно плоский, меньшего размера и вообще не имеет рисунков. Этот факт является дополнительным аргументом в пользу того, что основной сюжетной линией рассматриваемых блях можно считать изображение птиц. Аналогичные находки были обнаружены среди материалов Гляденовского кострища и у д. Чикачевой в Минусинской котловине⁴⁸.

9. Литая бронзовая бляха (табл. IV, 8). На обратной стороне имеет скобу. Украшена тремя рядами выпуклых окружностей, одной шнуровидной окружностью и желобками. Центральная часть бляхи представляет из себя гладкую площадку, в центре которой мастером выделен еще

один желобок и выпуклая окружность. Данную бляху можно, пожалуй, сопоставить с известной усть-полуйской⁴⁹ (правда, с большой долей условности). В Томском Приобье подобные зеркала известны из Степановской коллекции⁵⁰. Видимо, с севера аналогичные предметы попадали в тагарские комплексы. Так, два сходных предмета были обнаружены в погребении кургана № 13 у с. Некрасова в ачинско-маринской лесостепи⁵¹.

10. Круглая бляха (табл. IV, 10). Ее край окантовывают два желобка и два гладких валика. В центре бляхи равнобедренными треугольниками, идущими по окружности, оконтуривается правильный круг. Таким образом, на бляхе в центре, очевидно, запечатлен солирный знак, где треугольники изображают лучи, а круг — солнечный диск. Аналогично следует трактовать и две другие круглые бляхи, обнаруженные в пещере (табл. IV, 9; табл. V, 2). Край первой тоже окантовывают три желобка и три гладких валика. Аналогичны и треугольники, идущие по окружности и оконтуривающие правильный круг, правда, они имеют меньшее основание, поэтому их больше. Центральная окружность чуть выпуклая и дополнительно обрамлена выпуклым валиком. Третья бляха отличается несколько большими размерами и двойным ободком лучей (табл. V, 2). Обе бляхи с внутренней стороны имеют скобы для крепления. Подобные бляхи, как уже отмечалось, довольно характерны для памятников, родственных кулайским⁵². Несколько аналогичных блях обнаружены в Томском Приобье⁵³.

11. Бронзовая пластина для защиты левой руки от удара тетивы (табл. VI, 1). Входит в коллекцию П. С. Проскурякова. Опубликована и описана В. Н. Чернецовым: «Бронзовая пластинка, служившая для защиты левой руки от ударов тетивы, отличающаяся от обычной формы щитка тем, что к ней приделано кольцо для большого пальца. С находками из Усть-Полуя щиток сближает полоса Z-образного орнамента, столь характерного для вещей этой культуры»⁵⁴. Такого же мнения относительно применения описываемого изделия придерживается и А. М. Кулемзин⁵⁵.

12. Изображение левой передней лапы медведя (табл. VI, 2). Сохранился обломок фигурки зверя, стоящего на задних лапах с поднятыми вверх передними конечностями. Целое такое изделие найдено около горы

Кулайка⁵⁶. У запястья лапа украшалась чередованием валиков и желобков. Выемкой выделена «ладонь», желобками подчеркнуты когти зверя.

13. Личина с «косами» (табл. VI, 3). Лицо овальное, резко сужающееся к подбородку. Скулы почти не выступают, нос прямой, выпуклый, разрез глаз широкий, губы тонкие. От головы личины отходят косы, плетение показано пересекающимися желобками. На месте шеи и туловища под личиной изображен своеобразный овальный нагрудник, выделенный выпуклым валиком и желобком с вписанными в него овальными выпуклостями. Точные аналогии этому изделию нам неизвестны, однако сюжетные линии трактовки образа имеют довольно широкие параллели. Рассматриваемую личину по ярко выраженному антропологическому типу можно отнести к европеоидным изображениям согласно классификации Л. А. Чиндиной⁵⁷. Пожалуй, ближе всего изображение лица на бляхе сопоставимо с личиной, найденной на поселении Макара-Висынг-Тур⁵⁸, и личиной с горы Кулайка на р. Чая⁵⁹. Изображение кос известно как на литых личинах⁶⁰, так и на гравировках⁶¹.

14. Подвеска (табл. VI, 5), в центре которой солярный знак в виде круга, украшенного выпуклыми валиками и отходящими от него треугольными лучами, по три с каждой стороны. Это изображение находится в единой композиции с прямоугольником, орнаментированным меандровидным узором и выпуклыми точками. В этой части изделия имеется сквозное отверстие для подвешивания.

Бляхи с солярными изображениями встречаются в памятниках, о которых говорилось выше, однако вещей, абсолютно идентичных описываемому предмету, нам неизвестно. Аналогичный меандровидный узор встречается на изделиях усть-полуйской культуры⁶².

15. Фигурка северного оленя (табл. VI, 4). Литые грубое, типично кулайское. Мастер подчеркнул желобками глаза, нос и рот животного, орнаментировал шею и ноги. Через все туловище проходит узор, заключенный между двумя желобками (типично северного облика). Сзади к крупу животного припаяны две бронзовые ленты, одна из которых полностью обломалась. Кажется бы, все свидетельствует в пользу того, чтобы отнести данный предмет к изделиям кулайского круга культур, однако поза животного с подогнутыми ногами характерна для южного

круга культур. Аналогичные предметы содержатся в Ишимской коллекции⁶³.

16. Зеркало (табл. VII, 1) круглой формы, имеет небольшую прямоугольную ручку. Последняя украшена желобком, есть круглое отверстие для подвешивания. Край зеркала оконтурен гладким валиком и широким желобком, внутри которого оставлены выпуклости. Они, по-видимому, должны были образовать штриховой орнамент. В центре зеркала изображена фигура женщины, стоящей в полный рост. Голова у нее круглая, глаза и рот выполнены овалами, нос и брови соединены в Т-образную фигуру, что типично для кулайских личин⁶⁴. От головы отходят две косички, загнутые вовнутрь. Шея фигурки обозначена двумя параллельными штрихами. Туловище изображено в виде прямоугольника, верхняя часть которого (плечи) прямая, а нижняя закруглена. Руки выделены двумя параллельными линиями внутри туловища, внизу показан признак пола. Как известно, обозначение признака пола, прежде всего для мужчин, характерно для усть-полуйского времени. Что касается указаний на женский пол, то нам известен лишь один случай, когда мастером подчеркивалась половая принадлежность зверя — медведицы⁶⁵. Ноги у женской фигуры на зеркале прямые, ступни направлены в одну сторону, на левой ноге выделено колено.

Зеркала с гравировкой известны в памятниках кулайского типа⁶⁶, но они довольно существенно отличаются от рассматриваемого изделия.

Второе зеркало (табл. VII, 2), найденное в Айдашинской пещере, аналогично по форме, однако меньших пропорций и не имеет гравировки.

Предметы тагарского облика

1. Обломки браслетов. Сохранились только концы, украшенные головками животных. От одного браслета осталась часть проволоки, которая образует один виток. Видимо, это были браслеты обычного вида, сделанные из длинной проволоки, согнутой в спираль. Проволока брасла тонкая, круглая в сечении, только на концах она более широкая и прямоугольная в сечении. Конец одного браслета оформлен в виде головки барана (табл. VIII, 1). Морда у него овальная, немного приостренная. Пасть

обозначена круглой ямкой, над которой проходят две короткие параллельные бороздки. Глаз в виде ямки. Рельефно переданы рога животного. Они загнуты вперед, причем так, что внутренняя их линия подчеркивает форму уха. За головкой на поверхности проволоки бороздками нанесен елочный орнамент. Айдашинская находка, несмотря на ряд особенностей, напоминает браслет из Сибирской коллекции Петра I⁶⁷.

Изображение на втором браслете своеобразно (табл. VIII, 2). Оно выгравировано на прямоугольном в сечении конце проволоки, и лишь верхняя часть головы передана объемно. Изображен оскалившийся хищник. Нос у него спирально закручен. Показаны складки над пастью. Глаз эллипсовидной формы с ямкой в центре. Насечками покрыто спирально загнутое ухо. Сверху на голове виден елочный орнамент, довольно густой над глазом, продолжающийся ниже головы животного. Аналогий подобного оформления головки животного на браслете или шейной гривне нам неизвестно.

Проволочные браслеты и гривны, концы которых украшены скульптурными фигурками животных или их голов, были широко распространены в материальной культуре племен скифского мира. Они найдены в Северном Причерноморье и Запорожье, известны в составе Сибирской коллекции Петра I⁶⁸. Браслеты, хотя и иного типа, но по оформлению близкие проволочным, имеются среди предметов Амударьинского клада⁶⁹. То, что айдашинские экземпляры относятся к раннему железному веку, не вызывает сомнения, значительно сложнее установить их культурную принадлежность. Стилистически изображение головки барана можно связывать с тагарским искусством. Техника исполнения близка савроматскому художественному творчеству⁷⁰. Однако сам сюжет довольно широко представлен в искусстве племен Горного Алтая и Южной Сибири, как и изображение хищника с загнутыми в спираль ухом и носом⁷¹. Думается, более вероятно связывать фрагменты браслетов с тагарской культурой.

2. Бронзовая фигурка оленя (табл. IX, 1). Изображение оленя с подогнутыми под туловище ногами из Айдашинской пещеры, найденное во время раскопок П. С. Проскуряковым в 1897 г., уже неоднократно публиковалось⁷², тем не менее есть необходимость остановиться на описании этой находки. Изображение это динамич-

ное, напряженное. Рельефно подчеркнуты мышцы животного. Короткая шея выгнута. Морда немного задрана вверх, образуя с шеей одну линию. Рога оленя переданы пятью S-видными отростками. Конец последнего отростка, загибаясь, соединяется с крупом. Передний отросток в форме загнутого вверх крючка расположен параллельно морде. Рога начинаются над глазом и отделены от морды рельефным валиком. Морда оленя подпрямоугольной формы. Незначительным рельефом и выступом показаны скулы животного. Пасть и ноздри не обозначены. Глаз передан округлым бугорком и ямкой. Короткое ухо в виде выступа с овальным углублением. На шее рельефная полоска, передающая свисающую шерсть животного. Ноги расположены так, что передняя лежит на задней. Передняя нога прижата к туловищу и в изгибе образует петлю. Копыта отделены углублением. Рельефно переданы бедро и лопатка животного. Хвост обозначен маленьким выступом.

Культурная принадлежность найденной П. С. Проскуряковым в Айдашинской пещере так называемой «олениной» бляшки не вызывает сомнения. Несмотря на то, что изображения оленей с подогнутыми под туловище ногами получили широкое распространение в искусстве племен скифского мира Великого пояса степей, иконография сюжета позволяет связывать айдашинскую бляшку с изделиями тагарского звериного стиля. Аналогий ей много как среди случайных находок, так и среди изделий из памятников тагарской культуры минусинских степей и ачинско-мариинской лесостепи⁷³. Более северная находка фигурки оленя тоже с подогнутыми ногами и S-видными рогами, но несколько отличная от айдашинской имеется в Степановской коллекции⁷⁴. Подобные фигурки Н. Л. Членова относит ко второй группе и датирует V—III вв. до н. э.⁷⁵ По классификации В. В. Боброва, они составляют тип II первой группы. Кроме того, он считает, что в лесостепных районах распространения тагарской культуры эта ранняя форма изображений существует дольше — до I в. до н. э.⁷⁶

3. Фигурка оленя в кольце (2 экз.). Одно изображение оленя несколько условно и схематично (табл. IX, 2). В бронзе передано животное, резко остановившееся в момент быстрого бега. Поза оленя, шея и морда, поданные вперед ноги, приподнятый круп фиксируют именно такой

момент. Перед нами удивительный образец художественного направления в искусстве племен Южной Сибири скифского времени. В основе этого направления — сочетание условной трактовки анималистических образов с динамикой их состояния.

Изображение оленя силуэтное. Морда с незначительной горбинкой, к концу заострена. Едва заметным выступом показаны скулы животного. Рога переданы дугообразным стержнем с тремя крючками-отростками. К стержню-рогу прижато эллипсоидной формы ухо. Незначительный рельеф выделяет лопатку. Хвост в виде короткого выступа. Резко и четко обозначено бедро, что подчеркивает напряженность тела животного. Интересной особенностью описываемой фигурки является то, что олень изображен с одной парой ног, окончания которых сливаются с кольцом. Копыта не выделены. Мордой, отростками рогов и хвостом фигурка соединена с кольцом, т. е. она занимает все пространство внутри него.

Другая фигурка оленя выполнена в совершенно иной художественной манере (табл. IX, 3). Это изображение, несмотря на некоторую условность, реалистично. Поза животного передает иное состояние, чем у вышеописанного. Олень как бы припал на передние ноги, туловище у него прогнулось, короткая к концу заостренная морда задрана вверх. Пасть, ноздри, глаз не обозначены. Рога переданы волнообразным стержнем с отростками. Непропорционально большое ухо листовидной формы занимает почти все пространство между рогами и туловищем. Вдоль уха сделано эллипсоидное углубление. Небольшим плавным выступом обозначена холка, хвост изображен в виде маленького слегка загнутого крючка. От морды до передней ноги тянется дугообразный выступ с насечками. Шея отделена от него более выпуклым рельефом. Таким приемом показана свисающая шерсть. Животное изображено на четырех широко расставленных ногах, концы которых сливаются с рамкой. В этих местах они имеют треугольную форму. Вполне возможно, что так переданы копыта. Передние ноги немного вытянуты вперед.

Изделий с фигурами стоящих оленей в кольцевой рамке, относящихся к скифскому времени, известно немного. Н. Л. Членова в сводной работе, посвященной

этому сюжету скифо-сибирского искусства звериного стиля, отмечает, что они встречены на Кубани, в Минусинской котловине и в Ордосе⁷⁷.

На территории распространения племен тагарской культуры найдено пять изображений оленей в кольце. Четыре из них относятся к случайным находкам, а одно обнаружено в тагарском кургане 2 (группа Абаканская управа)⁷⁸. В сибирской археологии довольно полно дана стилистическая характеристика образа оленя в тагарском искусстве, что упрощает оценку новых находок из Айдашинской пещеры⁷⁹. Нет сомнения, что два новых изображения стоящих в кругу оленей относятся к произведениям тагарского звериного стиля. Необходимо лишь подчеркнуть, что вторая описанная фигурка имеет особенности, нехарактерные для искусства тагарцев. Во-первых, среди тагарских изображений оленей как с подогнутыми под туловище ногами, так и стоящих нет ни одного с четырьмя ногами. Такой прием более характерен для скифского искусства. Во-вторых, в тагарском искусстве нет изображений оленей, припавших на передние ноги. В то же время известны изделия, на которых животное изображено припавшим на одно колено (согласно трактовке многих исследователей, жертвенная поза). Они найдены в скифских памятниках на территории Болгарии и Румынии. Именно в этих деталях описанное изображение близко скифским. Однако делать какие-либо в этом отношении определенные выводы преждевременно. Известно, например, что на рукоятках тагарских ножей в кольце изображалась фигурка козла, причем тоже с одной парой ног. Изображения оленей в кольцевой рамке немногочисленны. Стилистический анализ позволяет высказать мысль, что все они вряд ли составляют раннюю хронологическую группу. Возможно, фигурка из Айдашинской пещеры немного древнее. А так как в ранний период произведения скифского и тагарского искусства имеют много общего, то это, очевидно, отражается и на описанном экземпляре. На наш взгляд, иное объяснение могут дать новые материалы скифского времени лесостепных районов излучины р. Чулым, района Красноярска и Томского Приобья, которые пока еще слабо изучены.

Определить время существования фигурок стоящих в кругу оленей из Айдашинской пещеры довольно сложно,

поскольку все подобные предметы не привязаны к датированным комплексам, за исключением фигурки из раскопок А. В. Адрианова. Н. Л. Членова по художественному приему изображения рогов относит рассматриваемый экземпляр к V в. до н. э. Другие фигурки на основании стилистического анализа она датирует IV в. до н. э.⁸⁰

4. Изображение хищника кошачьей породы, свернутого в кольцо. В Айдашинской пещере найдены две бляшки с такими фигурами. Уровень художественного воплощения образа зверя на этих бляшках различный. Что же касается сюжета, то он имел широкое распространение в скифо-сибирском искусстве звериного стиля.

На одной бляхе, диаметр которой 60 мм, свернувшийся в кольцо хищник изображен в условно-реалистической манере (табл. IX, 5). Уплощенным рельефом переданы морда, лопатка и бедро животного. Сильное длинное туловище изогнуто. Массивная широкая морда в середине сужена. Острым выступом показаны скулы хищника. Глаз и ноздри обозначены круглой незначительной выпуклостью и ямкой. Они непропорционально велики и заметно выделяются на морде. Пасть передана небольшим продолговатым углублением. Передняя лапа поджата под острым углом и соединена со скулой. Задняя лапа также подогнута. Лапы, как и чуть изогнутый вверх хвост, имеют круглое окончание с ямкой. Ухо, расположенное у глаза, поднято вверх. Оно треугольной формы с углублением. Вдоль шеи от морды до лопатки сделана бороздка. Все изображение обрамлено двумя рядами так называемого веревочного орнамента.

Второе изображение свернувшегося в кольцо хищника из семейства кошачьих помещено на выпуклой бляшке, имеющей вид усеченного конуса, на боку которого сделано отверстие для крепления (табл. IX, 4). Изображение настолько схематичное, что в нем трудно узнать фигуру животного. Туловище передано одной дугообразно прогнутой линией. Морда, лапы и хвост определяются по кольцам, которыми обозначены, очевидно, глаз, ноздри, окончания лап и хвоста.

Сюжет свернувшегося в кольцо хищника довольно распространен в искусстве скифов, саков, сароматов, тагарских племен, населения Казахстана, Горного Алтая и Тувы⁸¹. Следует только отметить, что наиболее яркая

деталь, отличающая первую бляшку от аналогичных из южносибирских памятников скифского времени, обрамление двумя витками веревочного орнамента. Точной копией айдашинскому изображению является бляшка, найденная на поселении Шеломок II в Томском Приобье⁸². Совпадают и такие детали, нехарактерные для иконографии образа в искусстве других племен, как треугольное ухо и бороздка на шее. Видимо, эту айдашинскую бляшку следует связывать с памятниками скифского времени лесостепных районов Томского Приобья.

Что же касается второй бляшки с предельно схематичным изображением свернувшегося в кольцо хищника, то, очевидно, такой тип изделий тоже происходит из указанных районов. На одну подобную бляшку из Томского могильника указывает Н. Л. Членова, ссылаясь на отчет Археологической комиссии за 1889 г.⁸³ Другая найдена на городище Заречная Горка в Тегульдетском районе Томской области (р. Чулым)⁸⁴.

Анализируя археологические памятники скифского времени, Л. М. Плетнева выделяет новую культуру. На основании детального изучения керамики она приходит к выводу, что «...памятники Томского Приобья конца VIII—VII вв. до н. э. близки памятникам большебереченской культуры...», но позже, в V—VIII вв. до н. э., на этой территории формируется своеобразная культура. При этом Л. М. Плетневой подчеркивается влияние тагарской культуры на развитие культуры племен, населявших Томское Приобье⁸⁵.

Все вышесказанное имеет прямое отношение и к датировке рассматриваемых айдашинских предметов. Вряд ли будет объективным определять их возраст на основании широкого круга аналогий. Развитие как культуры, так и искусства у населения Томского Приобья в раннем железном веке могло иметь свои особенности. Находка одной бляшки в Томском могильнике тоже мало проясняет вопрос о времени существования подобных изделий в указанном районе. При датировке изделий с изображением свернувшегося в кольцо хищника все исследователи, занимающиеся археологией Томского Приобья, исходят из времени существования данного сюжета в тагарском искусстве звериного стиля. При этом ссылаются на работу Н. Л. Членовой «Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры», но даты приводят разные:

В. И. Матющенко — VI в. до н. э.⁸⁶, Л. М. Плетнева — V в. до н. э.⁸⁷ Изображение свернувшегося в кольцо хищника в скифо-сибирском искусстве зверинного стиля существует до IV в. до н. э.⁸⁸, как и в тагарском искусстве минусинских степей⁸⁹. В схематизированном виде этот сюжет долго существует в ордосских бронзах⁹⁰. Известна находка бляшки в сарматском погребении I в. до н. э. — I в. н. э. на Кубани⁹¹. В связи с развитием этого сюжета интересна мысль Н. Л. Членовой о сильном влиянии тагарской культуры лесостепи на таежные племена и растворения искусства зверинного стиля в чуждой природной среде⁹².

5. Пряжки. Обнаружено 4 экз. Особый интерес представляют две из них, причем одна из коллекции П. С. Проскурякова. По форме они различны, но объединяет их декоративное оформление. Первая бронзовая пряжка представляет собой прямоугольную рамку, орнаментированную наклонными узкими углублениями (табл. X, 1). Внутри рамки, занимая все пространство, помещено изображение стоящего животного. Это фигура хищника из семейства кошачьих. Туловище животного передано в профиль. Показаны четыре ноги животного. Передние немного вытянуты вперед. Эта деталь, а также прогнутое короткое туловище передают состояние напряженности хищника. На округлых окончаниях лап обозначены когти. Хвост S-видной формы загнут вверх и расположен над туловищем. Морда животного, подпрямоугольная на конце, опущена. Уши круглой формы выделены бороздкой и неглубокими ямками. Шея узкая, дугообразно выгнутая. Все изображение как бы заштриховано наклонными бороздками, только на бедре они образуют спираль.

В нижнем левом углу пряжки, между мордой, лапой и рамкой имеется овальное отверстие. По центру от него на рамке расположен шпенок.

Тождественные айдашинской пряжке находки нам неизвестны, но композиционное построение изображения, стилистическая манера позволяют видеть в изделии традиции скифо-сибирского искусства. В скифском изображении творчестве образ хищника из семейства кошачьих довольно известен. При этом скульптурная фигура всегда изображалась с четырьмя ногами, с телом в профиль и мордой в фас⁹³. Такая трактовка позы жи-

вотных получила широкое распространение в искусстве племен скифского времени в Горном Алтае⁹⁴. Известна она и на прямоугольных поясных пластинах Южной Сибири, на которых часто изображали быков или яков с опущенной головой⁹⁵. Айдашинская находка ближе к поясным пластинам. Но объясняется это скорее хронологическим единством, а не культурно-исторической принадлежностью. Ни на сибирских, ни на ордосских прямоугольных пряжках нет изображений хищников кошачьей породы. Более важно, на наш взгляд, другое обстоятельство: в искусстве степных племен не встречается орнамента в виде наклонных бороздок. Спираль на бедре — деталь более известная прежде всего в искусстве племен Горного Алтая, реже она встречается на тагарских изображениях⁹⁶. На последних она рассматривается как отражение влияния горноалтайского искусства. Затруднение в определении культурной принадлежности айдашинской пряжки вызывает и более условный, силуэтный, характер изображения зверя по сравнению с подобными минусинскими изделиями.

Пряжка из коллекции П. С. Проскурякова иной формы (табл. X, 2). Один край у нее прямой, другой, более широкий, овальный. По краю пряжки рельефно выполнен лепестковый орнамент, на основании его нет. Здесь сделаны два круглых отверстия для прикрепления к ремню. На пряжке барельефно выполнено изображение хищника из семейства кошачьих, причем более реалистичное, чем на первой пряжке. По крайней мере, пропорционально передано длинное и гибкое тело животного. Хищник показан в профиль. Он стоит на четырех лапах. Когти обозначены только на задних, окончания передних округлой формы и неестественно загнуты. Бедро чуть приподнято. От этого туловище немного прогнуто. Длинный хвост поднят вверх. Он, извиваясь над туловищем, образует S-видную форму. Мышцы лопатки переданы рельефной выпуклостью. На вертикальной шее расположена массивная, чуть наклоненная голова. Длинным углублением передана пасть. Между мордой и передней лапой животного имеется овальное отверстие для ремня. На краю пряжки, напротив отверстия, сделан короткий шпенок.

Аналогичная пряжка найдена поблизости от Айдашинской пещеры и известна в составе Ишимскогоклада⁹⁷.

Других подобных изделий не найдено. Что касается формы пряжки, то она довольно распространена⁹⁸ и существует одновременно с прямоугольными ажурными пряжками. В последние годы такие пряжки найдены в ряде погребальных комплексов и на поселениях⁹⁹. Почти все исследователи относят подобные пряжки к последним векам до нашей эры¹⁰⁰.

Две другие айдашинские бронзовые пряжки небольшие, имеют обычную форму (табл. XI, 3, 4). У них прямое и немного уплощенное основание. Боковые стороны рельефно выступают, образуя бортик. Остальная часть пряжки сердцевидной формы, но концы перемычки между собой не соединяются, а загнуты внутрь. В одном случае они образуют сомкнутые петли. По центру округлой части пряжки имеется рельефный выступающий вперед шпенок. На одной пряжке (табл. XI, 3) по всей поверхности сделана бороздка, повторяющая ее форму.

Своеобразие этих двух рассматриваемых пряжек — в необычном оформлении перемычки. Подобный элемент известен на пряжках из склепов изыхского этапа таштыкской культуры¹⁰¹. Однако сами эти пряжки длиннее, а перемычка образована несомкнутыми спиралевидными выступами. Точных аналогий айдашинским пряжкам мы не знаем, и только отмеченная деталь позволяет предполагать, что они существовали на рубеже эры.

6. Навершие в виде полый скульптурной протомы двух животных, вид которых определить невозможно, настолько условны эти изображения и плохая их сохранность (табл. XI, 1). Морды у животных опущены, на концах узкие и прямоугольной формы. Внешняя линия морды и уха прямая. Удлиненным углублением обозначена пасть. Голова округлая, в центре ее линия, которой передан глаз животного. Ухо каплевидной формы. Ноги имеют кольчатые окончания и приближены вплотную к морде. Изображены животные, больше напоминающие копытных, несмотря на «кольчатость» ног — детали, в основном характерной для передачи хищников в искусстве звериного стиля племен скифо-сибирского мира.

Стилистически протомы животных — сюжет скифского времени. Однако айдашинскому навершию аналогий в памятниках скифского времени нет. Среди изделий I тыс. до н. э., обнаруженных на территории Западной Сибири, протомы известны в материалах тагарской культуры,

однако только один предмет был обнаружен в датированном комплексе. Две протомы (по мнению Н. Л. Членовой, лошадей) являются навершиями рукоятки кинжалов и найдены, судя по музейным шифрам, в Минусинском крае¹⁰², но это явно тагарские кинжалы красноярского типа. В тагарском искусстве этот сюжет, очевидно, существовал с VII в. до н. э. Условность айдашинского навершия позволяет относить его ко второй половине I тыс. до н. э.

7. Полая скульптурная очень схематичная фигурка птицы (табл. XI, 2). В бронзе передано массивное туловище с опущенным вниз хвостом. Круглая голова повернута назад, имеет отверстие посередине. Таким приемом передан глаз птицы. Голова лежит на спине. Тонкая шея и клюв изогнуты дугой, конец последнего соединен со спиной. Нога поджата и заканчивается кольцом. «Кольчатость» изображения придает ажурность и условность всей фигурке.

Абсолютно тождественных изделий рассматриваемой фигурке птицы в материальной культуре скифского мира нет. Большое сходство обнаруживает полая скульптурка птицы с прорезным туловом из Минусинской котловины¹⁰³. Известны изображения птиц, запечатленные в подобной позе, но плоские литые и гравированные на металле. Территориально их распространение связано со степным и лесостепными районами Южной Сибири. Больше всего плоских фигурок найдено в лесостепи. Два изображения известны среди материалов Степановской коллекции, одна обнаружена на поселении Заречная Горка и еще одна, но только в кольце — на поселении Самусь II¹⁰⁴.

Близки им территориально и по художественным особенностям плоские фигурки птиц из жертвенного памятника Лысая Гора в Кемеровской области¹⁰⁵. Все названные изображения, за исключением самусьского, объединяет не только то, что они выполнены плоским литьем, но и оформление туловища птицы, на котором сделаны овальные или дугообразные бороздки. По-видимому, таким приемом обозначалось оперение.

Фигурка птицы в позе, аналогичной айдашинской, известна на ножах. На одном, найденном на Северном Алтае, она является навершием рукоятки ножа¹⁰⁶. На другом, из Минусинской котловины, она выгравирована

на плоскости рукоятки¹⁰⁷. Самая отдаленная аналогия фигурки птицы с повернутой назад головой происходит из кургана 83 (Уйгарака в Приаралье)¹⁰⁸.

Рассмотренные изображения птиц в позе, аналогичной айдашинской фигурке, вопроса о культурной принадлежности интересующей нас находки не решают. Ясно одно: изделие из Айдашинской пещеры относится к кругу сюжетов скифо-сибирского звериного стиля. Столь же неопределенно можно судить и о времени существования подобных фигурок. Н. Л. Членова видит в них сюжет «алтайского» стиля и датирует по типу тагарского пожа V в. до н. э.¹⁰⁹ А. И. Мартынов, анализируя материалы лесостепных районов Южной Сибири, считает, что хронологически подобные фигурки существовали во II—I вв. до н. э., и относит их к послетагарскому искусству¹¹⁰. Опровергнуть какое-либо из приведенных мнений вряд ли возможно. Можно лишь говорить, что этот сюжет скорее возникает в искусстве племен степных районов. Представляется неслучайным присутствие фигурки птицы в ранних сакских памятниках. Синхронны ей по времени изображения птиц с повернутой назад головой, но расположенной на туловище, обнаруженные в Чиликтинском кургане (Восточный Казахстан)¹¹¹. В лесостепных районах этот сюжет получает распространение гораздо позже. На наш взгляд, дата, установленная А. И. Мартыновым, несколько завышена.

8. Бронзовые бляшки с изображением кулана в лежащей позе с подогнутыми под туловище ногами представлены двумя экземплярами. Одна из них найдена П. С. Проксуриным (табл. XI, 5). Следует отметить, что она более реалистична и технически совершенна, чем наша находка. Кулан изображен на краю круглого выпуклого диска. Сама фигурка тоже выпуклая. Соотношение частей тела животного строго выдержано, но голова и шея по отношению к туловищу непропорционально велики. Изображение горизонтальное. Шея кулана дугообразно выгнута, голова опущена. Морда трапециевидной формы с небольшим перехватом посредине. Двумя узкими бороздками обозначены ноздри. Овальный глаз образован бороздкой. Лоб над глазом немного уплощен. Между головой и шеей сделана узкая бороздка. Морда с коленом передней ноги соединена дугообразным стержнем. В эллипсовидном ухе

имеется углубление, повторяющее его форму. К сожалению, второе ухо не сохранилось. От уха вдоль шеи идет плоский кантик — загривок животного. Бороздка вдоль шеи обозначает короткую свисающую шерсть. Рельефно подчеркнуты лопатка и бедро. Между ними четыре дуговидные бороздки передают ребра. Соединенные в одну линию ноги выгнуты к туловищу, т. е. они повторяют край диска. Неглубокими бороздками довольно условно изображены копыта, причем копыто задней ноги лежит на переднем. Длинный хвост свисает вниз и соединен стержнем с ногой.

Найденная во время наших работ бляшка отличается от описанной величиной и большей условностью (табл. XII). Морда у животного вытянута, на конце почти прямоугольная. Пасть передана длинным углублением. Уши изображены в виде овальных выступов, на которых сделаны бороздки, повторяющие их форму. Голова рельефно выделена. Она соединена с ногой дугообразным стержнем. Загривок и свисающая шерсть на шее показаны так же, как и у кулана на описанной бляшке. Но сама шея массивная и короткая. Рельефно выделенные лопатка и бедро узкие, треугольной формы. Ноги соединены в одну линию, причем так, что копыто задней находится на копыте передней ноги. Копыта четко обозначены углублениями. Линия ног нарушает окружность диска, она к тому же присоединена к туловищу. Прямой хвост прикреплен на бляшке к бедру животного стержнем.

Бляшки с изображением кулана, подобные айдашинским, в материальной культуре племен Западной Сибири нам неизвестны. Бляшка, тождественная найденной в Айдашинской пещере (табл. XI), из Ишимского клада тоже не решает вопросов хронологической и культурной принадлежности описанных изделий¹¹². Стилистический анализ позволяет сближать их с предметами искусства раннего периода таштыкской культуры или тагаро-таштыкского переходного времени. В памятниках изысканного этапа есть изображения куланов с аналогичными приемами стилизации и в подобной позе, но без диска. Раннеташтыкские произведения искусства явно несут традиционные приемы и художественные особенности скифо-сибирского звериного стиля¹¹³, поэтому время появления этих изделий вне датирующего вещественного

комплекса очень трудно определить. Что же касается изображения таких животных, как кулан, то они в искусстве племен Южной Сибири тоже появляются в скифское время. Бесспорно одно, что этот сюжет, как и его композиционное воплощение, связан с культурой степных племен.

9. Бляха (табл. XI, 6). Представляет собой композицию в виде трех скрепленных между собой козлов. Бляха отлита из золотистой бронзы. Поза животных, композиционная трактовка и сами животные типично южные, тагарские. Вещи со сходным сюжетом объединения в композицию нескольких козлиных голов найдены на жертвенном месте на Лысой Горе¹¹⁴, но на крупе каждого из трех козлов айдашинской бляшки имеется сидящая уточка — характерная деталь на различных изображениях кулайской и родственной с ней усть-полуйской культуры.

10. Подвеска в виде миниатюрного бронзового котла, высота которой 32 мм (табл. XI, 7). Стилизованные ручки с тремя аморфными выступами слиты с туловищем сосуда. Одна из них отделена от края круглым отверстием, которое придает ручке дугообразную форму. Внутри сосуда, на его дне, имеется отверстие, в котором сохранились остатки кожаного ремешка. Эта деталь указывает на использование миниатюрного сосуда в виде подвески. По форме подвеска скорее напоминает глиняные сосуды на поддоне, широко распространенные в позднетагарских памятниках тесинского этапа и в раннеташтыкских склепах. Такие сосуды являются, как принято считать, копиями бронзовых котлов. Известны точные аналогии айдашинской бронзовой подвеске среди глиняной посуды, и лишь отдаленно она напоминает бронзовые котлы скифского мира.

Миниатюрные бронзовые котлы на поддонах были обнаружены в раннеташтыкских памятниках минусинских степей — в склепе № 2 Изыхского чаа-таса и в склепе № 1 Уйбата II. Л. Р. Кызласов относит оба эти склепа к изыхскому этапу таштыкской культуры и датирует I в. до н. э. — I в. н. э.¹¹⁵ Одна такая подвеска найдена в грунтовой могиле и относится к этому же времени¹¹⁶. Кстати, этот сосудик-подвеска больше напоминает формы сосудов из глины, чем подвески, изъятые из склепов, точно воспроизводящие формы котлов. Существовали по-

добные подвески, видимо, до III в. н. э., по крайней мере, они известны в склепах сырского и уйбатского этапов таштыкской культуры¹¹⁷. Появляются миниатюрные бронзовые сосуды в минусинских степях, очевидно, на тесинском этапе. М. Н. Пшеницына среди инвентаря тесинских погребальных памятников отмечает четыре миниатюрных бронзовых сосуда и один железный¹¹⁸. О находках миниатюрных бронзовых котлов в позднейших тагарских курганах и таштыкских памятниках говорил и С. В. Киселев¹¹⁹.

В материалах памятников лесостепных районов аналогичных подвесок не найдено. Исключение составляет бронзовая подвеска в виде миниатюрного сосуда на поддоне, имеющая дугообразные ручки, обнаруженная у пос. Степановка на р. Томи¹²⁰. Характер этого памятника, который содержит предметы южного и северного происхождения, до сих пор неясен. Видимо, будет правомерным связывать айдашинскую бронзовую подвеску с изделиями степных культур и датировать ее I в. до н. э. — II в. н. э.

11. Бронзовый предмет неясного назначения (табл. XI, 8). Длина его 2,5, ширина 1,5 см. Этот предмет прямоугольной формы, один край его немного закруглен с двух сторон. Предмет квадратный в сечении, полый. На всей поверхности предмета имеются ряды небольших прямоугольных отверстий.

Единственно похожий предмет был найден в кургане 8 Ордынского могильника (Новосибирская лесостепь). М. П. Завитухина назвала его бронзовой ажурной пронызью. По ее мнению, курганы были сооружены в V—IV вв. до н. э.¹²¹

12. К интересным находкам следует отнести несколько костяных изделий, которые, возможно, составляли один предмет. Сохранившиеся на них окислы железа, а также форма указывают на то, что они принадлежали к кинжалу и ножнам. Сохранилась верхняя часть костяной рукоятки (табл. XIII, 1), которая, по всей вероятности, насаживалась на черешок кинжала. Конец рукоятки имеет восьмеркообразное навершие. Хорошо сохранилось перекрестие (?) — прямой с закругленными краями предмет (табл. XIII, 2). Сверху на нем сделано узкое овальное отверстие, а на плоскости у краев барельефно выполнены изображения лежащих хищников из семейства кошачьих.

Туловища животных изображены в профиль, голова — в фас. Фигурки очень условные. Неглубокие бороздки на овальном туловище, вероятно, подчеркивают мышцы. Ноги не изображены. Основное внимание мастер уделил морде хищника. Она массивная, круглая. Маленькими ямками обозначены ноздри. Глаза тоже изображены круглыми ямками, но подчеркнуты еще бороздками полулунной формы. Под глазами имеется еще по одной бороздке. Этими линиями отделяется окончание морды. Круглые уши переданы двумя бороздками. Поза животных, приемы стилизации традиционны для искусства племен скифского мира.

Три других костяных фрагмента продолговатые, с закругленными концами (табл. XIII, 3—5), на одном из них барельефная фигурка свернувшегося в кольцо хищника. Эти предметы с внутренней стороны имеют паз. Возможно, они являлись накладками на верхний край ножен. Хищник изображен очень схематично. Закрученное в кольцо туловище показано в профиль, а морда — в фас. Голова круглой формы. Окончание морды трапециевидное. Вдоль туловища животного сделана бороздка, которая на бедре образует спираль. Вместо ног сделаны насечки. На спине хищника нанесены мелкие точечные ямки.

Стилистически и композиционно айдашинским находкам близки обнаруженные в минусинских степях два костяных изделия, выполненные в зверином стиле¹²². Вероятно, функциональное их назначение тоже идентично. Одно изделие происходит из памятника тагарской культуры — кургана у железнодорожной постройки на Аскиз-Абаканской ветке. Айдашинские вещи можно связывать с изделиями культуры раннего железа Южной Сибири. Что касается обломка рукоятки кинжала, то в тагарских памятниках кинжалов с подобным навершием нам неизвестно.

13. Найдено четыре фрагмента от разных бронзовых котлов. Один из них — это часть стенки котла (табл. XIV, 4), два других — часть верхнего края сосуда с ручкой (табл. XIV, 1, 2), наконец, еще один представлен ручкой (табл. XIV, 3). Все ручки котлов различные по форме. Кольцевидная прикреплена так, что половина кольца возвышается над краем. Еще одна ручка без желобчатого орнамента с тремя короткими округлыми выступами, без

грибовидных шляпок. Один из выступов обломан. Хорошо видна заглаженность выступов. Не исключено, что грибовидные шляпки сломались, а край выступа был заглажен дополнительной обработкой. Хотя возможен и литейный брак. Следующая ручка в виде незамкнутого кольца имеет боковые грани. Концами она была влита в тулово котла. На последнем фрагменте котла ручка подковообразная. Характер ее концов свидетельствует о том, что она приваривалась в край котла.

Фрагментарность находок ограничивает круг признаков подобного рода изделий и, естественно, затрудняет определение их культурной принадлежности. Следует отметить, что изучению и классификации котлов, найденных в Сибири, уделялось мало внимания. Исключение представляют находки из минусинских степей, анализ и типология которых сделаны Н. Л. Членовой¹²³. Котлы являются общей группой изделий для культур скифского мира Евразии. На территории Сибири они широко известны. Обнаружены котлы в Прибайкалье, низовьях Енисея, Томской, Тобольской, Кемеровской областях и на Алтае¹²⁴. Небезынтересно отметить, что один котел найден недалеко от Айдашинской пещеры в д. Белый Яр на р. Чулым¹²⁵. Восточносибирские котлы, как отмечалось многими исследователями, имеют сходство с тагарскими. Возможно, они происходят с территории, заселенной племенами — носителями тагарской культуры. Это мнение высказали Г. П. Сосновский, А. П. Окладников, Э. Р. Рыгдыло, П. П. Хороших и Н. Л. Членова¹²⁶. Что же касается западносибирских котлов, особенно изделий лесной полосы, то Н. Л. Членова считает, что они происходят из более южных районов, так как обнаруживают более близкое сходство с казахстанскими и сарматскими¹²⁷. К сожалению, в специальной литературе анализа особенностей бронзовых котлов из Западной Сибири нет. Следовательно, при определении культурной принадлежности находок фрагментов котлов можно опираться лишь на данные анализа минусинских экземпляров. В частности, на два признака: форму ручки и способ ее крепления. Кольцевидная форма ручки получила широкое распространение в скифское время на территории Евразии. Не менее обычны были и дуговидные ручки. А вот крепление ручек к котлу отличалось. На тагарских котлах кольцевидные ручки и ручки в виде незамкнутого коль-

ца приваривались или в горячем состоянии насаживались на край котла так, что половина или часть их как бы приклеивалась к тулову. Это характерная особенность минусинских и ачинско-маринских котлов тагарской культуры¹²⁸. Дуговидные ручки иногда крепились на тулове котла, а иногда на верхнем его крае¹²⁹. Последний способ более распространен.

Высказано мнение, что бронзовые котлы являлись атрибутом, связанным с отправлением культовых обрядов. Вполне вероятно, что в них варили мясо жертвенных животных в период обрядовых или религиозных церемоний. Находки фрагментов котлов среди материалов, обнаруженных на жертвенном месте, каким была Айдашинская пещера, возможно, подтверждает их принадлежность к культовым предметам. Достаточно напомнить, что в пещере не оказалось ни одного фрагмента керамики.

14. Кинжал, обнаруженный в Айдашинской пещере, цельнолитой (табл. XV, 1). Перекрестие у него в виде овального в сечении прямого бруска, вылитого вместе с рукоятью. Навершие кольцевое. Вдоль рукояти проходит широкий прямоугольный желобок с узким рельефным волнообразным валиком, который, очевидно, имеет орнаментальное значение. Треугольный клинок с нервюрой постепенно суживается книзу. Сечение у него ромбическое. Клинок обоюдоострый.

Ближайшими аналогиями айдашинской находке служат тагарские кинжалы, однако следует подчеркнуть, что в тагарской культуре подобного оружия с прямым перекрестием и кольцевым навершием найдено немного, как и археологических типов с «шпирами»¹³⁰. Чаще кольцевое навершие встречается в группе кинжалов с бабочковидным перекрестием, обнаруженных в курганах тагарской культуры. Отличительная черта айдашинского экземпляра от тагарских — наличие на рукояти волнообразного рельефного валика. Все это с известной долей осторожности заставляет относить описываемую находку к изделиям тагарской культуры минусинских степей. Что же касается особенностей этого вида оружия в северных районах, то там, по мнению Г. А. Максименкова, кинжалы не имеют развитого перекрестия¹³¹. Причем это часто характерно не только для кинжалов натуральной величины, но и для уменьшенных их форм из лесостепных тагарских памятников VI—III вв. до н. э. Но одновремен-

но с ними в этом районе распространения тагарской культуры существуют и кинжалы с четко выраженным перекрестием. Исследуя в целом эволюцию развития тагарского оружия, А. М. Кулемзин отмечает, что «среди кинжалов с прямым перекрестием следует различать две хронологические группы — ранние и поздние»¹³². Необходимо подчеркнуть, что оформление навершия в виде кольца — деталь, широко распространенная в конце I тыс. до н. э., особенно в раннесарматской среде. А. М. Хазанов считает, что до настоящего времени в вопросе о происхождении кольцевого навершия у минусинских кинжалов нет ясности¹³³. А. М. Кулемзин приходит к выводу, в основе которого лежит любопытная идея о наличии кольцевого навершия на кинжалах еще в карасукскую эпоху. Затем в начале периода функционирования тагарской культуры эта деталь «выходит из моды», и лишь во второй половине, т. е. с IV в. до н. э., она снова получает широкое распространение. Исследователь также указывает, что кинжалы с прямым перекрестием, округлой рукоятью и кольцевым навершием существовали на последнем этапе развития тагарской культуры — во II—I вв. до н. э.¹³⁴

15. Обломки ножей. Среди предметов, найденных в Айдашинской пещере, в серии бытовых изделий и оружия представлены три фрагмента ножей: рукоять с кольцевым навершием, обломок средней части ножа и конец ножа (табл. XV, 2—4). Фрагментарность находок затрудняет определение типа изделий и время его существования, однако по характеру изгиба, ширине и сечению лезвия, способу его заточки ножи можно отнести к тагарской культуре. Перечисленные признаки, конечно, не относятся к фрагменту рукояти ножа с кольцевым навершием. У этого обломка иные признаки, позволяющие уверенно отнести его к тагарскому бронзолитейному производству: во-первых, нож принадлежал к изделиям уменьшенных размеров; во-вторых, небольшое (13 мм) в диаметре кольцо расположено так, что нижняя часть его не выражена; в-третьих, нижняя часть рукояти несколько расширена, что позволяет предполагать наличие небольшого уступа при переходе от рукояти к лезвию. Подобные ножи в V—III вв. до н. э. (по С. В. Киселеву) или в IV—III вв. до н. э. (по М. П. Грязнову) у племен минусинских степей и ачинско-маринских лесостепных районов полу-

чили широкое распространение. Причем довольно часто уступ украшался или копытообразным значком, или изображением головы птицы. Не являлась редкостью и фигурка козла в кольце на рукояти. Ножи, подобные айдашинскому фрагментированному экземпляру, подробно описаны в специальной литературе¹³⁵. Датировка рассмотренных айдашинских обломков ножей затруднена. Относительно точно можно судить только о рукояти с кольцевым навершием. Ножи с кольцевым навершием у племен тагарской культуры известны с ранних этапов истории этих племен, хотя для таких изделий характерен дугообразный изгиб от ушка, который придает форму ножу в целом. Найденная в пещере рукоять имеет прямую форму. На сарагашинском этапе (IV—III вв. до н. э.) кольцо-навершие имеет острое ребро, а нижняя часть его четко выделена на рукояти. Последний признак не абсолютен. В конце сарагашинского этапа тагарской культуры минусинских степей и в III в. до н. э. в памятниках лесостепных районов известны ножи с кольцевым оформлением рукояти, аналогичным айдашинскому. Скорее всего, эту находку следует датировать позднетагарским временем.

16. Ложечковидная застежка (табл. XV, 5). В сибирской археологии не существует общепринятого названия этих предметов, поскольку до сих пор не было ясно их назначение. Они известны еще как ложечковидные наконечники ремня. В 1975 г. В. В. Бобровым был раскопан большой курган на оз. Утинка в Кемеровской области со сложной конструкцией надмогильного сооружения. В могильной яме такие ложечковидные предметы найдены *in situ*. Один лежал на бронзовом кольце, другой — рядом с кольцом, на котором сохранилась часть кожаного ремешка. В самих ложечковидных предметах тоже сохранились остатки ремешков¹³⁶. Многочисленные находки подобных изделий в памятниках тесинского этапа тагарской культуры позволяют точно установить способы крепления ремня. На обратной стороне такого ложечковидного предмета посередине имеется дугообразная перемычка, окончание у него в виде пронози. Иногда пронозь составляет половину предмета. Ремешок пропускался вдоль ложечковидного предмета через пронозь или сквозь перемычку и пронозь, а затем на конце завязывался узел. Получалась, таким образом, застежка поворотного типа. Вместе с кольцом они составляли

пряжку. Очень часто в погребальных комплексах встречались только одни ложечковидные предметы. Вполне возможно, что кольца, которые делались из недолговечного материала — дерева, не сохранились. Однако нельзя исключать, что такие предметы использовались и в других вариантах крепления — петлях, прорезях и т. д.

Найденная в пещере бронзовая ложечковидная застежка на оборотной стороне имела по центру дужку, которая не сохранилась, и окончание в виде трубочки. На лицевой стороне застежки хорошо видно стилизованное изображение головы сайги.

Ложечковидные предметы существовали относительно недолго. Они широко известны в памятниках хунну Забайкалья, у тагарцев минусинских степей и ачинско-маринских лесостепей. Причем встречались они в памятниках последнего этапа тагарской культуры (тесинского — по М. П. Грязнову, шестаковского — по А. И. Мартынову), который датируется II—I вв. до н. э.¹³⁷ Тагарские ложечковидные застежки имеют хуннское происхождение.

17. Бронзовая бляшка из Айдашинской пещеры диаметром 29 мм (табл. XV, 6). Бляшка слегка вогнута, на выпуклой ее стороне П-образная петелька, закрепленная почти по краям. Высота петельки 27 мм. Можно предположить, что бляшка принадлежала конской сбруе.

18. Обломок бронзовой прямоугольной ажурной поясной пластины (табл. XV, 7). Сохранилась только часть рамки и волнообразного узора. Несмотря на фрагментарность находки, характер изделия позволяет точно установить, что этот предмет относится к решетчатым пластинкам с волнообразным орнаментом, который образуют изображения четырех извивающихся змей. Причем изображения в рамке помещены так, что, соприкасаясь изгибами, они образуют ромбы, поэтому головки змей развернуты в противоположные стороны.

Среди минусинских бронзовых пластин обнаружено несколько изделий с реалистической трактовкой головы змей, но часть изображений носит условный схематический характер. В первой группе пластин вдоль прямоугольной рамки и туловищ змей сделано углубление. Такую же деталь мы видим на фрагменте пластины, найденной в Айдашинской пещере. О пластине с решеткой из волнистых линий, образованных извивающимися туловищами четырех змей (14 экз.), сообщает М. А. Дэвлет¹³⁸.

Подобная ажурная пластина с волнистым орнаментом известна среди материалов хунну Забайкалья. Она найдена на Иволгинском городище¹³⁹. М. А. Дэвлет связывает происхождение решетчатых бронзовых пластин с территорией Ордосса. Основан этот вывод на стилистическом анализе и видовом определении изображаемых животных на прямоугольных пластинах¹⁴⁰. Решение вопроса о происхождении этих пластин — тема самостоятельного исследования. Необходимо лишь отметить в работе М. А. Дэвлет мысль, высказанную С. И. Руденко, о том, что «большинство вещей так называемой ордосской бронзы имеет хуннское происхождение»¹⁴¹.

Вполне допустимо, что многие формы и сюжеты хуннского искусства, которое до настоящего времени еще недостаточно известно, особенно ранние этапы его развития, в минусинских стенах и ордосской среде были восприняты и творчески переработаны. В таком случае устанавливать взаимоотношения художественных бронз двух отдаленных территорий, минуя лежащие между ними районы, вряд ли правомерно.

Решетчатые прямоугольные пластины с волнистым орнаментом в погребальных комплексах минусинских степей не встретились. Известны они лишь среди материалов Косогольского клада, обнаруженного на берегу оз. Большой Косоголь в Ужурском районе Красноярского края¹⁴². Следует иметь в виду, что, по-видимому, найденные изделия являются продукцией и сырьем литейщика, а не кладом как типом археологического памятника. К сожалению, А. В. Нащекин не смог тщательно осмотреть место их находки. В 1976 г. мы дважды обследовали местонахождение Косогольского «клада» и пришли к выводу, что вещи происходят с большого поселения, видимо, тагаро-таштыкского переходного времени (II—I вв. до н. э.). О датировке свидетельствуют как вещи в составе клада, так и керамика, собранная на этом памятнике.

19. Бронзовые зеркала (9 экз.), различные по величине и с разной формой приспособления для прикрепления (табл. XVI). У четырех предметов последняя деталь отсутствует, и они больше напоминают круглые диски (табл. XVI, 1, 3, 8, 9). Все зеркала хорошо заполированы, имеют закругленный край, за исключением одного, которое, видимо, является незаконченным или бракованным изделием.

Среди этих зеркал одно дисковидное зеркало из раскопок П. С. Проскуракова в Айдашинской пещере (табл. XVI, 2). Крепление у изделия в виде круглой кнопки на трех ножках, расположенных не вертикально, а несколько наклонно. Края зеркала закругленные. Высота кнопки 2,4, диаметр 7,5 см, толщина 2 мм.

Зеркала с кнопковидным креплением известны в скифское время на обширной территории. Большое количество этих изделий происходит из минусинских степей и ачинско-мариинской лесостепи. Причем с ачинско-мариинского ареала тагарской культуры их гораздо меньше. В сибирской археологии достаточно полно разработана типология тагарских бронзовых зеркал. С. В. Киселев по форме ручки или приспособления для крепления выделил три типа: петельчатые, кнопковидные и медалевидные¹⁴³. Классификация Н. Л. Членовой в основе не отличается от упомянутой типологии, но ею вводится большее количество признаков: размер, характер закрепления, оформление ручки или приспособления для крепления. Исходя из этого, Н. Л. Членова выделяет три типа и варианты. Ее классификация детальнее¹⁴⁴. А. И. Мартынов тагарские бронзовые зеркала по форме и семантико-смысловому назначению разделяет на пять групп¹⁴⁵. На наш взгляд, классификация Н. Л. Членовой более объективно отражает развитие и существование форм этого вида изделий в тагарской культуре. Бронзовое зеркало с кнопкой из раскопок П. С. Проскуракова Н. Л. Членова отнесла ко второму типу по форме приспособления для крепления, а по размеру к группе II/3. Исходя из того, что кнопковые зеркала крайне редко встречаются в тагарских погребальных комплексах, чего не скажешь о петельчатых, Н. Л. Членова делает вывод: «...Эта форма зеркал на всем протяжении тагарской эпохи оставалась довольно чуждой тагарской культуре»¹⁴⁶. В нашу задачу не входит выяснение происхождения этого типа бронзовых зеркал и причины их появления в тагарской среде. В данном случае важно установить культурную принадлежность зеркала из Айдашинской пещеры, которое, видимо, относится к тагарскому бронзолитейному производству.

Второе зеркало из сборов П. С. Проскуракова отличается от первого не только размером, но и формой крепления (табл. XV, 5). У него небольшая кольцевидная петелька, поэтому его можно отнести к группе петельчатых.

О культурной принадлежности и времени существования такого вида зеркала судить пока невозможно. Аналогий зеркалам с петелькой в форме кольца не известно.

В пещере было найдено еще одно петельчатое зеркало (табл. XVI, 6). К сожалению, изделие сильно окислилось, а петелька разрушилась, но места ее прикрепления хорошо видны. Это зеркало относится к наиболее распространенному типу в тагарской культуре. Меньше их известно на территории Томского Приобья. Судя по размерам зеркала, его следует датировать временем не ранее IV в. до н. э.

Еще одно айдашинское зеркало медалевидного типа (табл. XVI, 7). Крепление у него было в виде выступа с отверстием, который полностью не сохранился, уцелел лишь небольшой участок. Несмотря на это, сохранившаяся часть крепления позволяет относительно объективно реконструировать его форму. Оно, очевидно, было трапециевидным с треугольным отверстием. Медалевидные зеркала-подвески получили широкое распространение в скифское время. Что же касается районов, близко расположенных от Айдашинской пещеры, то эти зеркала известны в тагарской культуре. Н. Л. Членова отмечает, что они в основном найдены за пределами Минусинской котловины в лесостепных районах¹⁴⁷. Медалевидные зеркала на этой территории появляются и широко бытуют в III—I вв. до н. э.¹⁴⁸

Особое место занимает круглое массивное зеркало, которое, по-видимому, представляет собой результат многократного повторения какого-то восточного прототипа (табл. XVI, 4). В центре зеркала имеется шишечка-петелька на круглом основании. Изображения на орнаментальном поле нечетки, как бы смазаны. По краю зеркала проходит широкий бортик. Оно сильно патинизировано. Привозные зеркала и копии с них в южносибирском бронзолитейном центре существуют с IV в. до н. э. вплоть до позднего средневековья¹⁴⁹.

20. Бронзовая подвеска-колокольчик (1 экз.) четырехгранной формы с немного вытянутыми сторонами. Сверху массивная петелька (табл. XVII, 1). Аналогичные колокольчики-подвески найдены в насыпи № 5 Уйбатского чаа-таса. По мнению С. В. Киселева, «железная скоба с отверстием, в которое продеты кольца с висящими на них четырехгранными бронзовыми колокольчиками-позвонками», являлись принадлежностью ламбистского костю-

ма¹⁵⁰. Другие аналогии этому изделию не известны. Вполне допустимо колокольчик из Айдашинской пещеры датировать таштыкским временем.

21. В Айдашинской пещере найдена еще одна подвеска. Это ажурное бронзовое изделие биконической формы, но с цилиндрическим окончанием. Вверху находится петелька (табл. XVII, 2). Подобные подвески известны из некоторых вещественных комплексов лесостепной зоны, которые, к сожалению, трудно датировать. Так, одна из них происходит из пос. Степановка, где найдена большая коллекция разнообразных бронзовых предметов¹⁵¹. Другая подвеска шарообразной формы была закреплена на бронзовом подвесном изделии¹⁵². Подобные подвески на бронзовых кольцах известны из случайных сборов и хранятся в Красноярском и Канском краеведческих музеях. Э. Р. Рыгдылон, который предполагает, что это украшения сбруи, датирует подвески тагарским временем¹⁵³. Обнаруженная в одном из Арчекассских курганов подвеска похожа на айдашинскую, но имеет камешек внутри. Она тоже дает мало информации о культурной принадлежности и времени существования подобного рода изделий. Два кургана на горе Арчекас были исследованы в 1971 г. А. М. Кулемзинным. По конструкции и обряду погребения такие курганы в лесостепной зоне отмечены впервые. Сопроводительный погребальный инвентарь представлен формами скифского времени, характерными для минусинских степей, Тувы и Горного Алтая¹⁵⁴. Значительная группа предметов из Арчекассских курганов имеет сходство с изделиями из пос. Степановка. Таким образом, установить время существования ажурных подвесок можно лишь относительно.

Среди материалов из Айдашинской пещеры можно выделить группу изделий, длительное время существовавших и получивших широкое распространение в культуре племен Западной Сибири. Поскольку культурно-историческая связь недостаточно ясна, рассмотрим их отдельно и постараемся по мере возможности конкретизировать культурную и хронологическую принадлежность отдельных предметов, используя косвенные данные.

22. Бронзовые кольца (13 экз.), цельнолитые, различного диаметра (табл. XVIII). Восемь из них имеют овальное и сегментовидное сечения, т. е. с одной стороны они немного уплощены (табл. XVIII, 1—5, 8, 11, 12). Эти коль-

ца напоминают изделия, найденные в памятниках II—I вв. до н. э. лесостепных и степных районов Южной Сибири¹⁵⁵. Было бы заманчиво связать их с последним этапом развития тагарской культуры. Четыре кольца уплощены с обеих сторон, поэтому сечение у них подпрямоугольное (табл. XVIII, 6, 9, 10, 13). У одного кольца по окружности сделано углубление (табл. XVIII, 7).

23. Многочисленная группа бронзовых пластинок и их фрагментов (табл. XIX). На концах их имеется по одному отверстию. Эти предметы относятся к так называемым пластинчатым гривнам и браслетам и существуют до средневековья. Браслеты, однако, отличаются от айдашинских. Например, релкинские типы браслетов имеют плоско-выпуклое сечение, а гривны представляют собой серповидную плоскую пластину¹⁵⁶. Находки из Айдашинской пещеры по характеру оформления ближе к тагарским. Это позволяет датировать их ранним железным веком, но к тагарской культуре с уверенностью можно отнести лишь пластины с закругленным концом (табл. XIX, 1, 5, 6, 9, 16). Изделия этого типа с прямоугольным окончанием встречаются крайне редко. Особенно интересна гривна, на концах которой сделаны не отверстия, а вырезы с двух сторон ребра (табл. XIX, 11). Аналогичное оформление крепления появляется на тагарских проволочных гривнах, круглых или сегментовидных в сечении, с III в. до н. э. Необходимо отметить, что пластинчатые гривны почти обязательный атрибут в погребальных комплексах тагарской культуры в период ее расцвета. В последние века I тыс. до н. э. их вытесняют проволочные. В таштыкскую эпоху они почти неизвестны¹⁵⁷.

ПРЕДМЕТЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Довольно обширный комплекс изделий из Айдашинской пещеры относится к I тыс. н. э. К сожалению, в Западной Сибири, в частности в интересующем нас районе, памятники данного периода изучены чрезвычайно слабо, поэтому интерпретация находок, детализация датировок да и определение круга аналогий представляются делом довольно сложным.

Абсолютное большинство находок из пещеры, которое мы относим к I тыс. н. э., имеет, несомненно, таежное

происхождение. Они встречаются на огромной территории лесной зоны Западной Сибири и Зауралья.

Исследование древних культур (I тыс. н. э.) таежной зоны связано с именем В. Н. Чернецова. Именно ему принадлежит разработка периодизации этих культур. Им был сделан очень важный вывод о чрезвычайно «малой изменчивости форм материальной культуры»¹⁵⁸ у племен, населявших таежную зону Западной Сибири в I тыс. н. э. Аналогичные явления характерны и для Прикамья¹⁵⁹.

Как совершенно справедливо подчеркнуто в «Истории Сибири», «сохранение старых присваивающих форм хозяйства и давление суровых природных условий севера способствовали консервации древнего бытового уклада.

Поэтому здесь в развитии материальной и духовной культуры наблюдается поразительная консервативность, веками живут почти неизменно одни и те же формы сосудов и орнаментики, один и тот же «звериный стиль», а вместе с ними и верования»¹⁶⁰.

Что касается более южных районов, вплотную примыкающих к лесостепи, то здесь, в частности в Томском Приобье, работа по изучению памятников I тыс. н. э. ведется значительно продуктивнее. Начаты М. Н. Комаровой и продолжены В. А. Могильниковым¹⁶¹ исследования памятников Томско-Нарымского Приобья в I тыс. н. э. успешно ведутся Л. А. Чиндиной¹⁶².

Ниже мы характеризуем предметы I тыс. н. э. из Айдашинской пещеры, несомненно связанные с северным таежным кругом культур.

1. Плоская миндалевидная бляха (табл. XVII, 4) с замкнутой круглой втулкой для крепления изделия. Наружная часть втулки украшена чередующимися прямыми выпуклыми валиками и желобками. Край бляхи околтурен широким жгутовидным пояском. В центре узор в виде четырех спиралей, две из которых смыкаются друг с другом. Аналогии данному изделию нам неизвестны.

2. Эполетообразная застежка (табл. XX, 2), внешний край которой околтурен жгутовидным валиком и насечками. На бляхе далее чередуются рельефно выраженные окружности с желобками. В центре изделия изображена голова медведя, заключенная между лапами. Выделены глаза, ноздри, уши, лапы животного. Каждая лапа дополнительно украшена четырьмя желобками, расположенными попарно на запястье и предплечье.

Известные эполетообразные застежки усть-полуйского типа были опубликованы В. Н. Чернецовым¹⁶³. Особенно близки к анализируемой нами прежде всего по трактовке изображения животного две застежки с р. Енгатты (Южный Ямал) и из Пермской области¹⁶⁴.

3. П. С. Проскуряковым была обнаружена эполетообразная застежка с четырехугольной бляхой и изображением на ней голов трех медведей¹⁶⁵ (табл. XX, 1). Застежка дополнительно украшена по краю двумя рядами жгутовидных валиков. Центральная фигура медведя показана с двумя когтистыми лапами. Все головы животных переданы реалистично и весьма изящно. Две верхние головки обращены мордами друг к другу. Возле уха рельефно показана когтистая лапа. Аналогии этому изделию практически те же, что и для охарактеризованного выше предмета.

4. Выпуклая бляха, рельефно изображающая голову медведя (табл. XX, 3). Реалистично показаны глаза и нос животного, а уши даны стилизованно — небольшими углублениями. Голова зверя оконтурена лапами с отчетливо выделенными когтями. Бляха представляет блестящий образец первобытного литейного искусства. С тыльной стороны она имеет петельку для подвешивания. Точные аналогии рассматриваемой бляшке неизвестны, однако трактовка образа подобна вышеописанным изображениям зверя на эполетообразных застежках. Похожие поясные бляшки-накладки с изображением головы медведя хранятся в Пермском областном краеведческом музее. Они датированы В. А. Обориным IX—X вв.¹⁶⁶

5. Поясная пряжка с изображением двух медведей (табл. XX, 4) имеет овальную форму и неподвижный шпек. Для продергивания ремешка сделано отверстие. В изделие влиты два изображения медведей, помещенные лапами друг к другу. Фигуры обозначены дополнительными отверстиями, симметрично проделанными в пряжке. Фигуры медведей даны в профиль, запечатлена характерная поза зверя, стоящего горизонтально на лапах. Один из медведей изображен с разинутой пастью. Точками выделены глаза, а желобками — фаланги лап. Интересной деталью является изображение поперек туловища зверей четырех параллельных полосок. Аналогии данному изделию нам неизвестны.

6. Поясная бляха с четырьмя петельками для подвешивания на оборотной стороне (табл. XXI, 1). Она прямо-

угольная, углы закруглены. Внешняя поверхность изделия довольно сильно затерта. Края бляхи с трех сторон оконтуривают тонкие желобки и жгутовидные валики. Примерно третья часть бляхи снизу отделена рядами чередующихся желобков, выпуклых, гладких и жгутовидного валиков. В этой части довольно схематично изображены три медвежьи головы. Оставшаяся зона разделена на три вертикальные зоны, в каждой из которых помещено по шесть вплотную примыкающих друг к другу выпуклостей «жемчужин».

7. В пещере встретился обломок, почти аналогичный вышеописанной бляхе. Он отличался лишь очень незначительными деталями (табл. XXI, 4). Так, пояса, разделяющие этот обломок бляхи на зоны, более просты в исполнении и состоят из чередующихся желобков и прямых валиков, отсутствует и нарядный жгутовидный валик. Головка медведя на этой бляхе нижней своей частью вплотную примыкает к отделяющему зону валику.

Эти айдашинские бляхи имеют аналогии. Так, В. Н. Чернецов публикует рисунок бляхи с озера Чагыр¹⁶⁷, сюжет изображения которой близок айдашинскому. Она отличается от айдашинских более реалистичной трактовкой голов животных, вертикальных рядов «жемчужин» на чагырской бляхе не три, а два (средняя зона пуста), да и самих «жемчужин» изображено не по шесть в ряду, а по четыре. Как известно, бляха, подобная чагырской, была найдена недалеко от г. Перми¹⁶⁸. Почти такие же детали сходства и различия с бляхами из Айдашинской пещеры можно отметить с изделиями, обнаруженными Т. Н. Троицкой в погребальных памятниках на р. Уени, датированных II—V вв. н. э.¹⁶⁹ То же можно сказать и о бляхе с головами медведей, найденной Л. А. Чиндиной на Рёлкинском могильнике, который датируется VI—VIII вв.¹⁷⁰ «Пермскую» бляху В. А. Оборин относит к VI—VII вв.¹⁷¹

8. Обломок аналогичной вышеописанным бляхи (табл. XXII, 6). Сохранилась ее угловая часть. На внутренней стороне имеются петельки для крепления, на внешней — головки медведя, лапы не обозначены.

9. Обломок поясной бляхи (табл. XXI, 5). В первоначальном виде изделие имело прямоугольную форму. Углы закруглены. Бляха разделена на четыре равные части жгутовидными валиками. В каждой из частей вплотную

друг к другу помещены «жемчужины». Сохранилось в каждом ряду по три «жемчужины». С обратной стороны изделия сделаны две петельки для крепления бляхи.

Аналогичная бляха с п-ва Ямал опубликована В. Н. Чернецовым. Очень похожая бляха из Тюковского кургана издана В. И. Мошинской¹⁷².

10. Обломок аналогичной бляхи был найден в Айдашинской пещере П. С. Проскуряковым (табл. XXII, 4)¹⁷³.

11. Поясная бляха (табл. XXI, 2) прямоугольной формы, углы у нее закруглены. Изделие с обеих краев разделяется на симметричные зоны, в которых дважды чередуются прямые валики, широкие желобки с рельефно выделенными точками и выпуклые неорнаментированные полосы. Центральная часть бляхи заполнена шестью плотно расположенными «жемчужинами».

12. Прямоугольная бляха (табл. XXI, 3), украшенная с двух противоположных краев шнуровидными валиками и желобками. В центральной части бляхи помещены изображения трех медвежьих голов, которые заключены между лапами. Рельефно выделены уши животных, желобками подчеркнуты когти. Как известно, В. Н. Чернецов привел довольно широкий круг аналогий бляхам с изображениями медведей¹⁷⁴. Наиболее близкие предметы к рассматриваемой бляхе обнаружены в Усть-Полуе и в Пермской области¹⁷⁵.

13. Прямоугольная бляха (табл. XXI, 6). Один край ее обломан. В бронзовую рамку влит олень, изображенный в статичной позе. Круп и брюхо обрамлены бусовидной полоской. Пасть животного и глаз очень велики. Также утрированно увеличены рога животного, занимающие все свободное пространство между рамкой и спиной животного. Ближайшая аналогия этому изделию — бляха из Истяцкого клада¹⁷⁶.

14. Обломок прямоугольной бляхи (табл. XXI, 7) с двойной жгутовидной рамкой. В углу бляхи видна человеческая рука, держащая какой-то предмет. Понять смысл изображения было бы невозможно, если бы не абсолютно похожие бляхи из Холмогорского клада, обнаруженного Н. В. Федоровой на нижней Оби*. На тех бляхах ре-

* Благодарим Н. В. Федорову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами Холмогорского клада.

листично изображен скачущий на лошади бородатый всадник. Бляхи из Холмогорского клада, как и обломок айдашинской бляшки, скорее всего, поясные.

15. Изображение, вероятно, совы (табл. XXII, 1). Крылья птицы развернуты и опущены вниз. Личина, обычная на таких бляхах, в данном случае отсутствует. Реалистично показаны ноги птицы. Крылья и хвост украшены жгутовидным и желобчатым орнаментом. Если туловище птицы выполнено вполне реалистично, то голова ее дана как бы в развертке. Особое внимание мастер уделил показу могучего клюва и больших овальных глаз. Такую сильно увеличенную голову совы венчают такие же излишне большие, но характерные для этого вида птиц холки, а между ними видна головка медведя.

Подобный сюжет имеет очень глубокие корни. Птицы с личинами известны в лесной части Западной Сибири еще в эпоху раннего железа. Традиция подобного изображения птиц сохраняется на протяжении всего I тыс. н. э. Похожие изделия широко известны в Западной Сибири и Прикамье¹⁷⁷, однако точной аналогии айдашинской находке мы не знаем.

16. Бляха, изображающая двух сидящих птиц, расположенных в профиль, клювами друг к другу (табл. XXII, 2). Судя по всему, мастер запечатлел двух пернатых хищников. Желобками выделено оперение крыльев и глаза. Подчеркнуты могучие клювы птиц и когтистые лапы. Над головами симметрично размещены окружности с рельефной точкой внутри, а над ними фигуры, напоминающие хвостовое оперение рыбы, внутри треугольные желобки. Между этими, пока труднообъяснимыми изображениями, располагается выпуклая окружность. В верхней части бляхи имеется отверстие для крепления. Аналогий этой бляхе мы не знаем, хотя изображение хищных птиц подобным образом — довольно характерное явление¹⁷⁸, а корни его уходят в эпоху раннего железа¹⁷⁹.

17. Круглая бляха (табл. XXII, 3), в центре которой находятся медвежьи головы, заключенные между лапами. Реалистично выполненные морды животных обращены к центру бляхи. Мастер выделяет уши и глаза животных, а также когти на лапах. Композиция оконтуривается чередующимися кольцами желобков и жгутовидных валиков. С внутренней стороны на бляхе имеется скоба для

крепления. Точных аналогий изделие не имеет, однако сюжет изображения голов медведей, расположенных между лапами и заключенных в круге, встречается на эполетообразных застежках. Правда, животных на таких застежках изображалось не три, а больше. Имеются в виду обломки бляхи из Усть-Полуя¹⁸⁰ и эполетообразной застежки из погребения на Архиерейской Заимке в Томском Приобье¹⁸¹.

18. Птицевидная фигурка (табл. XXII, 8), отлитая в фас. Судя по рельефно выполненному клюву и голове, изображена хищная птица. Крылья у нее развернуты и опущены вниз. Хвостовое оперение тоже расправлено. Грудь птицы выделена рельефным валиком. С внутренней стороны изделия приделана скоба для крепления. На левом крыле имеется небольшое отверстие — дефект отливки. Айдашинское изделие отличается от опубликованных простотой и лаконизмом исполнения форм и отсутствием гравировки на фигурке.

19. Предметы полого литья (табл. XXII, 5, 9—11). Три изделия целые и одно представлено обломком. Это реалистичная фигурка лошади (табл. XXII, 5). Особое внимание мастер уделил отливке головы и гривы животного. Довольно схематичная фигурка медведя (табл. XXII, 9). Лапы зверя, туловище и голова тракуются весьма условно. Зверь изображен с раскрытой пастью. И наконец, крайне схематично выполненная фигурка птицы (табл. XXII, 11), явно хищной. Птица изображена сидящей. Никакие детали на скульптурке мастером не подчеркнуты.

Обломок фигурки (табл. XXII, 10). Сохранилась голова животного, но какого именно, сказать трудно, поскольку изображение сильно стилизовано. Объемное литье, как известно, встречается в материалах эпохи раннего железа¹⁸², но в большинстве случаев такие предметы представлены навершиями в виде голов различных животных. Полые литые фигурки встречаются значительно реже.

Особую популярность они приобретают в I тыс. н. э. и широко известны как на территории Западной Сибири¹⁸³, так и в Прикамье¹⁸⁴.

20. Обломок коньковой подвески (табл. XXII, 7). Уцелело лишь навершие в виде треугольника, присоединенное одной из вершин к правильной окружности. К ней,

в свою очередь, крепятся головки коней, выполненные весьма реалистично. Одна из головок не сохранилась.

Коньковые подвески широко представлены в Башкирии и Прикамье¹⁸⁵, хотя точных аналогий айдашинскому изделию нет и там. Недавно еще одна коньковая подвеска была обнаружена в Южной Барабе в могильнике Чулым-2¹⁸⁶. Коньковые шумящие подвески встречаются в вещественных комплексах VIII—X вв.

21. Бронзовые круглые бляхи с отверстием в центре (табл. XXIII). Изделия украшены орнаментом в виде концентрических проточенных кругов. Поразительна геометрическая точность, с которой намечены эти окружности. У 10 предметов из 15, найденных в пещере, дополнительно обработан край, которому придана волнообразная форма.

Аналогичные бляхи были обнаружены А. В. Адриановым в Томском могильнике и опубликованы М. Н. Комаровой¹⁸⁷. Эти изделия относятся ко второй половине I тыс. н. э.

В Айдашинской пещере встретилась еще одна бляха, в основном похожая на вышеописанные, но сделанная из железа (табл. XXIV, 4).

22. Две подвески, изготовленные, очевидно, из обломков бронзовых предметов (табл. XXIV, 1, 2). С описанными выше бронзовыми круглыми бляхами изделия эти сближают гравированные правильные окружности и извилистые дугообразные линии.

К I тыс. н. э., несомненно, относится также серия железных и костяных наконечников стрел, характеристика которым будет дана в специальном разделе, посвященном анализу этого самого многочисленного в пещере типа изделий. Особый разговор о наконечниках стрел (кроме неолитического кремневого и бронзовых кулайских, принадлежность которых не вызывает сомнений) обусловлен серьезными затруднениями в определении их культурной принадлежности.

Предметы вооружения из пещеры, относящиеся к I тыс. н. э., представлены не только наконечниками стрел. Найденны три железных кинжала (табл. XXV, 1—3) и два тульчатых наконечника копья (табл. XXV, 4, 5). Кинжалы овальные в сечении, с узким черешком для рукоятки. У двух кинжалов лезвия с прямыми краями. Лезвие третьего кинжала (табл. XXIV, 2) треугольной

формы. В верхней части черешка сохранилась заклепка. Этот кинжал обнаружен П. С. Проскуряковым. Аналогии ему неизвестны. Кинжал, похожий на айдашинские (табл. XXIV, 1, 3), найден в Томском могильнике на Большом мысу¹⁸⁸. Могилы с трупосожжением и железным сопроводительным инвентарем этого памятника М. Н. Комарова предположительно датирует второй половиной I тыс. н. э.¹⁸⁹ Аналогичные кинжалы представлены большой группой в Елыкаевском кладе¹⁹⁰. Айдашинские наконечники копий обычной формы (табл. XXIV, 4, 5). У них узкое перо с закругленным основанием. Втулка конусовидная. Соотношение размеров пера и втулки 1 : 1. Длина наконечников 23 и 21,7 см. Ближайшая аналогия айдашинским наконечникам — изделия из датированного вещественного комплекса Томского могильника на Большом мысу¹⁹¹.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Основу коллекции находок из Айдашинской пещеры составляют костяные и железные наконечники стрел. Установить временную принадлежность костяных наконечников стрел — дело весьма сложное. Материал определил консервативность техники изготовления. Наконечники из кости, прежде всего черешковые, появились на территории Зауралья и Сибири в эпоху неолита и существовали вплоть до этнографического времени. Широкое распространение костяных наконечников стрел во времени и пространстве, а также устойчивость форм осложняют определение культурной и хронологической принадлежности данного археологического материала.

В последние годы интерес к истории оружия и военного дела древних обществ заметно вырос, о чем свидетельствует появление аналитических монографий и статей по этой проблематике¹⁹². В специальной литературе, а также в обобщающих работах, посвященных истории и культуре племен отдельных регионов, наряду с выявлением исторических процессов разрабатывается типологический анализ наконечников стрел. Сложилась система градации признаков в классификационной схеме, структурно оформилась классификация. Однако единства как в структуре типологии, так и в определении ведущих признаков пока нет.

Костяные наконечники стрел редко заслуживали внимания исследователей. Отсутствие специальных работ по анализу костяных наконечников особенно Западной Сибири, где они известны в памятниках раннего железного века в большом количестве, затрудняет исследование айдашинской серии.

Следует также отметить еще два, на наш взгляд, важных положения при анализе костяных наконечников. Во-первых, необходимо учитывать характер памятника, в котором они найдены. На жертвенниках и святилищах могут встречаться наконечники, которыми в повседневной жизни не пользовались. Не исключено, что такие наконечники делались специально для «духов» и «божеств», а поэтому возможны изменения, если не формы, то их размеров и пропорций. О том, что какая-то часть наконечников преднамеренно изготавливалась для приношений, свидетельствуют материалы нескольких жертвенников и так называемых «кладов». Другой факт, который заслуживает внимание, — сильно увеличенные размеры наконечников с жертвенных мест в отличие от найденных в бытовых и погребальных комплексах. К сожалению, этнографических исследований о жертвенных местах современных народов Сибири мало, поэтому подтвердить или объяснить подобное явление в настоящее время невозможно. Думается все же, что эта характерная особенность наконечников стрел выражена и в находках на жертвенных памятниках современных таянских народов. В. М. Кулемзин в личной беседе заметил, что на многих жертвенниках и святилищах хантов он обратил внимание на наличие «ненормально» больших наконечников стрел*. Во-вторых, как уже отмечалось, среди материалов Айдашинской пещеры имеются изделия южного, степного, круга культур и северного, таянского. И если в сюжетах произведений искусства эту границу можно относительно точно установить, то применительно к наконечникам стрел, преимущественно костяным, это сделать сложно, а чаще и невозможно, поскольку существует много общих типов и переходных форм. Особенно, если учесть, что памятники находятся в контактной зоне степей и тайги, где процессы взаимодействия были более активными.

* Выражаем благодарность В. М. Кулемзину за оказанную помощь и любезно предоставленные сведения.

С учетом изложенных положений анализ костяных наконечников стрел из Айдашинской пещеры и определенные типологические категорий дается на эмпирическом уровне исследования. С учетом накопленного опыта в советской археологии по исследованию древнего оружия предлагаем следующую структуру типологической схемы и ведущие признаки: группа — способ насада; отдел — форма пера, тип — сечение.

Группа черешковых наконечников стрел. Представлена наибольшим количеством наконечников, отличается многообразием не только форм, но и деталей, которые не всегда учитывают при классификации (например, оформленные острия наконечника, переход от пера к черешку и т. д.). При анализе айдашинской серии черешковых наконечников определенно устанавливаются три большие подгруппы по оформлению черешка и перехода пера к нему: первая — черешок выражен постепенным сужением от пера; вторая — черешок четко отделен от пера, а боковые грани образуют два опущенных шипа; третья — грани образуют три опущенных шипа.

Подгруппа наконечников без шипов.
Отдел А — листовидные.

Тип I. Трехгранные наконечники стрел — 49 экз. (табл. XXVI, табл. XXVII, табл. XXVIII, 1—4). Размеры от 4 до 17 см. Некоторые экземпляры этого типа имеют слабо выраженный черешок. Большая часть характеризуется длинным узким пером. У четырех наконечников на плоскости черешка сделан ряд косых поперечных насечек, видимо, для прочности скрепления стрелы с древком (табл. XXVI, 8; табл. XXVII, 7—9).

Тип II. Наконечники стрел с ромбическим сечением пера — 28 экз. (табл. XXVIII, 5—20; табл. XXIX, 1—12). Размеры от 3,8 до 18,3 см. Среди наконечников этого типа варианты оформления пера разнообразнее. Это удлиненные узкие, с широким основанием боковых граней и сужением под острым углом; дугообразно сужающиеся боковые грани, заваленное острие или срезанное от боковых граней под тупым углом. Плоскость черешка одного наконечника с насечками (табл. XXVIII, 18).

Тип III. Многогранные в сечении наконечники стрел — 24 экз. (табл. XXIX,

13—20; табл. XXX). По всей видимости, этот тип наконечников связан с предыдущим, так как многогранность создается за счет продольного среза по граням на двух широких плоскостях. Срез на одной плоскости позволяет видеть какую-то связь с наконечниками второго типа. Многогранные наконечники напоминают двухлопастные, поскольку у них оформляются две острые боковые грани, однако острие наконечника остается ромбическим. У 5 экз. одним продольным срезом придана многогранность перу и уплощен черешок (табл. XXIX, 13; табл. XXX, 6—9). У одного наконечника вся поверхность среза покрыта поперечными насечками.

Тип IV. Четырехугольные и подчетыреугольные в сечении наконечники стрел — 4 экз. (табл. XXXI, 1—4). У двух наконечников узкое удлиненное перо, у третьего — широкое в основании, у четвертого — короткое перо, а точнее, на костяном стерженьке сделано срезами с четырех сторон острие. Черешок уплощен, что тоже отличает четвертый наконечник от остальных.

Отдел Б — копьевидные наконечники стрел. Главная особенность этой группы наконечников состоит в том, что между пером и участком прикрепления к древку у них сохраняется относительно короткий или длинный черешок. Чаще наконечники этой группы воспринимаются как заостренные срезами круглые стержни.

Тип I. Трехгранные в сечении наконечники стрел (табл. XXXI, 5—13; табл. XXXII—XXXIV, 1, 2, 10; табл. XXXV, 1—8; табл. XXXVI, 19; табл. XXXVII, 14, 15). На одном из них три плоскости пера орнаментированы ломаной линией, образующей зигзаг, на другом — две плоскости (табл. XXXII, 7, 19).

Тип II. Ромбические в сечении наконечники стрел (табл. XXXIV, 3, 7, 8, 11—15; табл. XXXV, 9; табл. XXXVI, 1—18, 20; табл. XXXVII, 1—5, 12, 13). Наконечники этого типа отличаются разнообразием формы пера. Оно имеет тенденцию к сужению основания и уменьшению длины.

Два наконечника имеют подтреугольные в сечении черешки, т. е. грань на широкой плоскости пера продолжается на черешке (табл. XXXVI, 10, 11). Особый интерес представляют три наконечника с расщепленным че-

решком (табл. XXXVII, 12—14). Принцип расщепления, видимо, заимствован от наконечников с расщепленным насадом, которые широко распространяются на территории Южной Сибири в конце I тыс. до н. э.¹⁹³

Датировать наконечники этого типа сложно. Два аналогичные им, найденные в почвенном слое Одиноцкого могильника, не решают вопроса¹⁹⁴. В данном случае мы располагаем только косвенными данными, в частности техникой расщепления насада.

Тип III. Многогранные в сечении наконечники стрел (табл. XXXIV, 4, 6, 9, 10; табл. XXXV, 10). Многогранность образуется точно так, как и у наконечников типа III отдела А.

Тип IV. Овальные в сечении наконечники (табл. XXXVII, 6—11).

Подгруппа наконечников с двумя опущенными вниз шипами. Форма пера у этих наконечников в основном одинакова. Варианты характерны лишь для ширины основания, оформления острия и линии боковых граней. Несмотря на это, выделять отделы мы не считаем необходимым.

Тип I. Треугольные в сечении наконечники стрел (табл. XXXVIII, XXXIX, XL). У 50 наконечников вдоль широкой плоскости пера имеется грань, от которой сделан срез на черешок, образующий плоский насад. Среди этой группы 6 наконечников с ornamentированным пером (табл. XL, 1—5). Наконечники с орнаментом, похожим на айдашинский узор, в последние годы обнаружены на памятниках кулайского типа.

Тип II. Ромбические в сечении наконечники стрел (табл. XLI, XLII, XLIII). Наконечники имеют четыре плоскости, которые образуют грани по центральной оси пера. От граней сделаны срезы по черешку. У четырех наконечников на плоскости черешка сделаны косые насечки. Две плоскости одного наконечника орнаментированы канеллярами вдоль граней. Перо еще двух экземпляров украшено резными линиями: в одном случае это две поперечные параллельные бороздки, в другом — такие бороздки образуют прямой угол, противоположный острию наконечника (табл. XLI, 22, табл. XLIII, 17). Три наконечника отличаются от основной группы этого типа не только тем, что плоскость на-

сада у них сделана не от продольной грани, а на коротком круглом в сечении черешке, но и широким массивным пером (табл. XLII, 1, 2, 7).

Девять наконечников, видимо, можно отнести к варианту типа II (табл. XLIII, 21—29). Их характерная особенность — расщепленный вдоль по отношению к боковым граням черешок. Четыре экземпляра по размерам, форме и технике изготовления являются типичными гунскими наконечниками, которые широко известны в памятниках этой культуры в Забайкалье и Монголии¹⁹⁵. Они проникают и в таежные районы Восточной Сибири¹⁹⁶. Широко представлен этот тип и в памятниках тесинского этапа (II—I вв. до н. э.) в минусинских степях¹⁹⁷.

Тип III. Овальные в сечении наконечники стрел — 6 экз. (табл. XLIV, 1—6). На черешке одного наконечника имеются насечки.

Тип IV. Многогранные в сечении наконечники стрел (табл. XLIV, 7—18; табл. XLV, 1—16; табл. XLVI, 1—12). Название многогранные в данном случае условное, так как среди наконечников встречаются пяти-, шестигранные, в то же время на некоторых четыре грани четко выражены на одной широкой плоскости, а другая имеет овальную поверхность. Наконечники этого типа отличаются разнообразием оформления черешка. Так, у наконечника, найденного П. С. Проскуряковым, верхняя половина черешка ровная, круглая в сечении, а нижняя — коническая (табл. XLV, 9). Еще на двух, тоже из сборов П. С. Проскурякова, плоские черешки заострены книзу. Три наконечника имеют круглый в сечении черешок, только нижняя часть его уплощена срезами (табл. XLIV, 9, 10; табл. XLV, 8). В одном случае они сделаны вдоль по отношению к боковым граням. У одного из трех указанных черешков в середине расширен. В трех случаях на черешках сделаны насечки. Среди этого типа выделяются наконечники с длинными шипами (табл. XLVI, 8, 11, 12).

Подгруппу наконечников с тремя шипами классифицировать проще. Количество шипов предопределило в основном сечение пера. Что же касается формы, то она по-прежнему треугольная, хотя отдельные детали наконечники отличаются.

Тип I. Треугольные в сечении наконечники стрел (табл. XLVI: 13—24; табл. XLVII,

табл. XLVIII, 1—5, 7). Ширина пера и оформление черешка у этого типа наконечников варьируют. Большие наконечники чаще имеют узкое перо, причем оно длиннее черешка. Семь наконечников имеют длинный черешок: у шести он круглый в сечении, у одного — многогранный, только в нижней части сделан срез, уплощающий насад. У большей же части наконечников срез сделан вдоль всей длины черешка. У пяти наконечников черешок расщеплен (табл. XLVIII, 1—5).

Тип II. Многогранные наконечники стрел (табл. XLVIII, 6). Длина 7 см. Имеет подтреугольное сечение, но широкие плоскости состоят из двух узких, образующих незначительную грань под углом приблизительно 160°. Черешок расщеплен.

Восемьдесят наконечников стрел из Айдашинской пещеры представлены фрагментарно: 54 обломка пера (табл. XLVIII, 8—26; табл. L) и 26 обломков черешков (табл. XLIX), которые невозможно отнести к какому-то определенному типу. Только 4 экз. выглядят в виде целого или почти целого пера (по крайней мере, все основные признаки, взятые нами за основу типологии, они имеют) и включены в соответствующую подгруппу и тип. Что же касается черешков, то, по-видимому, часть из них принадлежит наконечникам, уже описанным нами, хотя в процессе работ собранная коллекция подверглась реставрации. Три наконечника представлены заготовками (табл. XXXVII, 16—18).

Группа наконечников с приспособлением для насада на перо или бесчерешковые. Основную часть коллекции костяных наконечников стрел из Айдашинской пещеры составляют наконечники с расщепленным насадом, или зажимные, по терминологии С. В. Киселева¹⁹⁸. Все они в общем имеют одну иволлистную форму, хотя отмечены и вариации: у одних наконечников более расширена головка и заострена нижняя часть, у других наоборот. Все эти изменения, однако, в таких пределах, что общая форма наконечников почти не меняется. Поэтому мы выделяем *отдел иволлистных наконечников с расщепленным насадом*.

Насад оформлялся следующим образом: после изготовления формы наконечника изделие поворачивали в профиль и делали продольный разрез или пропил. Он мог достигать трети длины орудия, реже больше поло-

вины, а иногда доходить до половины наконечника. На некоторых экземплярах четко фиксируется, что первоначально в конечной точке расщепления предварительно просверливалось отверстие, очевидно, для того, чтобы предохранить наконечник от раскалывания по линии расщепления. Раздвоенные концы затем раздвигались, и нижняя часть их заострялась. Они, по-видимому, выполняли функцию шипов. Заостренное древко стрелы вставлялось в расщеп и закреплялось каким-либо материалом.

Тип I. Ромбические в сечении наконечники (табл. LI—LVI, 1—9). Среди данного типа наконечников по оформлению концов расщепленного насада выделены серии. Возможно, по этому признаку будут определяться и варианты. На 50 экз. расщепленные концы заострены равномерным сужением, а их внутренняя плоскость дополнительно обрабатывалась. У 30 наконечников нижняя часть расщепов заострена с внутренней стороны срезом под тупым углом. И наконеч, у 4 экз. окончание оформлено срезом под тупым углом с внешней стороны. Из-за плохой сохранности часть наконечников не подлежит определению с этой точки зрения.

Отметим также, что в этот тип мы включаем наконечники не только строго ромбического сечения, но подромбические и овальные. Последних найдено 2 экз. Их овальное в сечении перо образовалось, очевидно, не преднамеренно, а в результате некачественно выбранного материала.

Тип II. Треугольные в сечении наконечники (табл. LVI, 10). Один наконечник имеет вытянутую острую головку, другой — расширяющуюся в средней части, к тому же в сечении он подтреугольной формы, а расщепление достигает половины длины наконечника.

Тип III. Многогранные в сечении наконечники (табл. LVI, 11, 12). Общую группу в этом типе составляют четырех- и восьмигранные в сечении наконечники. Грани образованы продольными срезами по одной или двум плоскостям. В одном случае при этом образуется трапециевидное сечение, в другом — в результате дополнительного оформления — восьмиугольное.

Описанные наконечники отдела и его типы в сибирской археологии достаточно хорошо известны и имеют

точные аналогии в памятниках тагарской культуры минусинских степей и ачинско-марининской лесостепи. Причем в памятниках лесостепной тагарской культуры они встречаются реже. Подобные наконечники приходится на тесинский этап тагарской культуры — II—I вв. до н. э.¹⁹⁹ Распространение наконечников с расщепленным насадом не только ограничено во времени, но и в пространстве. Они известны кроме тагарской культуры в гуннских памятниках Забайкалья²⁰⁰. В сибирской археологии сложилось мнение, что эти наконечники в минусинские степи проникают с востока, где принцип применения расщепленного насада уходит корнями в неолит и бронзовый век.

Отдел наконечников с треугольной формой пера. Насад образован вырезом в основании наконечника по его форме. Иногда насад многоступенчатый. В зависимости от формы сечения можно выделить два типа наконечников.

I. Тип ромбических в сечении наконечников (табл. LVI, 13, 14). Два наконечника имеют вырез в форме равнобедренного треугольника, вершина которого продолжается узким пазом вдоль граней на плоскости наконечника, у третьего вырез в виде узкого треугольника, основание которого в 2 раза меньше высоты. На этом наконечнике плоскости у головки срезаны так, что он в сечении приобретает многогранную форму. У всех наконечников шипы заострены срезом, сделанным под тупым углом с внешней стороны.

II. Тип трапецевидных в сечении наконечников (табл. LVI, 15, 16). Особенность этого типа наконечников заключается в том, что продольная грань, оформляющая ромбическое сечение головки, раздваивается и переходит на шипы. Окончания последних заострены в одном случае срезом с внешней и внутренней стороны, в другом — только с внутренней.

К описываемой группе наконечников следует отнести еще несколько экземпляров, найденных в Айдашинской пещере. Особенность этих наконечников в том, что их насад оформлен с помощью уплощающих срезов на пера. Форма наконечника изменяется в зависимости от характера основания. В связи с малочисленностью подобных наконечников отделы не выделяем. Лишь в группе бесчерешковых наконечников рассматриваем их как подгруппу.

Тип I. Треугольные в сечении наконечники стрел — 3 экз. (табл. LVII, 9—11). Два наконечника имеют удлиненно-треугольную форму. Основание у них прямое. Срезом от грани, образованной двумя плоскостями, выражен насад. Третий наконечник несколько необычной формы. К данному типу он относится лишь по типу сечения. Свообразие наконечника заключается в том, что одна его грань образует короткий шип, от которого начинается насад, заостренный книзу.

Тип II. Ромбические в сечении наконечники (табл. LVII — 7,8). Наконечники этого типа имеют иволистную форму, которая отчасти обусловлена округлым или приостренным основанием. Насад с двух сторон уплощен срезом.

Тип III. Наконечники с прямоугольным сечением пера (табл. LVII, 14—16).

Тип IV. Наконечники стрел с круглым или овальным сечением (табл. LVI, 18, 19; табл. LVII, 12, 13). Выделяются два варианта по оформлению насада.

Группа втульчатых наконечников из Айдашинской пещеры. Отдел пулевидных наконечников представлен одним типом — орудиями, круглыми в сечении (табл. LVII, 1—3). Это выточенные из кости наконечники. От основания они постепенно сужаются, образуя длинную острую головку. Подобные наконечники получили в литературе название пулевидных.

Отдел наконечников с треугольной формой пера представлен одним типом. Форма пера треугольная (табл. LVII, 5, 6). Выделены короткие, опущенные книзу шипы. Несмотря на ряд общих признаков, наконечники отличаются величиной втулок, что позволило нам выделить два варианта. Вариант I — втулка круглой в сечении формы, короткая, начинается на уровне шипов. Можно этот наконечник отнести к наконечникам со скрытой втулкой (табл. LVII, 6). Вариант II — втулка наконечника выступающая (табл. LVI, 5).

К втульчатым наконечникам можно отнести еще один (табл. LVII, 4). Он близок к описанным трехгранным наконечникам, но отличается вырезанными углублениями на плоскостях пера. Они формируют внешнюю сторону втулки, а плоскость преобразуют в лопасть. При этом у острия сохраняется трехгранное сечение. Края лопастей у основания втулки закруглены.

Железные наконечники стрел. Их в Айдашинской пещере найдено немного (49 экз.), но они отличаются разнообразием форм. Принципы классификации наконечников, сделанных из железа, как впрочем и их датировка, разработаны довольно хорошо. Причем в отличие от бронзовых и костяных за основу анализа исследователи берут не только их внешние признаки, но и функциональное назначение. Исходя из сложившейся системы, мы выделяем среди айдашинских железных наконечников стрел три группы: трехлопастные, двухлопастные и бронебойные. Последние названы по функциональному назначению, но это не противоречит общему принципу выделения группы, так как назначение определило соответствующую форму пера.

Группа трехлопастных наконечников стрел. Тип I. Д в у х ъ я р у с н ы е. Характерная особенность наконечников этого типа — наличие в средней части лопасти уступа, т. е. переход от широкой лопасти наконечника к более узкому острию, причем угол этого уступа различен. Малочисленность изделий этого типа затрудняет их анализ. На наш взгляд, все же можно выделить три варианта.

Вариант I, А — составляют 5 наконечников (табл. LVIII, 1, 3, 4, 11, 12). К особенностям этих экземпляров относятся уступ под углом $110-120^\circ$, прямые края широкой части лопастей, которые затем постепенно сужаются к черешку, лопасти, образующие острие, дугообразной или треугольной формы. В месте перехода от пера к черешку имеется порожек. Черешок круглый в сечении, в одном случае прямоугольный. Два наконечника внизу на лопастях имеют отверстия в виде перевернутой запятой (табл. LVIII, 1, 3).

Вариант I, Б. К нему относится один наконечник стрелы (табл. LVIII, 2), характерная черта которого — треугольная форма широкой части лопастей, тогда как другая, образующая острие, дугообразная. Ближе к основанию на широкой части сделано по одному круглому отверстию. Порожек отделяет лопасти от черешка, имеющего прямоугольное сечение.

Вариант I, В тоже представлен одним экземпляром (табл. LVIII, 5). Его отличительный признак — трапециевидная форма широкой части лопасти. Остальные детали — форма верхней части лопастей, образу-

ющих острие, наличие порожка и отверстий — совпадают с предыдущим вариантом. На железный черешок надета костяная со сферическими боками втулка — «свистунок». Еще один такой же «свистунок» с тремя отверстиями по бокам встретился отдельно (табл. LVIII, 13).

Впервые подобные наконечники появляются на территории Южной Сибири в грунтовых могилах изыскового этапа таштыкской культуры — I в. до н. э. — I в. н. э.²⁰¹ Правда, это единичная находка. Значительно больше их в хуннских памятниках Забайкалья и одновременных им погребальных сооружениях Тувы²⁰². Найдены ярусные наконечники на территории верхней Оби во впускном погребении, на поселениях одинцовского этапа (II—IV вв. н. э.)²⁰³. Тувинские, таштыкские и одинцовские наконечники небольшие и очень узкие. Хуннские имеют более широкие лопасти пера, соотношение размеров острия и широкой части пера 1 : 2, что также отличает их от аналогичных наконечников из Тувы, Минусинской котловины и территории верхней Оби. Наконеч, уступ на их перах сделан чаще под прямым углом. Таким образом, все названные похожие наконечники имеют ряд признаков, отличающих их от айдашинских ярусных наконечников. Следует тем не менее подчеркнуть, что по форме пера, особенно это касается наконечников варианта I, А, айдашинские находки связаны с тувинскими наконечниками хуннского времени и одинцовскими. В материальной культуре племен верхней Оби ярусные наконечники продолжают существовать в IV—VI вв. н. э. Именно этим временем датируют могильные комплексы в Степном Чумыше А. П. Уманский²⁰⁴. На Большом мысу в г. Томске М. Н. Комарова датирует подобные наконечники второй половиной I тыс. н. э.²⁰⁵ Причем наконечники из Томского могильника обнаруживают абсолютное сходство с некоторыми айдашинскими рассматриваемого типа. Очень большое количество многоярусных наконечников обнаружено в так называемом Елыкаевском кладе, местонахождение которого В. А. Могильников классифицирует как жертвенный памятник и наиболее вероятным временем его существования считает VII—VIII вв. н. э.²⁰⁶ Среди наконечников есть экземпляры с круглыми отверстиями на лопастях, с отверстиями в виде перевернутой запятой и без них. Несколько меньше двухъярусных наконечников найдено еще в одном жертвен-

пом памятнике — Лысой Горе на р. Яя, исследованном С. К. Кузнецовым в 1891 г.²⁰⁷ Известны наконечники с территории Красноярского края, которые бытовали, по мнению В. Г. Карцова, до X в. и даже несколько позже²⁰⁸. Все приведенные аналогии прежде всего следует связывать с вариантом I, A из Айдашинской пещеры. Остальные обнаруженные единичные экземпляры стоят несколько обособленно. Можно лишь назвать аналогию наконечнику варианта I, B из разрушенного позднеташтыкского поселения Утух-Хая-Кисте, которое Ю. С. Худяков датирует III—V вв. н. э.²⁰⁹

Тип II. Трехлопастные наконечники стрел с опущенными вниз шипами. Среди наконечников этого типа можно выделить два варианта.

Вариант I, A (табл. LXIX, 1—11).

Особенность этих наконечников заключается в том, что у них прямые или несколько загнутые внутрь шипы, т. е. лопасти имеют четко выраженную треугольную форму. Черешок у них круглый в сечении. Существует еще одна особенность, которая, видимо, характеризует эти наконечники. На черешок трех наконечников надеты костяные втулки с продольным вырезом в нижней части, в силу чего орудия удивительно напоминают наконечники с расщепленным насадом.

Вариант I, B (табл. LXIX, 13, 14). Основным признаком для выделения этого варианта послужило наличие между лопастями пера и черешком своеобразных уступов в виде упора. На один из наконечников надета костяная втулка с продольным вырезом в нижней части.

Наконечники этого типа самые распространенные как территориально, так и по длительности существования, поэтому установить их культурно-историческую принадлежность довольно сложно. Обращает на себя внимание незначительная величина наконечников, особенно их пера. Именно это обстоятельство позволяет сузить временные рамки круга аналогий. Так, по мнению С. С. Сорокина, мелкие трехлопастные черешковые наконечники характерны для памятников III в. до н. э.—I в. н. э. в предгорьях Тянь-Шаня²¹⁰, широко представлены они в сарматских памятниках, употреблялись во II в. до н. э.—II в. н. э. племенами саргатской культуры, к востоку аналогии обнаруживаются в хуннских памятниках²¹¹. Вполне возможно, что такие наконечники бы-

ли в обиходе у племен таштыкской культуры. Мы почти не знаем наконечников таштыкцев. По мнению С. В. Киселева и Л. Р. Кызласова, отсутствие в могильных комплексах этого вида оружия связано с религиозными представлениями населения таштыкского времени²¹². Таким образом, нельзя с уверенностью говорить о культурной принадлежности наконечников этого типа. Очевидно, время их существования — последние века до нашей эры — первые века нашей эры. Что же касается наконечников с несколько загнутыми внутрь шипами, то аналогичные им изделия, но с отверстиями на лопастях и без них найдены в киргизских памятниках²¹³. Однако истоки их происхождения не установлены. Среди аналогий можно назвать предметы, собранные на жертвенном месте Лысая Гора.

Тип III составляют три наконечника стрел (табл. LX, 1, 3). Главная характерная их черта заключается в том, что лопасти при переходе к черешку закруглены. В одном случае у основания пера сделан уступ. Черешок имеет круглую в сечении форму.

Наконечников этого типа на территории Западной Сибири обнаружено немного. В основном это материалы из погребений кудыргинского типа²¹⁴. Редко они встречаются в материальной культуре кочевых племен сопредельных территорий. На наш взгляд, эта форма наконечников происходит от широко распространенных ромбических.

Тип IV. В Айдашинской пещере найден один наконечник с ромбической формой пера (табл. LX, 5). У основания пера сделан уступ.

Многочисленные аналогии этому наконечнику мы находим среди материалов могильника Кокэль в Туве²¹⁵, в хуннских памятниках Забайкалья²¹⁶. Иным временем датируется наконечник с ромбической формой пера из могильника на оз. Нурэ — VIII—IX вв.²¹⁷

К группе трехлопастных наконечников стрел принадлежат еще два наконечника, которые трудно отнести к какому-то из выделенных нами типу из-за плохой сохранности пера (табл. LX, 4; LXI, 9).

Группа двухлопастных наконечников стрел. Это в основном орудия с относительно плоским различной формы пером. По форме пера выделяется ряд типов.

Тип I. Листовидные наконечники стрел — 4 экз. (табл. LVIII, 6—9). Характерная черта

этих наконечников — расширенное и закругленное основание пера. Черешок в сечении имеет прямоугольную форму.

Тип II. Наконечник с треугольной формой пера. Основание прямое. В месте перехода от пера к черешку имеется уступ. Сечение пера овальное, черешка — прямоугольное (табл. LVIII, 10).

Тип III. Срезни (табл. LX, 14). Орудие имеет вид узкой лопаточки с тупоугольным острием. Черешок круглый в сечении. В основании пера сделан упор.

Тип IV. Наконечники стрел этого типа можно назвать, пользуясь терминологией, предложенной А. Ф. Медведевым, двушипными, без упора (табл. LXI, 1—8). Среди наконечников этого типа можно выделить два варианта.

Вариант I, А составляют два наконечника с коротким заостренным черешком, квадратным в сечении. Другая их особенность — наличие нервюры, которая идет от острия вдоль пера и переходит в черешок (табл. LXI, 7, 8).

Вариант II, Б. Для этих наконечников характерны иные пропорции пера. Оно узкое и длинное по сравнению с пером предыдущего варианта наконечников. Насколько можно судить по хорошо сохранившимся черешкам двух наконечников, они были длинными и составляли полторы длины пера. В одном случае соотношение пера и черешка 1 : 3. Черешок прямоугольный в сечении, к концу заострен. На одном наконечнике на черешок под основание пера падает костяная втулка (табл. LXI, 5). Фиксируется еще один любопытный момент. У наконечника, видимо, был сломан черешок, и его заменили костяным, используя традиционный способ изготовления составных орудий (табл. LXI, 3).

Группа бронзобойных наконечников. В целом все они имеют короткую граненую головку, но по форме различны, поэтому следует согласиться с мнением А. Ф. Медведева, который считает необходимым выделить в этой группе отдельные типы, что позволит «судить о степени развития техники в том или другом районе, о времени их распространения, и, наконец, об этнической принадлежности»²¹⁸.

Тип I. Наконечники с овальной заостренной головкой (табл. LX, 7, 9, 11). Острие у них прямоугольное в

сечении. Причем по форме они варьируют от узких, несколько вытянутых, до коротких с незначительным расширением. Черешок к концу заострен. В сечении он круглый или подпрямоугольный. В одном случае черешок ярусный: большая его часть по толщине почти равна острию.

Тип II (табл. LX, 10). По форме пера близок наконечникам предыдущего типа. Более четко выделено острие, ромбовидное в сечении. Черешок у основания головки широкий, затем он постепенно сужается и образует острое окончание. В сечении черешок круглый.

Тип III. Наконечник с пирамидальной формой боевой головки (табл. LX, 12), очень похожий на наконечник копий с втулкой. Черешок короткий с заостренным концом. В сечении головка и черешок прямоугольной формы.

Тип IV. Представлен своеобразным наконечником (табл. LX, 6). Он имеет вид прямого стержня, подквадратного в сечении, конец которого заострен — так выражен черешок наконечника.

Тип V. Наконечники близкие к ланцетовидным (табл. LX, 13, 15). Необычность форме придают выемки у основания, которые образуют два узких коротких шипа, равных ширине острия. Черешок длинный, книзу заострен. Головка и черешок имеют ромбическое сечение.

Бронзобойные наконечники появляются у племен Западной Сибири в эпоху средневековья, когда было изобретено защитное снаряжение. Территориальное их распространение очень широкое.

ПРЕДМЕТЫ НЕИЗВЕСТНОЙ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В составе Айдашинской коллекции выделяется группа предметов, интерпретация которых затруднена. Ограничимся их перечислением.

1. Подвеска, сделанная из фаланги животного. На широкой плоскости, ближе к суставу, имеется круглое отверстие (табл. LXII, 1).

2. Две подвески из длинной кости птицы. Нижняя часть обломана. На конце сделано отверстие (табл. LXII, — 2, 8).

3. Астргалы (24 экз.). На всех на одной плоскости высверлены отверстия (табл. LXII, 3 — 7).

4. Суставная головка кости с отверстием (табл. LXII, 9).

5. Пяточная кость животного, имеется просверленное отверстие (табл. LXII, 10).

6. Бусины — 8 шт. (табл. LXII, 11—18). В основном костяные. Одна из них имеет форму усеченного конуса (табл. LXII, 11), три — бочонковидные (табл. LXII, 15—17). Особый интерес представляют две рубчатые бусины из стекла: цилиндрическая и круглая (табл. LXII, 12, 13).

7. Небольшой глиняный сосуд (табл. LXIII, 1) со слегка отогнутым наружу венчиком. Не орнаментирован. По характеру изготовления и составу теста его с большой вероятностью можно отнести к русской гончарной керамике. Вероятно, сосуд был оставлен в пещере теми, кто вел раскопки.

8. Грузило (табл. LXIII, 2). Обычная речная плоская продолговатая галька. Сколами с двух сторон по краям на ней сделаны выемки для крепления бечевки.

9. Три обломка отростков рога с залощенными концами (табл. LXIII, 3—5).

10. Три проколки, изготовленные из грифельных костей животных (табл. LXII, 6—8).

11. Два обломка костяных изделий, один конец которых заточен и приострен (табл. LXIII, 9, 10).

12. Костяной двухдырчатый псалий. Один конец его не сохранился. Отверстия сделаны на одной плоскости. Между ними проточен желобок (табл. LXIII, 11).

13. Резаный обломок рога (табл. LXIII, 12).

14. Костяные диски, круглые в плане, сферические в профиль (табл. LXIII, 13—16). В центре круглое отверстие.

15. Костяной предмет полукруглой формы. Его прямое основание заострено. Посередине имеется круглое отверстие (табл. LXIII, 19).

16. Цилиндрическая костяная трубочка-произка (табл. LXIII, 17).

17. Костяное изделие подквадратной формы с двумя отверстиями на разных плоскостях (табл. LXIII, 18).

18. Бронзовая круглая бляшка с припаянным к ней стерженьком (табл. XVII, 3).

19. Обломок бронзового кельта-мотыжки (табл. XVII, 5).

20. Круглая костяная бляха, в центре ее железный стержень (табл. XVII, 6).

21. Обломок бронзовой втулки (табл. XVII, 7).

22. Бронзовый скобель (табл. XVII, 8).

23. Железная бляшка в плане круглой формы (табл. XXIV, 3).

24. Круглое железное кольцо (табл. XXIV, 5).

25. Обломок железного изделия (ножа?) (табл. XXIV, 7).

26. Железный серп полукруглой формы, имеющий круглое отверстие для крепления (табл. XXIV, 8).

27. Бронзовая круглая втулка (табл. V, 1).

28. Два бронзовых наконечника пояса. Они подпрямоугольной формы, один конец у них овальный. В верхней части имеется овальное отверстие для крепления. На одном изделии (табл. V, 3) с обеих сторон тонкой гравировкой нанесен неопределенного вида орнамент. Второе изделие отличается наличием двух овальных долевых отверстий (табл. V, 4). Аналогичные изделия не отмечены, но можно все же говорить, что подобный гравированный орнамент по металлу весьма характерен для северного таежного круга культур²¹⁹.

29. Бронзовая круглая бляшка. Центральная часть имеет дополнительную круглую выпуклость, которая окружена семью точечными вдавлениями. Бортики бляшки украшены тонкими желобками (табл. V, 5).

30. Бронзовая произка (табл. V, 6).

31. Кусок бронзовой проволоки с загнутыми в одну сторону концами (табл. V, 7).

32. Кусочек бронзовой раскованной проволоки, свернутой в плотную спираль (табл. V, 8).

АЙДАШИНСКАЯ ПЕЩЕРА
КАК КУЛЬТОВОЕ МЕСТО

С глубокой древности пещеры привлекали внимание человека. Надежное убежище от любого ненастья с постоянными температурой и влажностью, возможность укрыться от неожиданного нападения манили палеолитического охотника, поэтому не случайно многие пещеры Северной Азии служили человеку жильем порой на протяжении веков. Достаточно вспомнить такие пещеры, как Усть-Канская, Страшная и Денисова¹ на Алтае. Археологическое изучение подобных памятников дает в руки исследователей прекрасную стратиграфию, благодаря которой можно восстановить эволюцию древних культур, происходившую на той или иной территории.

Пещеры и гроты использовались древним человеком и для кратковременных стоянок, что особенно хорошо прослеживается на восточных склонах Урала². Гораздо реже избирались пещеры для захоронений. Известны, например, неолитические погребения в Шилкинской пещере, где наряду с остатками культурного слоя эпох неолита и железа были обнаружены и потревоженные захоронения³.

Пещеры к тому же, несомненно, притягивали древнего человека своими таинственностью и укромностью, поэтому не случайно многие из них становились своеобразными культовыми местами.

Отметим одну из характернейших черт эпохи палеолита — это нанесение росписей на стены пещер. Всему миру широко известны своими удивительными наскальными рисунками пещеры Франции и Испании. Две пещеры с палеолитическими рисунками известны и на территории Северной и Центральной Азии: Каповая на Урале⁴ и Хойт-Цэнкер в Монголии⁵.

Корреляция пещерных «святилиц» Северной и Центральной Азии позволяет говорить о последних двух па-

мятников не только как об уникальных, но и констатировать, что в других, достаточно хорошо исследованных карстовых образованиях, служивших для древнего человека своеобразными «святилищами» в эпоху неолита, бронзы и железа, на стенах нет никаких изображений. Не обнаружено в этих пещерах и палеолитических предметов, оставленных там в качестве жертвоприношений. Напрашивается любопытный вывод о том, что совершаемые в пещерах человеком палеолита магические обряды были иными, чем в последующие эпохи неолита, бронзы и железа. Для палеолитического человека наиважнейшей стороной этих обрядов являлось нанесение рисунков на стены пещер, тогда как обряды людей последующих эпох сводились к жертвоприношениям в виде оружия, украшений и других предметов.

Эти особенности, несомненно, связаны с коренными преобразованиями в социально-экономическом укладе общества, в результате чего существенно изменилось мировоззрение человека, его идеология и, как следствие, — представления о культах, связанных с пещерами.

Айдашинская пещера была культовым местом с эпохи неолита. Хотя неолитических предметов в ней найдено и немного, однако они достаточно выразительны и своеобразны, чтобы не отнести их к другой эпохе. Особенно показательны, конечно, скульптурные изображения головки лося и фигурки медведя, прямые аналогии которым мы находим в погребениях кузнецко-алтайской неолитической культуры⁶, носители которой населяли, по-видимому, и район ачинско-марийской лесостепи.

Находка таких подвесок в Айдашинской пещере позволяет констатировать, что в жизни неолитических племен (по крайней мере, носителей данной культуры) пещеры занимали особое место. Это тем более очевидно, что образ лося является ведущим и на писаницах — Томской, Тугальской и Турочакской⁷, тоже, по-видимому, относящихся к данной культуре.

Присутствие в пещере кремневого наконечника стрелы тоже весьма любопытно. Поскольку каменных наконечников подобной формы не существовало у племен эпохи раннего железа, живших в северной таежной, южной лесостепной и степной зонах, а изделий бронзового века в пещере не обнаружено, датировка кремневого наконечника эпохой неолита, думается, вполне оправданна.

Последние раскопки В. Т. Петрина в пещерах-«святилищах» Северного Зауралья дали четко стратифицированный горизонт жертвенных предметов эпохи неолита. Среди них ведущее место занимают кремневые наконечники стрел*. Это, несомненно, свидетельствует, во-первых, о том, что пещеры как культовые места особенно почитались неолитическим человеком на широкой территории, во-вторых, позволяют говорить о связи культа пещеры с приношением наконечников стрел. Эта зародившаяся в неолите традиция отчетливо прослеживается и в последующие эпохи, вплоть до этнографического времени.

Небезынтересно, что наконечники стрел встречаются также в жертвенниках около писаниц⁸. В эпоху бронзы на рассматриваемой территории известны памятники андроновской и еловской культур, а также материалы, напоминающие окуневскую и ирменскую керамику⁹. Тем не менее ни одного предмета, который можно было бы датировать эпохой бронзы, в Айдашинской пещере не встретилось. По-видимому, пещера как «святилище» в этот период теряет свою значимость. Скорее всего, это связано с коренным изменением идеологии человека, обусловленным переходом к производящей системе хозяйства — скотоводству и земледелию.

Нельзя, видимо, не учитывать и сложных этнических процессов, происходивших в эпоху бронзы на этой территории, являвшейся по сути дела пограничной между таежным и степным миром, с одной стороны, и восточносибирской тайгой и западносибирской лесостепью — с другой.

В тех районах, где наблюдается автономное развитие культур, пещеры и в эпоху бронзы почитались. Особенно ярко этот процесс прослеживается в таежном Зауралье и Приуралье, где в Канинской жертвенной пещере В. И. Канивцом обнаружены предметы «медно-бронзового века», относящиеся к лебяжской культуре¹⁰. Жертвенные предметы эпохи бронзы известны из пещеры им. Ф. Ю. Гебауэра¹¹, в Камне Дыроватом¹² и др.

Несомненно, особое место занимали пещеры в верованиях людей эпохи раннего железа. В Айдашинской пещере обнаружено довольно большое количество предметов этого времени. Особенно интересно то, что они принадле-

* Выражаем благодарность В. Т. Петрину за данную информацию о неопубликованных материалах.

жат двум соседствующим культурным мирам: лесостепному — тагарскому и таежному — кулайскому. Тот факт, что пещера почиталась жителями таежного круга культур, не вызывает сомнений. Так, предметы эпохи раннего железа, в том числе бронзовые наконечники стрел кулайского облика, мы находим в хорошо изученной Канинской пещере¹³ и других пещерах-«святилищах» Зауралья и Восточного Приуралья (например, в пещере Темной на Вишере)¹⁴.

В. И. Канивец прослеживает следы культовых обрядов, совершаемых древним человеком в Канинской пещере. Он, в частности, отмечает наличие ритуального огня, жертвоприношения животных, культов медведя, мамонта как мифического животного, приношения стрел и высказывает мысль о существовании человеческих жертвоприношений¹⁵. Видимо, какая-то часть этих культов относится к эпохе раннего железа.

В Айдашинской пещере, судя по находкам, особенно популярными были жертвоприношения наконечников стрел как бронзовых, так и костяных. Нам представляется, что сам характер Айдашинской пещеры дает возможность сравнивать ее с кулайскими жертвенными местами, по находкам которых и была выделена эта культура¹⁶. В этом плане важно отметить, что набор предметов кулайского облика из пещеры сходен прежде всего с набором находок именно с жертвенных мест, а не из могильников, не говоря уже о поселениях. Не исключено также, что ряд костей животных, обнаруженных в Айдашинской пещере, относится к кулайскому времени.

Не менее ярким комплексом бронзовых и костяных изделий, прежде всего украшений, представлены в Айдашинской коллекции предметы тагарской культуры. Некоторые из них одновременны с вещами кулайского облика, что представляется весьма интересным, хотя и достаточно сложным для объяснения, по крайней мере, однозначно. Правильнее, видимо, будет высказать несколько возможных толкований этому факту.

1. Известно, что между кулайским и тагарским миром существовали довольно тесные контакты. Так, в ряде памятников тагарской культуры была обнаружена характерная для кулайской культуры посуда, украшенная штампованным орнаментом в виде «уточек»¹⁷, изображения бронзовых оленей в ажурном стиле¹⁸. Довольно ярко эти

контакты таежного и лесостепного мира прослежены Т. Н. Троицкой на материалах Каменномысского могильника, где обнаруживаются яркие проявления связей кулайцев с большереченцами¹⁹. Прослежена и обратная связь, когда предметы тагарского и большереченского облика присутствовали в комплексах таежных культур, на что неоднократно указывали многие исследователи²⁰. Кстати, некоторые предметы из Айдашинской пещеры тоже, по-видимому, свидетельствуют об этих контактах. Так, здесь обнаружена бронзовая фигурка северного оленя, украшенная характерным для кулайской культуры орнаментом — штампованной «уточкой», хотя сама фигурка выполнена в стиле, присущем для скифо-сибирского искусства. Аналогичные предметы находятся в Ишимской коллекции²¹. Еще одна бляшка выполнена из фигурок трех козлов. Сам сюжет и манера исполнения типичны для изделий тагарского лесостепного мира, в то же время на крупе этих животных изображена сидящая птица (уточка?) — кулайский элемент. Все сказанное свидетельствует о том, что Айдашинская пещера в силу своего географического положения могла быть своеобразным местом для осуществления, если можно так выразиться, «дипломатических встреч» представителей племен кулайцев и тагарцев, благоприятный исход которых заканчивался обоюдными жертвоприношениями.

2. Анализ характера типов памятников кулайцев и тагарцев дает право высказать еще одно предположение относительно «сосуществования» предметов тагарского и кулайского облика в Айдашинской пещере.

Как известно, жертвенные места в большей степени присущи именно племенам кулайской культуры, да и вообще жертвенники как в пещерах, так и в особых культовых местах характерны прежде всего для таежных культур. Все это наводит на мысль, что на этих местах оставались предметы чужеродного происхождения, приобретенные в результате контактов с другими, часто далекими племенами. Яркие свидетельства этому мы находим, например, в более поздних комплексах на средней Оби, в частности, на городищах Барсовой горы, где почти каждый год раскопок знаменуется находками великолепных предметов сасанидского и византийского происхождения, несомненно, связанных с жертвенными местами²². Совершенно очевидно, что у таежных аборигенов сущест-

вовало особое почитание некоторых типов, говоря современным языком, «импортных» предметов, которые, попадая в западносибирскую тайгу, «оседали» именно на жертвенниках. Не исключено, что корни этого явления уходят как раз в эпоху раннего железа.

Высказанные нами предположения заслуживают внимания еще и потому, что пещеры у тагарцев вряд ли почитались как священные места. Верования, каким-либо образом связанные с культом пещеры, не отмечены ни в одном обобщающем исследовании, посвященном тагарской культуре²³.

Не менее почитаемой Айдашинская пещера была и в гуннское время, о чем свидетельствует значительный набор обнаруженных костяных наконечников стрел с раздвоенным насадом. Однако сам по себе этот факт еще не указывает, что пещера почиталась собственно гуннами. Наконечники стрел гуннского времени, как убедительно показал А. П. Окладников, встречаются в погребениях таежных племен, этнически не связанных с гуннами²⁴. Наличие наконечников стрел с раздвоенным насадом интересно тем, что, возможно, они были заимствованы местным населением у южных соседей и бросались в жертвенную «яму» именно по причине своей необычности. В пользу этого предположения свидетельствует и айдашинский комплекс железных наконечников стрел со сложными костяными насадками, практически не имеющих аналогий. В силу того, что костяной насад у них часто раздвоен совершенно так, как и у костяных наконечников, мы с большой долей вероятности можем отнести эти сложносоставные наконечники к гуннскому времени. Сложность изготовления подобных наконечников, необычность их формы позволяют говорить, что они специально предназначались для стрельбы в пещеру.

Традиция особого почитания Айдашинской пещеры находит яркое продолжение у северных таежных племен в период средневековья. Видимо, этому кругу культур присуща не только «малая изменчивость форм материальной культуры»²⁵ на протяжении I тыс. н. э., но и в целом материальной и духовной жизни, что в условиях западносибирской тайги могло иметь решающее значение. Важно учитывать и точку зрения В. Н. Чернецова, который писал, что «необыкновенная устойчивость форм — явление, несомненно, заслуживающее серьезного внимания.

То, что оно наблюдается на очень широкой территории, не только в Приобье, но и в известной части Прикамья, позволяет рассматривать его как следствие каких-то общих для этих областей причин... в основном они, видимо, заключаются в том, что к рубежу нашей эры на территории Приобья и Приуралья уже заканчивалось сложение достаточно устойчивых этнических образований, развитие которых на протяжении большей части I тыс. н. э. не нарушалось никакими посторонними воздействиями»²⁶.

Предметы, обнаруженные в Айдашинской пещере, относящиеся к I тыс. н. э., характеризуются прежде всего бронзовыми бляшками, связанными с образом медведя. Как известно, область распространения подобных бляшек достаточно обширна — практически от Прикамья до Восточной Сибири. Однако все они, как правило, связаны с культурами таежной зоны Зауралья и Западной Сибири. Обнаружение таких бляшек в археологических комплексах периода I тыс. н. э. позволяет достаточно убедительно говорить о том, что в этот период культ пещеры у таежного населения не ослабевает. Устойчивость сюжета на этих бляшках, думается, объясняет существование культа медведя у древнего населения рассматриваемой обширной территории как одного из основных. В данном конкретном случае два культа пещеры и медведя проявляются, по-видимому, в сочетании, все сложности нюансов которого еще предстоит исследовать и объяснить.

Почитание пещер как «святилиц» в период I тыс. н. э. присуще, очевидно, многим племенам таежного севера Приуралья и Западной Сибири. Например, в Канинской пещере комплекс жертвенных предметов достаточно весом²⁷. Такие же комплексы, хорошо датированные находками монет I тыс. н. э., известны из Чаньвенской пещеры²⁸, жертвенного места на левом берегу Колвы у Камня Светика²⁹, Шайтанской пещеры³⁰ и других мест.

Другие предметы I тыс. н. э., относящиеся к северному кругу культур, по-видимому, тоже представлены преимущественно вещами культового назначения, которые встречаются при раскопках погребальных комплексов и поселений.

К этому же периоду, вероятно, следует отнести и часть костей животных, обнаруженных в Айдашинской пещере, прежде всего это касается костей медведя.

Тот факт, что Айдашинская пещера представляет собой

вертикальное карстовое образование, а спуск в нее довольно опасен даже при использовании современных страховочных средств, свидетельствует в пользу того, что вещи в пещеру бросались. Однако в одной из небольших ниш, расположенной приблизительно в 10 м от поверхности, был обнаружен череп медведя, который скорее всего поместили в нишу. Видимо, иногда все же человек спускался в пещеру для совершения каких-то обрядов в ее глубине. Медвежьи черепа и кости медведей, связанные с культом медведя, хорошо известны в ряде пещер Зауралья³¹.

Политические события, в которые была втянута и западносибирская лесостепь в конце I тыс. н. э., привели к тому, что Айдашинская пещера, расположенная в северной части лесостепного массива, уже не могла почитаться как культовое место населением западносибирской тайги.

Однако и тюркскими племенами, расселявшимися на территории лесостепной части Западной Сибири (в том числе и в Кузбассе)³², Айдашинская пещера почиталась. Разумеется, корни такого почитания иные, чем у автохтонно развивающегося населения таежной зоны. В этой связи уместно вспомнить одну из легенд об основании Тюркского каганата. В ней говорится, что предками тюрков явился один из гуннских родов, который был разгромлен и полностью уничтожен врагами, кроме одного мальчика. Мальчика спрятала волчица, поселившись с ним в пещере в горах. Потом волчица родила от него 10 сыновей, которые в свою очередь женившись на обычных женщинах, произвели потомство. Затем тюрки вышли из гор и стали кузнецами...³³.

Для нас в этом сказании представляет интерес та роль, которая отводится пещере как фактическому месту зарождения тюркского народа. В какой-то мере, видимо, это представление было эпохальным, поскольку сходные моменты почитания пещеры и жертвоприношений в ней мы находим в корейских летописях³⁴. Это характерно для создателей Бохайского государства мохэсцев, которые, как известно, в культурном отношении были достаточно близки тюркам³⁵.

Ярким примером такого почитания является пещера на р. Суворовке, где была обнаружена скульптура «спящей красавицы». Сама пещера, по мнению ее исследова-

телей А. П. Окладникова и А. П. Деревянко, была священной у бохайцев³⁶.

Все эти примеры, думается, достаточно наглядно свидетельствуют об особом отношении к пещере, прежде всего как культовому месту. Поэтому не удивительно, что тюрки с почтением относились к пещерам, и Айдашинская не являлась в этом отношении исключением. Тюрки совершали жертвоприношения в виде боевых железных наконечников стрел со свистунками. Это были очень ценные приношения, ведь лук и стрелы занимали у тюркского воина одно из ведущих мест в системе вооружения. В летописях их называли «когтями и зубами воина»³⁷.

Справедливости ради, следует подчеркнуть, что аналогичные железные наконечники стрел, но без свистунков встречались в погребальных комплексах Томского могильника вместе с круглыми бляшками, украшенными концентрическими проточенными окружностями. Эти погребения датированы М. Н. Комаровой второй половиной I тыс. н. э.³⁸, а находки в них предметов мелкой пластики типично северного, таежного, облика заставляют высказать предположение о том, что железные наконечники стрел тюркского облика применялись и лесными аборигенами. Отсюда напрашивается вывод, что Айдашинская пещера во второй половине I тыс. н. э. почиталась не тюрками, а автохтонным населением. Это предположение тем более заслуживает внимания, что ряд бронзовых бляшек явно северного происхождения датируется второй половиной I тыс. н. э.

Особым комплексом предметов, обнаруженных в Айдашинской пещере, являются костяные наконечники стрел. К сожалению, не все они поддаются датировке, поэтому о большей части этих изделий приходится говорить несколько абстрактно.

На наш взгляд, совершенно очевидно, что целая серия найденных в Айдашинской пещере наконечников, прежде всего длинных с биконической и треугольной головкой, изготавливалась скорее всего для проведения каких-то магических обрядов, связанных с пещерой. Говорить с уверенностью об этом нам позволяет тот факт, что ни в одном археологическом комплексе лесостепной или таежной зоны Западной Сибири и Зауралья подобные костяные наконечники неизвестны в такой форме и объеме, как в Айдашинской пещере. Ближайшие аналогии им

так называемые наконечники стрел шигирского типа, которые встречаются в комплексах эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири³⁹.

Однако датировать неолитом айдашинские костяные наконечники было бы неверно, поскольку абсолютное большинство стрел из пещеры имеет треугольную в сечении головку, что совсем нехарактерно для неолитических образцов. Таким образом, правильнее всего весь этот комплекс костяных наконечников стрел датировать эпохой железа и трактовать как культовые.

В этой связи небезынтересно отметить, что в погребениях скифского времени на Горном Алтае В. Д. Кубареву неоднократно встречались деревянные модели стрел, выполненные почти в натуральную величину, и часто с биконической головкой⁴⁰.

Анализируя материалы Айдашинской пещеры, мы видели, что традиция опускания в пещеру наконечников стрел — каменных, бронзовых, железных, костяных и комбинированных — бытовала начиная с эпохи неолита во все времена почитания пещеры различными этническими группами населения.

Видимо, культ стрелы, связанный в данном случае с ее жертвоприношением, был явлением общечеловеческим. Эти представления о магическом значении стрелы сохранились у многих народов, особенно северных районов Сибири. Этнографические данные свидетельствуют, что часто наконечники стрел не просто приносились и клались в пещере, а выстреливались в жертвенное место из лука⁴¹. Не случайно поэтому некоторые наконечники, обнаруженные в Айдашинской пещере, были поломаны, и многие удалось собрать и склеить.

Находки в Айдашинской пещере костей человека, в том числе и остатков черепа, позволяют высказать предположение о принесении в жертву людей. Обнаруженные останки вряд ли можно связывать с погребением.

Остатки костей человека известны в Уньинской пещере, где они, по мнению В. И. Канивца, могут быть связаны с человеческими жертвоприношениями⁴². К тому же этнографические данные по нижнеобским уграм свидетельствуют о существовании в древности этого обычая⁴³.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод, что Айдашинская пещера являлась культовым местом на протяжении огромного промежутка времени —

в эпоху неолита, раннего железа и средневековья. В начале II тыс. н. э. пещера перестанет быть жертвенником в принятом смысле этого слова. Однако еще очень длительное время пещера эта почиталась населением. Не случайно до сих пор сохранились в народе легенды.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть одну, на наш взгляд, достаточно важную деталь, объединяющую в целом культовые места Зауралья и Западной Сибири, а также, пожалуй, некоторые известные жертвенники у писаниц в уральской и восточносибирской тайге. Речь идет о том, что культ почитания пещеры как магического места встречается повсеместно в сочетании с жертвоприношениями животных, культом медведя, приношением различных предметов и наконечников стрел — явления, характерные если не для всех, то, по крайней мере, для сибирских племен и народов.

* * *

Исследование Айдашинской пещеры — этого уникального жертвенного места на территории Сибири — в целом завершено. Работы 1978 г. дали лишь три находки обломков костяных наконечников стрел. И это на сотни тонн поднятого на-гора грунта. Несмотря на это, расчистка уникального памятника продолжается. Кто знает, может быть, подтвердится одна из легенд о пещере, и нам удастся найти подземный ход, ведущий к озеру? Как бы там ни было, полученные в пещере материалы представляют большой научный интерес. К ним, несомненно, неоднократно будут обращаться археологи, этнографы, специалисты по первобытному искусству. И если данная работа поможет исследователям в их работе, авторы будут считать свою задачу выполненной.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Приложение 1

В. К. ВИСТЕНГАУЗЕН

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И МОРФОЛОГИЯ ПЕЩЕРЫ

Айдашинская пещера находится в парковой зоне Ачинска, примерно в 1,5 км к югу от пос. Мазульский. Пещера расположена на северном склоне хребта Арга, как бы соединяющего горные массивы Кузнецкого Алатау с системой Восточных Саян. К западу от небольшого, покрытого смешанным лесом всхолмления, где обнаружена пещера, видна пойма Чульма и у края ее примыкающее к подножию горы Айдашинское озеро.

Пещера заложена в темно-серых битуминозных слоистых известняках верхнего протерозоя и приурочена к тектоническому нарушению, ориентированному с юго-запада на северо-восток. Детальное описание геологического строения Айдашинского карстового участка дано в работе Р. А. и Ж. Л. Цыкиных «Карст восточной части Алтае-Саянской складчатой области» (Новосибирск. Наука, 1978, с. 43—45).

По строению пещера вертикальная. Основной (естественный) вход в нее представляет воронку диаметром около 5 и глубиной 4 м. Со дна воронки вертикальная щель-попкор полуметровой ширины выводит в потолок главного зала грота пещеры, в котором производились раскопки. До начала раскопок в 1977 г. грот почти полностью был заполнен щебнем и каменными глыбами, а глубина пещеры не превышала 25 м. В настоящее время размеры грота 8,5×6 м при высоте более 10 м. Дно его скрыто крутой, до 40°, осыпью. Низшая точка грота лежит на 30 м ниже входной воронки.

Второй вход в пещеру расположен к юго-западу от воронки в борту сухого безымянного ложка гипсометрически ниже первого на 10 м. Он закрыт сейчас дверью. От этого входа идет 20-метровый нисходящий ход колпчатого строения, заложенный по системе тектониче-

ских трещин и трещин отдельности (так называемый грабительский лаз). Он выводит к стене главного грота на высоте 4 м над современной нижней его точкой. К началу раскопок ачинскими спелеологами дальняя часть искусственного лаза была полностью закупоренной щебнисто-глинистыми отложениями.

Рыхлые отложения в пещере представлены щебнистым материалом, сопровождаемым гумусированным темно-бурым суглинком. В целом заполнение, потревоженное прежними довольно интенсивными раскопками, имело в большинстве своем вид искусственных насыпей, которые в отдельных местах сдерживались остатками сооружений из жердей. В самом низу пещеры обнаружено плохо сохранившееся подобие сруба.

Неясно, каким образом накапливался в гроте обломочный материал, так как его количество не соответствует размерам и морфологии полости. По рассказам местных жителей, в 1960-х годах предпринимались попытки засыпать пещеру щебнем. Даже если это соответствует истине, думается, что часть камней все же попала в грот одновременно с археологическим материалом. По-видимому, люди приносили в дар пещере и камни, в результате чего внутри пещеры создавалось своего рода «обо». Поскольку рыхлые отложения Девичьей ямы (второе название Айдашинской пещеры) перерыты несколько раз, подтвердить это нечем, кроме как аналогией с другими культурными вертикальными пещерами юга Сибири.

И. Д. ОВодов

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ АЙДАШИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Среди многих известных археологических памятников Северной Евразии Айдашинская пещера по своему содержанию может быть отнесена к числу феноменальных явлений, а потому заслуживает всестороннего изучения. Богатая коллекция разного рода вещей, найденных в пещере, отвечающая, по представлениям В. И. Молодина, В. В. Боброва и В. Н. Равнушкина, культовым обычаям древнего кочевого населения Южной Сибири, некоторым образом связана с полуископаемым остеологическим материалом, собранным в процессе исследования грунтового заполнения полости. Поэтому, учитывая слабую изученность голоценовой териофауны Сибири, мы считаем необходимым дать по возможности подробную характеристику найденных в пещере остатков человека и животных.

Исследование содержимого вертикальных карстовых полостей, подобных Айдашинской пещере, в отличие от гротов, представляет собой в техническом отношении немалую трудность. Тем более приятно, что раскопки в данном случае увенчались значительным успехом, обязанным энтузиазму и творческой энергии ачинских любителей спелеологии и древностей, руководимых В. Н. Равнушкиным.

Просмотр грунта в глубине полости, как это делал в конце прошлого века один из первых исследователей Айдашинской пещеры П. С. Проскуряков со своими помощниками, не мог дать полноценного результата. Поэтому спелеологами была разработана применительно к строению полости ручная, позднее усовершенствованная электромоторным приводом, лебедка, укрепленная наверху в устье пещеры. Металлическая тара объемом 1,5—2 ведра наполнялась вручную грунтом и подавалась наверх, где в условиях обогреваемого зимой временного по-

мещения содержимое просматривалось без промывки. Таким образом удавалось обнаружить не только обломки костей крупных млекопитающих, изделия человеческих рук (предметы бронзолитейного искусства, костяные наконечники и пр.), но и малозаметные для непрофессионалов части скелетов полевок, летучих мышей и других представителей микротиериофауны.

В общем объеме остеологическая коллекция, собранная ачинскими спелеологами, насчитывает 3600 костных остатков, принадлежащих, не считая человека, 27 видам млекопитающих, как минимум 6 видам птиц и, вероятно, одному виду земноводных. Несомненно, что эта палеозологическая коллекция не отвечает полному составу тафоценоза Айдашинской пещеры, формировавшегося на протяжении тысячелетий. В частности, немалая коллекция остатков животных, равно как и человека, была, очевидно, в свое время извлечена из пещеры П. С. Проскуряковым, имевшим довольно большой накопленный любительским путем интерес и опыт работы с пещерным остеологическим материалом¹. Установить судьбу палеофаунистических сборов П. С. Проскурякова из Айдашинской и других исследованных им пещер, несмотря на наши многократные попытки, не удалось.

Карстовые полости вертикального строения, подобные Айдашинской, отнесены нами к типу пещер-ловушек². Это раскрывает сущность процесса накопления основной части остатков млекопитающих на дне Айдашинской пещеры. То есть большинство четвероногих животных, отмеченных по их остаткам в такого рода подземельях, попадает туда по воле случая, усугубляемого порой особенностями поведения зверей в природе. Наиболее часто обрушиваются вниз с края входного отверстия млекопитающие, ведущие норный образ жизни: сурки, барсуки, лисы, для которых подземные пустоты сами по себе не внушают опасности. В отдельных случаях зимой, когда вход в пещеру заносится снегом, на дно вертикальных карстовых полостей могут падать косули, зайцы, мелкие куны. Таким образом, на протяжении длительного времени в пещерах-ловушках формируется тафоценоз, отражающий не только видовое разнообразие существующей в данном районе териофауны, но и численность отдельных ее представителей в определенные эпохи плейстоцена и голоцена.

Для дополнительной характеристики процесса формирования тафоценоза Айдашинской пещеры мы приводим цифровые данные по остаткам млекопитающих из других вертикальных карстовых полостей Средней Сибири, для которых установлено отсутствие какого-либо влияния на накопление костей со стороны человеческой деятельности (табл. 1). Сведения о расположении и строении пещер Баджейская, Торгашиинская шахта, Ловушка, Караулинская-1, Дивногорские I—II, Сыйская, Биджинская можно найти в книге Р. А. Цыкина, Ж. Л. Цыкиной и М. Н. Добровольского³.

Перейдем к повидовой характеристике остатков животных и человека, собранных в Айдашинской пещере.

Кости человека (*Homo sapiens* L.) в количестве 57, судя по трем локтевым костям, принадлежали двум взрослым индивидуумам. Большая часть остатков людей имеет следы естественного раскалывания, связанного, возможно, с обрушением участков свода пещеры или с подвижкой грунтовых масс. Пожалуй, единственное исключение — диафиз левого бедра, на дистальном и проксимальном концах которого ясно видны следы погрызов, оставленных некрупным хищником (лисица?). Кости прокрашены только с поверхности в серовато-желтый цвет, иногда с примесью коричневых тонов. Это свидетельствует о позднеголоценовом их возрасте, скорее всего, связанном со временем накопления в пещере основного ритуального инвентаря, относимого к эпохе железа. Прямых оснований для предположений, что остатки людей являются следствием каких-то магических и жертвенных церемоний, нет, хотя такие обстоятельства, учитывая воинственные наклонности древних кочевников, и могли иметь место.

Весьма любопытный вопрос о захоронении людей в пещере, особенно принимая во внимание обнаруженные в процессе раскопок следы бревенчатого «заплота» с основной массой найденных внутри его вещей и «черепной кости младенца»⁴, остается открытым. По свидетельству Ю. В. Гричана (личное сообщение), огороженный «заплом» участок не соответствует проекции падающих сверху и рикошетирующих предметов. По мнению В. И. Молодина (также устное сообщение), «заплом» мог быть сооружен П. С. Проскуряковым для того, чтобы воспрепятствовать оползанию отвала, т. е. просмотренного грунта. При этом вещи, обнаруженные в «заплоте», появились там вслед-

Таблица 1

Остатки человека и животных в Айдаинской пещере и некоторых других карстовых полостях вертикального типа

Вид	Айдаинская пещера									
	Айдаинская	Ваткейновья	Торпашин-ская шахта	Ловушка	Караулин-ская-1	Дивчотор-ская I	Дивчотор-ская II	Силевая (Крест)	Видкинская	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Человек (<i>Homo sapiens</i> L.)	57/2	—	—	—	—	—	—	—	1	
Домашние животные										
Лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	4/4	—	—	—	—	—	—	—	1	
Корова (<i>Bos taurus</i> L.)	46/3	—	—	—	—	—	—	—	2	
Овца или коза (<i>Ovis aut Capra</i>)	420/86	—	—	—	—	—	—	—	4	
Собака (<i>Canis familiaris</i> L.)	36/2	—	—	—	—	—	—	—	—	
Дикие животные										
Крот (<i>Asiocalops altaica</i> Nik.)	4/3	—	—	2	3	3	38	1	—	
Бурузюбка средняя (<i>Sorex caecutiens</i> Laxm.)	—	—	—	1	2	4	—	—	—	
» обыкновенная (<i>S. araneus</i> L.)	—	—	—	—	3	4	—	—	—	
» арктическая (<i>S. arcticus</i> Kerr.)	—	—	—	—	—	1	—	—	—	
» равнозубая (<i>S. isodon</i> Turon)	—	—	—	3	1	—	—	—	—	
» малая (<i>S. minutus</i> L.)	—	—	—	4	—	4	—	—	—	
Бурузюбка (<i>Sorex</i> sp.)	—	2	—	1	4	24	1	9	—	
Белозубка сибирская (<i>Crocidura sibirica</i> Duk.)	—	—	—	4	4	7	—	1	—	
Белозубка (<i>Crocidura</i> sp.)	2/1	2	—	3	1	—	—	1	—	
Ночница прудовая (<i>Myotis dasycneme</i> Boje)	—	—	—	—	—	—	—	3	—	
» усатая (<i>M. mystacinus</i> Kuhl)										
Ночница (<i>Myotis</i> sp.)	—	4	—	—	3	—	—	—	—	
Ушан (<i>Plecotus auritus</i> L.)	—	40	—	—	6	—	—	350	—	
Северный кожанок (<i>Eptesicus nilsonii</i> Keils. et Blasius)	—	2	—	—	5	—	—	8	—	
Большой трубконос (<i>Myrina leucogaster</i> M. — Edw)	4/4	1	—	—	9	—	—	32	—	
Рукокрылые (<i>Chiroptera</i> gen. et. sp. indet.)	52/2	—	—	—	—	—	—	—	—	
Зяц-белка (<i>Lepus timidus</i> L.)	329/32	1	4	10	6	3	3	1	—	
Линуха (<i>Ochotona alpina</i> Pall)	41/18	—	—	—	1	—	—	—	—	
Легля (<i>Pteromys volans</i> L.)	2/1	1	—	9	10	—	—	—	—	
Белка обыкновенная (<i>Sciurus vulgaris</i> L.)	—	1	—	5	1	—	—	—	—	
Бурундук (<i>Eutamias sibiricus</i> Laxm.)	—	2	—	29	3	—	—	—	—	
Сурок серый (<i>Marmota cf. biabacina</i> Kastsch.)	461/33	1	1	1	1	—	—	1	4	
Суслик (<i>Citellus</i> sp.)	18/5	—	—	1	3	—	—	—	2	
Лесная мышь (<i>Arodemus speciosus</i> Temm.)	—	—	—	—	1	—	—	—	—	
Полевая мышь (<i>Ar. agrarius</i> Pall.)	50/25	—	—	4	1	—	—	—	—	
Хомяк обыкновенный (<i>Cricetus cricetus</i> L.)	1/1	—	—	1	2	—	—	1	—	
Хомячок (<i>Cricetulus</i> sp.)	2/4	—	—	1	—	—	—	—	—	
Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	1/1	—	—	2	3	4	—	—	—	
Полевка красно-серая (<i>Clethrionomys rufocanus</i> Sundev)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
» красная (<i>Cl. rutilus</i> Pall.)	4/4	—	—	5	1	3	—	—	—	
Экономка (<i>Microtus oeconomus</i> Pall.)	4/3	—	—	—	1	—	—	—	—	
Полевка рыжая (<i>Clethrionomys glareolus</i> Schreb)	4/4	—	—	5	2	—	—	—	—	
» темная (<i>Microtus agrestis</i> L.)	6/4	—	—	1	2	—	—	—	—	
» узкохвостая (<i>M. gregalis</i> Pall.)	1/1	—	—	6	1	—	—	—	—	
Полевка (<i>Microtus</i> sp.)	—	1	1	6	41	18	4	3	—	
Водяная полевка (<i>Arvicola terrestris</i> L.)	170/61	—	1	3	1	—	—	—	—	
Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	—	—	1	1	—	—	—	—	1	
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	138/16	—	—	—	—	—	—	—	3	
Медведь бурый (<i>Ursus arctos</i> L.)	40/4	4	2	41	—	—	—	—	2	

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хорь степной (<i>Putorius evermanni</i> Less.)	25/5	2	1	3	1	—	1	2	—
Колонор (<i>Mustela sibirica</i> Pall.)	—	2	—	2	—	—	—	—	—
Горностай (<i>Mustela erminea</i> L.)	1/1	4	—	11	1	—	1	—	—
Ласка (<i>Mustela nivalis</i> L.)	10/2	2	4	4	1	—	—	—	—
Соболь (<i>Martes zibellina</i> L.)	9/2	43	4	15	—	—	—	4	—
<i>Martes</i> sp.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Росомаха (<i>Gulo gulo</i> L.)	86/11	1	1	1	—	1	2	—	1
Барсук (<i>Meles meles</i> L.)	—	1	44	15	1	2	1	—	—
Выдра (<i>Lutra lutra</i> L.)	—	—	—	1	—	—	—	1	—
Рысь (<i>Felis lynx</i> L.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кабарга (<i>Moschus moschi erus</i> L.)	—	—	—	—	—	1	1	1	—
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	56/3	—	5	21	10	2	1	—	—
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i> L.)	—	1	—	—	3	—	1	—	—
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	—	1	—	1	—	1	—	—	—
Сибирский горный козел (<i>Capra sibirica</i> Pall.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ворона (<i>Corvus cf. cornix</i> L.)	2/1	—	—	—	—	—	—	—	—
Дятел (<i>Dendrocopus cf. major</i> L.)	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—
Дрозд (<i>Turdus</i> sp.)	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—
Тетерев (<i>Lyrurus tetrix</i> L.)	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—
Глухарь (<i>Tetrao urogallus</i> L.)	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—
Сова (<i>Sirix walensis</i> Pall.)	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—
Трудноопределимые остатки мелких млекопитающих	600/?	—	—	—	—	—	—	—	—
Неопределимые остатки крупных млекопитающих	770/?	—	—	—	—	—	—	—	—
Трудноопределимые остатки птиц	185/?	—	—	—	—	—	—	—	—
Остатки земноводных	7/2	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	3600/339	57	31	177	145	75	53	511	20

Примечание. В графе «Айдашинокая пещера» числитель проби означает количество костей, знаменатель — число

стве некачественных ранних раскопок, проводившихся, очевидно, в условиях слабого освещения.

Голоденые остатки людей спелеологи неоднократно обнаруживали на Алтае (Чергинский провал), в пещерах Красноярского края (Археологическая, Кашкулакская, Бородинская, Базинская). Подобного рода находки зарегистрированы и в нескольких карстовых полостях на юге Уссурийского края⁵. Все эти материалы пока обойдены вниманием антропологов.

Из остатков домашней лошади (*Equus caballus* L.) имеется лишь один резец нижней челюсти, служивший подвеской, на что указывает сквозное отверстие у вершины корня.

Кости представителей крупного рогатого скота (*Bostaurus* L.) легко выделяются из общей массы остатков. Их немного: два верхних коренных зуба, резец, обломки двух лопаток, фрагмент заднего края нижней челюсти, четыре обломка ребер и три таранные кости (астрала). Таранные кости, судя по размерам, относятся к трем сравнительно некрупным особям, на что указывает их длина — 53, 57 и 62 мм при соответственной ширине в нижней части 34,35 и 40,5 мм.

О наличии мелкого рогатого скота (*Ovis aries* L. и *Capra hircus* L.) в хозяйстве южносибирских кочевых племен, наведывавшихся в разное время с ритуальными намерениями к Айдашинской пещере, наглядно свидетельствуют анализируемые коллекционные сборы. Общее количество остатков домашних полорогих группы *Ovis* — *Capra* равно 460 и представляет собой практически все элементы скелета, из которых целыми сохранились лишь плотные небольшого формата кости заплюсны и некоторые фаланги. Крупные трубчатые лишены эпифизов, что легко объясняется молодым возрастом (до 1—2 лет) животных, шедших в пищу и приносимых в жертву.

По обломкам проксимальной части лопаток установлено наличие в коллекции остатков 14 особей баранов, у которых в отличие от козлов форма суставной впадины более эллипсоидная⁶.

Дополнительный материал, подробно и обобщенно характеризующий даже видовой состав стада древних поклонников Айдашинского пещерного капища, заключается в наборе таранных костей овец и коз. Выявленные В. И. Громовой⁷ признаки различия для баранов и коз-

Таблица 2

Вариационный ряд длины астрагалов овец и коз, мм

Длина	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
Астрагалы овец:												
левые	—	4	4	5	19	15	20	5	—	2	—	2
правые	—	4	3	9	9	12	13	9	—	1	1	—
Астрагалы коз:												
левые	2	4	2	3	—	1	—	—	—	—	—	—
правые	—	—	4	1	1	—	1	—	—	—	—	—

лов по строению астрагалов позволили с достоверностью говорить о наличии в стадах у первобытных кочевников Причулымья не только овец, но и коз.

Общее количество астрагалов мелких домашних полорогих в Айдашинской коллекции равно 196. Вариационные ряды результатов измерения длины каждого из 150 астрагалов (табл. 2) дают представление не только об относительном разнообразии развития скелета *Ovis aries* и *Capra hircus*, но и указывают на общее число особей овец (82) и коз (16).

Сравнительное обилие остатков мелких домашних полорогих, найденное в Айдашинской пещере, впервые отмечается в ряде исследованных на юге Сибири вертикальных карстовых полостей, что само по себе свидетельствует о роли этих животных как жертвенного элемента в культурных процессах у древних пастухов и воинов прилегающих территорий. Другое свидетельство широко распространенного среди древнего скотоводческого населения культового отношения к мелким домашним парнокопытным увязывается с большим числом таранных костей овец и в меньшей степени коз. Об особой значимости таранной кости мелкого рогатого скота в представлениях айдашинских паломников говорят и следы искусственной их обработки: сверление в дорзо-вентральном направлении на 27 костях, стачивание медиальной или латеральной поверхности до полного исчезновения естественного рельефа — 2 кости, ряды неровных зарубок (насечек) по боковым краям — 2 образца. Окончательное решение этого интересного вопроса — дело компетентных археологов и этнографов.

Собака (*Canis familiaris* L.). История появления и развития этого первого прирученного человеком животного охарактеризована на сибирском материале крайне слабо. И в наши дни остаются справедливыми высказанные 70 лет назад слова пионера палеолитоведения Сибири И. Т. Савенкова, что «...древнейшему и неизменному спутнику человека в Северной и Средней Азии следовало бы уделять внимание, несколько большее, чем замечается до сих пор»⁸. Накапливание субфоссильного материала, его информативная публикация и сбор сравнительных скелетов — немаловажная задача в деле изучения эволюции и улучшения пород домашних животных.

В связи с этим попытаемся охарактеризовать имеющийся в нашем распоряжении остеологический материал по *Canis familiaris*, полученный при раскопках Айдашинской пещеры. Все отнесенные к этому виду остатки принадлежат двум взрослым особям и одной молодой. Цвет костей неодинаков: исключительное большинство их имеет светло-желтую окраску и лишь один образец (плечевая кость) — темно-коричневого цвета, причем довольно глубоко прошикающего в плотную костную ткань. Несмотря на разницу в окраске, надо думать, предельный возраст остатков собак из Айдашинской пещеры не древнее середины голоцена.

Сохранность некоторых трубчатых костей взрослых собак хорошая, другие остатки, в частности два обломка осевого черепа, сильно фрагментированы, что не дает возможности сравнивать наши материалы с данными, опубликованными В. И. Цалкиным⁹, об остатках собак из неолитического поселения Нижняя Березовка в Забайкалье.

Интересно отметить, что ни в одной доступной нам отечественной работе, посвященной описанию ископаемых остатков собак с мест древних поселений или из могильников, нет сведений о размерах частей посткраниального скелета этих животных, в то время как стандартизация пород современных собак в значительной степени построена на пропорциях туловища и конечностей¹⁰. Понимая ценность таких данных, мы даем в табл. 3 основные размеры пригодных для остеометрического исследования остатков айдашинской собаки.

Локтевые кости, лишь частью уцелевшие, позволяют снять из общепотребимых только один промер — переднезаднюю длину локтевого отростка, равную 19,2 мм.

Таблица 3

Основные промеры некоторых трубчатых костей собаки, мм

Признак	Плечо		Бедро	Голень
Длина кости *	148,5	147,0	166,0	171,0
Ширина верхнего эпифиза	28,5	26,5	32,5	30,0
» диафиза	9,8	9,6	11,2	10,8
» дистального конца	27,5	27,0	29,0	21,0

* Здесь и далее длина плечевой кости и бедренной измерена от поверхности суставной головки до наиболее удаленной точки дистального конца.

Два обломка верхней челюсти, судя по соотношению зубов и по скульптуре кости, принадлежали взрослому животным. Длина зубного ряда от заднего края третьего моляра до наиболее выдающейся вперед части межчелюстной кости и от него же до задней стенки альвеолы клыка равна соответственно 82 и 62,7 мм. Длина первого моляра (хищнического зуба) по осевой линии равна для обоих образцов 14 мм.

Все указанные промеры костей, а также слабо развитая шероховатость на участках прикрепления мышц свидетельствуют о субтильном сложении собак, притом относительно небольшого роста, использовавшихся, по всей видимости, в качестве пастушеских, но никак не для зверовой охоты.

Совсем иной костяк был у некоторых собак в неолите Прибайкалья. Иллюстрацией этому могут служить хорошо сохранившиеся остатки левой передней ноги собаки, найденной в Усть-Ангинском могильнике непосредственно над погребальной камерой между двойным каменным перекрытием (раскопки А. П. Окладникова, И. В. Асеева и Ю. В. Гричана). По высоте в холке это животное немного превосходило айдашинских собак: длина плечевой кости равна 156,5 мм, ширина верхнего эпифиза—33, диафиза—14 и нижнего конца кости в надсуставных буграх — 35,5 мм. То есть по структуре скелет усть-ангинской собаки был раза в полтора мощнее костяка собак Причудья. Для полноты данных об усть-ангинской находке упомянем результаты измерений ее лучевой и локтевой костей: максимальная длина лучевой — 153, локтевой — 172 мм; ширина верхнего эпифиза лучевой — 19,5, диафиза — 13,5

и нижнего эпифиза — 27 мм (последний промер, вероятно, несколько завышен из-за наличия следов болезненного разрастания кости в этом месте). Переднезадняя длина локтевого отростка у усть-ангинской собаки равна 21,5 мм.

Таким образом, даже на приведенных двух примерах сопоставления размерных признаков скелета доисторических собак из Западной и Восточной Сибири можно видеть резкую разницу в телосложении этих животных. Все это лишний раз доказывает необходимость тщательного сбора и сбережения субфоссильного материала по собакам, если вопрос встанет о серьезном изучении этапов их доместикиции.

Среди остатков мелких наземных млекопитающих из Айдашинской пещеры нами определены: крот (*Asioscalops* sp.), белозубка (*Crocidura* sp.), пищуха (*Ochotona alpina* Pall.), белка-летяга (*Pteromys volans* L.), суслик (*Citellus* sp.), обыкновенный хомяк (*Cricetus cricetus* L.), хомячок из рода *Cricetulus* и водяная полевка (*Arvicola terrestris* L.). Л. И. Галкина, просмотрев оставшиеся материалы по микромаммалиа, добавила к указанному списку еще шесть видов полевок, а именно: красно-серую (*Clethrionomys rufocanus* Sundev.), красную (*Cl. rutilus* Pall.), рыжую лесную (*Cl. glareolus* Schreb.), экономку (*Microtus oeconomus* Pall.), темную (*M. agrestis* L.) и узкочерепную (*M. gregalis* Pall.). Все они представлены малым количеством особей (см. табл. 1).

Говорить о современном обитании вышеперечисленных видов мелких млекопитающих в окрестностях Айдашинской пещеры трудно, так как, насколько нам известно, изучение фаунистического состава ныне существующего териокомплекса в данном районе не проводилось, во всяком случае, подобного рода публикаций нет.

В целом отмеченная группировка мелких млекопитающих вполне соответствует лесному и лесостепному биоценозам, широко распространенным по Среднему Причудья. Обилие остатков водяной полевки (170 обломков черепов и нижних челюстей) отвечает наличию этих зверьков в лесостепной зоне и отражает близость водоема, расположенного у подножия склона Айдашинской горы (Айдашинское озеро), где водяные полевки и поныне должны находить удобные места для обитания.

Антропогенное влияние на природные лесные ценозы и, в частности, распашка степных массивов существенно

изменяют картину естественного биотопического распределения многих видов мелких мелкопитающих, иные из которых приспосабливаются к жизни в новых условиях (суслик, обыкновенный хомяк, барабинский хомячок), а некоторые могут целиком исчезать с ранее обжитых территорий (например, северная пищуха и некоторые лесные виды полевок).

Ввиду единичности собранных остатков насекомоядных и мелких полевок, а также трудности определения их геологического возраста, не представляется сколько-нибудь обоснованно говорить о смене растительной обстановки в окрестностях пещеры за прошедшие тысячелетия.

По мнению Л. И. Галкиной, имеющиеся отклонения в структуре жевательной поверхности зубов некоторых видов полевок, обнаруженных в пещере (экономка, узко-черепная, красная, красно-серая), свидетельствуют о их раннеголоценовом или даже плейстоценовом возрасте.

Остатки рукокрылых (Chiroptera) в Айдашинской пещере малочисленны (53 экз.) и представлены в основном длинными плечевыми и лучевыми костями скелета. До вида по единственному имеющемуся черепу определен только большой трубнонос (*M. leucagaster* Milne Edw.).

В Сибири летучие мыши, как известно, используют пещеры в качестве мест зимовок, где, возможно, основная масса их и гибнет. Надо заметить, что простые по морфологии вертикальные полости (колодцы) типа Айдашинской пещеры в отличие от пещер иного строения и больших размеров летучие мыши заселяют весьма редко¹¹. Это обусловлено в первую очередь менее стабильными микроклиматическими особенностями таких полостей.

Сурок серый (*Marmota baibacina* Kastsch.). Остатки этого вида оказались в коллекции не только наиболее многочисленными (461 кость, как минимум, от 7 взрослых и 26 молодых зверьков), но и, пожалуй, самыми интересными с палеофаунистической позиции. Здесь представлены: череп довольно полной сохранности; фрагменты десяти других черепов, сильно разрушенных, видимо, в результате перемещения грунта в глубине пещеры, по этой же причине плохо сохранились и ветви нижних челюстей (11 шт.). Крупные трубчатые кости хотя и не так сильно повреждены, но имеют для морфометрии иной дефект:

Таблица 4

Размеры трубчатых костей передней конечности сурка из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Плечевая			Лучевая		
	n	Крайние	Среднее значение	n	Крайние	Среднее значение
Длина кости	6	81,0—90	86,2	3	68,0—72,0	70,3
Ширина верхнего эпифиза	6	16,0—19	17,7	3	10,1—11,1	10,4
Ширина (наименьшая) диафиза	5	6,5—9	7,9	3	5,9—6,2	6,1
Ширина нижнего эпифиза	6	23,0—27	25,4	3	11,0—11,7	11,3
Поперечник верхнего эпифиза	—	—	—	3	6,9—7,3	7,1
Поперечник нижнего эпифиза	—	—	—	3	8,6—9,6	9,2

подавляющее большинство их принадлежит полувзрослым (стадия subadultus) и юным (juvenis) особям, а потому лишены одного или обоих эпифизов. В итоге из имеющихся 297 основных трубчатых костей сурков (плечевых — 68, локтевых — 34, лучевых — 41, бедренных — 80, больших берцовых — 74) пригодными для снятия промеров оказались лишь 24 (табл. 4, 5).

Таблица 5

Размеры трубчатых костей задней конечности сурка из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Бедренная			Большая берцовая		
	n	Крайние	Среднее значение	n	Крайние	Среднее значение
Длина кости	4	86,0—97,5	93,8	10	83,0—99,0	90,0
Ширина верхнего эпифиза	—	—	—	8	18,0—20,6	19,4
Ширина (наименьшая) диафиза	4	7,3—9,3	8,5	10	5,0—6,4	5,9
Ширина нижнего эпифиза	4	16,8—20,0	19,1	10	11,1—13,2	11,9

Определение видовой принадлежности южносибирских сурков только по крапивологическим данным представляет определенную трудность¹², особенно ощутимую при ограниченном материале. Тем не менее ряд установленных признаков (величина и форма слезной кости, носовых костей, заглазничных отростков; степень отклонения к медиальной плоскости суставного отростка нижней челюсти) заставляет нас отнести остатки сурков Айдашинской пещеры к виду *Marmota baibacina*. К этому же виду Л. И. Галкиной¹³ были отнесены черепа и нижние челюсти сурков из пещеры Караулинская-1 близ Красноярска, имеющие возраст 8860 ± 140 лет (СОАН-1084).

Основные промеры двух сурочьих черепов (у первого обломаны скуловые дуги, второй, кроме того, лишен костей затылочной области) следующие: длина кондило-базальная 98,8 мм, носовых костей 42,0 и 39,3 мм, зубного ряда 23,3 и 23,5 мм; ширина проксимальная носовых костей 12,4 и 10,6 мм, дистальная носовых — 17,8 и 17,6 мм, между foramen infraorbitale — 23,1 и 22,5 мм, межглазничная — 22,7 и 23,4 мм, заглазничная — 16,2 и 16,7 мм, мастоидная — 44,6 мм; максиллярная высота 27,3 и 28,9 мм.

На территории Средней Сибири между 53° и $56^\circ 20'$ северной широты известно 25 в основном пещерных местонахождений остатков сурков. Время окончательного исчезновения колоний этих зверьков — индикаторов степной и лесостепной растительной обстановки в условиях среднегорного и холмистого рельефа определить с желаемой точностью пока не представляется возможным. Скорее всего, это произошло во второй половине голоцена, порядка 3—4 тысячи лет назад. Временной диапазон обитания сурков на взгорьях в окрестностях Айдашинской пещеры, по материалам собранной ачинскими слеологами коллекции, довольно значителен, на что указывают различия в степени сохранности остатков этого вида. По окраске костного вещества от светло-желтого (поздний голоцен) до темно-коричневого (плейстоцен?) кости сурков из Айдашинской пещеры раскладываются следующим образом: а) светло-желтые кости — 22,8% их общего числа; б) желтовато-коричневые иногда с серым оттенком при наличии дендритов — 28,4; г) темно-коричневые — 8,4%. Вполне вероятно, что наиболее многочисленные, окрашенные в темно-желтый цвет остат-

ки сурков, сходные по сохранности с таковыми из пещеры Караулинская-1, соответствуют начальной поре голоцена. То есть, численность этого грызуна по западным отрогам хребта Арга в первые тысячелетия голоцена была наивысшей, что должно соответствовать максимуму проявления степных растительных сообществ в данном районе.

Тафономическая ситуация и сами коллекционные сборы из Айдашинской пещеры не дают основания для положительного решения вопроса о возможном участии сурков в качестве жертвенных животных. И все же, учитывая некоторые результаты археологических раскопок и отдельные сведения этнографического порядка, мы воздержимся от окончательного однопланового ответа на этот вопрос.

Несомненно, что сурки издавна привлекали внимание аборигенов Южной Сибири и Центральной Азии как источника мяса, меха и жира, имеющего целебные свойства. Немногочисленные остатки зверьков отмечены на некоторых палеолитических стоянках Енисейской долины (Кокореве-2, Таштык-1), в истоках Чульма (Малая Сья). В эпоху бронзы кочевники Минусинской котловины украшали себя ожерельями из резцов сурка. Такое ожерелье, составленное из 27 верхних и нижних резцов, было обнаружено в кургане у села Малые Копеши в Хакасии¹⁴. По сведениям, полученным в 1963 г. от археолога А. Н. Липского (личное сообщение), подобного рода украшение встретилось в афанасьевском погребении перед церковью на территории города Абакана. Правда, С. В. Киселев относил этот могильник к более позднему времени — к андроновской эпохе¹⁵.

На особые вкусовые качества мяса сурков и ритуальное его употребление с древних времен в пищу степными кочевниками указывает еще недавно практиковавшийся оригинальный способ приготовления мяса этого зверька монголами, именуемый «боодых»¹⁶.

З а я ц - б е л я к (*Lepus timidus* L.). В позднем плейстоцене на территории юга Приенисейской Сибири и Причудья обитало два вида зайцев: беляк и реже встречающийся мелкий вид, именуемый в литературе обычно как *Lepus sr.* Остатки мелкого зайца найдены нами в гроте Проскурякова на берегу одного из истоков Чульма — Белый Июс. Длина плечевой кости этого зверька равна 75,5 мм. На юге Хакасии в пещере Фанатиков¹⁷, похожей по строению на Айдашинскую, среди собранных

Ю. В. Гричаном и Е. А. Агеевой остатков млекопитающих оказались кости некрупного раннеголоценового (?) зайца, возможно, того же самого, еще не описанного вида (*Lepus* sp.). Длиннотные размеры основных костей задней конечности его следующие: таз ($n = 5$), крайние 70,5—74,0 мм, средняя длина 72,3 мм; бедро ($n = 5$) соответственно 88,0—93,5 и 91,5 мм; голень ($n = 4$) соответственно 107,5—112,0 и 91,5 мм. То есть этот вид зайца был на четверть мельче беляка.

В голоценовых отложениях других карстовых полостей указанной территории пока попадались части скелетов только беляка. Остеологические материалы из Айдашинской пещеры тоже свидетельствуют о наличии костей зайца-беляка, возможно, несколько более крупного, чем современные сибирские представители этого вида.

В Айдашинской пещере было собрано 17 остатков черепов и нижних челюстей зайцев. Из этого немногочисленного материала только четыре нижних челюсти пригодны для частичного измерения (табл. 6).

Ниже, в табл. 7 и 8 приведены размеры целых трубчатых костей и некоторых их фрагментированных остатков, принадлежавших взрослым зверькам.

В возрастном отношении погибшие в пещере зайцы разделяются на три группы. По подсчетам правых бедренных костей и некоторых других фрагментов скелетов можно говорить о наличии в Айдашинском тафоценозе остатков 18 взрослых, 5 полувзрослых и 9 молодых животных.

Бобр (*Castor fiber* L.). Этот интересный и ценный зверь, как свидетельствуют собранные В. Н. Скалоном литературные источники¹⁸, еще в XVII столетии обитал на среднем Енисее и в верховьях Чулыма. В 1924 г. остатки бобра были найдены А. Я. Тугариновым¹⁹ в пещере близ

Таблица 6
Основные промеры нижних челюстей зайцев из Айдашинской пещеры, мм

Признак	n	Крайние	Среднее значение
Длина зубного ряда	4	19,2—21,3	20,0
Высота на уровне P ₃	3	16,2—16,7	16,5
» позади M ₃	3	18,0—19,2	18,7

Таблица 7

Размеры трубчатых костей передней конечности зайца-беляка из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Плечевая			Локтевая		
	n	Крайние	Среднее значение	n	Крайние	Среднее значение
Длина кости	9	104—111	107,3	9	104—117	111,1
Ширина верхнего эпифиза	—	—	—	13	7,2—9,0	8,5
Переднезадний диаметр верхнего эпифиза	9	19—19,8	19,1	—	—	—
Ширина диафиза	9	5—6,5	5,9	18	5,9—6,8	6,2
Ширина нижнего эпифиза	9	11,5—12,5	11,9	14	9,0—10,7	9,8
Переднезадний диаметр нижнего эпифиза	9	8—9,8	9,2	—	—	—

Красноярска на левом берегу Енисея (ныне эта пещера носит название Караулинская-2). Неподалеку от этого места в другой пещере, названной Караульный Бык, нами обнаружено несколько костей бобра в слое с керамикой тагарского времени. Ранее этого при раскопках карстовых

Таблица 8

Размеры трубчатых костей задней конечности зайца-беляка из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Бедренная			Голень		
	n	Крайние	Среднее значение	n	Крайние	Среднее значение
Длина кости	10	115—131	125,2	3	148—156	151,7
Ширина верхнего эпифиза	8	24—26	25,0	8	19—20,5	19,7
Ширина диафиза	10	8—9,7	9,1	3	7,3—8,6	7,8
Ширина нижнего эпифиза	9	18,5—20,5	19,6	15	14,2—16,0	15,2
Переднезадний диаметр нижнего эпифиза	—	—	—	15	8,8—10,5	9,5

полостей в долине Белого Июса нам встретились остатки бобра в голоценовом тафоценозе Малой Тохзасской пещеры, расположенной метров на 40 ниже по склону от хорошо известного Тохзасского грота, исследованного П. С. Проскураковым в 1888 г.²⁰ Нами же были определены остатки бобра (12 костей от одной особи) среди небольшого количества костей поселения X—XII вв. Седова Заимка (раскопки 1975 г. В. Д. Романцевой в урочище Большой Камень Новосибирского сельского района одноименной области).

Все эти материалы наряду с новой находкой костей бобра в Айдашинской пещере (верхний резец и обломок нижней челюсти с резцом) хорошо подтверждают литературные данные относительно широкого распространения этого грызуна в прошлом по долинам рек Средней и Западной Сибири.

О паличии культа бобра в верованиях сибирского древнего населения ярко и содержательно рассказывает на основании разных источников В. Н. Скалон²¹.

Ввиду отсутствия частей посткраниального скелета бобра среди айдашинских материалов трудно полностью отвергать причастность сохранившихся остатков его черепа к числу других фактических свидетельств совершения здесь культовых обрядов.

Лисица (*Vulpes vulpes* L.). Остатки этого вида встречены на территории Западной и Средней Сибири как в плейстоценовых отложениях пещер (Страшная, Логово Гиены, Разбойничья, Усть-Канская, грот Проскуракова, Двуглазка), так и в голоценовых (известно 18 местонахождений). Однако ни в одной карстовой полости, в частности вертикального строения, нам не приходилось собирать кости лисиц в таком относительно большом (138 скелетных фрагментов минимум от 16 особей) количестве. Этот факт скорее всего объясняется значительным объемом проведенных в Айдашинской пещере раскопочных работ, чего не удавалось сделать пока ни в одной другой вертикальной карстовой полости Сибири.

Остатки лисиц, уверенно датируемые по степени фоссилизации поздним плейстоценом, в коллекции из Айдашинской пещеры единичны (фрагмент нижней челюсти и несколько обломков трубчатых костей). Из числа голоценовых остатков сравнительно хорошую сохранность, допускающую снятие промеров, имеют следующие части

скелетов: череп — 1 шт., нижняя челюсть — 9, плечевая кость — 8, лучевая — 7, локтевая — 1, бедренная — 4, большая берцовая (голень), — 5, пяточная — 9 шт.

Подробное морфометрическое описание субфоссильных остатков лисиц, равно как и многих других видов млекопитающих Сибири, — дело будущего. Мы ограничимся характеристикой основных величин пригодного к тому остеологического материала.

Единственный, сохранившийся почти в полном виде, череп лисицы имеет следующие размеры (в мм): длина кондио-базальная — 143,5; наибольшая — 149, носовых костей — 53, лобных (по шву) — 46,5, твердого неба — 72, всего зубного ряда — 80, от передней стенки альвеолы клыка до задней стенки альвеолы второго коренного зуба — 67,5, четвертого премоляра (по коронке) — 14,2; ширина над клыками — 25, носовых костей — 11,2, межглазничная — 28,5, заглазничная — 22; высота от *basion* до *opistocranium* — 33,5. Размеры нижних челюстей лисиц из Айдашинской пещеры даны в табл. 9, а основных трубчатых костей — в табл. 10 и 11.

Различия цифровых показателей для одноименных трубчатых костей (см. табл.

Таблица 9
Некоторые промеры нижних челюстей голоценовых лисиц из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Среднее								
	1	2	3	4	5	6	7	8	Крайние
Альвеолярная длина ряда коренных зубов (от задней стенки альвеолы клыка до заднего края альвеолы М ₃)	64,3	63,9	64,0	71,0	62,8	68,6	65,2	61,6	61,6—71,0
Длина М ₁ (по коронке)	15,7	16,0	—	16,3	—	16,3	—	15,8	15,7—16,3
Ширина М ₁ (по коронке)	6,2	6,4	—	6,8	—	6,3	—	6,1	6,1—6,8
Высота тела челюсти впереди М ₁	14,0	13,6	12,9	15,1	14,2	13,8	14,8	—	12,9—15,1
То же, позади М ₁	14,2	14,3	14,2	16,9	16,3	14,2	15,7	—	14,2—16,9

Таблица 10

Размеры трубчатых костей передней конечности лисицы из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Плечевая			Лучевая		
	n	Крайние	Среднее значение	n	Крайние	Среднее значение
Длина кости . . .	8	120,0—137,5	125,7	7	118,0—126,0	122,0
Ширина (наименьшая) диафиза	10	7,4—8,7	8,0	11	7,5—8,8	8,3
» нижнего эпифиза	17	19,5—24,0	21,2	11	14,5—17,0	15,7

10, 11) указывают, очевидно, как и у сурков, на широкую индивидуальную и половую изменчивость скелета голоценовых лисиц, обитавших географически в одной точке.

Бурый медведь (*Ursus arctos* L.) хотя и не пользуется той популярностью спелеофила, как его западный «собрат» *Ursus spelaeus*, однако во все времена — от плейстоцена до современности — с большой охотой навещал горизонтальные естественные пещеры, устраивая там иногда на зиму берлоги. Довольно часто по оплошности эти звери падали на дно вертикальных карстовых полостей. Нами за последние два десятилетия были обнаружены голоценовые остатки 51 бурого медведя в 34 пещерах Кузнецкого Алатау и Восточных Саян²². Всего же

Таблица 11

Размеры трубчатых костей задней конечности лисицы из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Бедренная			Большая берцовая		
	n	Крайние	Среднее значение	n	Крайние	Среднее значение
Длина кости	4	130,5—137,0	134,2	5	140,0—150,5	145,8
Ширина (наименьшая) диафиза	9	8,1—9,6	8,9	—	—	—
» нижнего эпифиза	9	20,2—23,1	21,6	11	14,5—16,5	15,7

в пещерах Алтае-Саянской горной области зарегистрированы кости 130 бурых медведей.

Остатки этого крупного хищника в Айдашинской коллекции представлены 40 фрагментами, принадлежавшими, как минимум, четырем особям (один взрослый, один молодой с только начавшими функционировать постоянными клыками и два сеголетка). Не вызывает сомнения, что оба медвежонка попали в пещеру естественным путем — упали через верхнее отверстие.

В отличие от довольно разнообразного набора костей, принадлежавших медвежатам, части скелетов более крупных особей состоят только из обломков черепов, нижних челюстей и двух полных шейных позвонков (атлант и 4-й или 5-й). Эта особенность с большой долей вероятности может свидетельствовать в пользу проявления человеческой (ритуальной) деятельности.

От черепа самого крупного зверя сохранились лишь лицевая часть и симфизные участки ветвей нижней челюсти.

Магические обряды, связанные с образом медведя, были очень широко распространены в прежнее время среди коренного населения таежных районов Сибири²³. Однако проявление их на палеофаунистическом материале из южносибирских пещер не удается наблюдать с той отчетливостью, как, например, в Канинской пещере на Северном Приуралье²⁴. Тем не менее обломки черепов и нижних челюстей бурого медведя в Айдашинской пещере, помимо описанных из этой же коллекции В. И. Молодиным с соавторами металлических литых бляшек с изображением этого зверя, просверленные медвежьи половые косточки, обнаруженные А. С. Еленевым в нескольких гротах по берегам Бирюсы близ Красноярска²⁵, а также упоминаемые нами для Малой Бальксийской пещеры (Горная Шория, верхнее течение р. Томь) голоценовые остатки медвежьей лапы, которые были захоронены вместе с костяными наконечниками стрел²⁶, могут свидетельствовать о существовании в Сибири в ранние времена медвежьего культа, связанного именно с пещерами.

Хорь степной (*Putorius evermanni* Less.) — для Сибири обычный обитатель степной и лесостепной зоны. Наличие костей этого вида в пещерных тафоценозах Алтае-Саянской горной области не редкость, хотя везде они немногочисленны (см. табл. 1).

В сборах из Айдашинской пещеры, по-видимому, имеются не только голоценовые остатки этого зверька, но и позднплейстоценовые, отличающиеся от первых наличием на поверхности дендритовых пятен, общей темно-серой и буроватой окраской костной ткани, а также значительным потемнением эмали зубов. По этим внешним признакам 14 остатков трех хорей условно отнесено к голоцену, а 8 костей от двух зверьков — к позднему плейстоцену (табл. 12—14).

Горноста́й (*Mustela eversmanni* L.). Этому виду принадлежит всего лишь один обломок черепа взрослого животного с сохранившейся лицевой частью, уверенно датируемый по окраске костной ткани голоценом. Зубы, за исключением двух последних премоляров и одного коренного, выпали из альвеол.

Ширина черепа на уровне клыков 11,8 мм, предглазничная — 11,3, заглазничная — 11,2 мм; ширина на уровне заднего края последних премоляров 16,8 мм; альвеолярная длина ряда коренных зубов 10,5 мм.

Собо́ль (*Martes zibellina* L.). Кости соболя, как степного хорька, по внешнему облику разделяются на голоценовые и плейстоценовые; последние преобладают (13 шт. от двух животных).

К эпохе голоцена нами отнесен обломок черепа (левая половина лицевой части с единственным из сохранившихся коренным зубом) и принадлежавшая тому же зверьку ле-

Таблица 12
Основные промеры двух черепов плейстоценового светлого хорька из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Череп	
	1-й	2-й
Кондило-базальная длина	64,9	—
Длина костного нёба	30,0	31,2
Альвеолярная длина ряда коренных зубов	15,0	16,4
Длина хищнического зуба	8,0	8,5
Ширина черепа над клыками	17,4	19,6
Ширина нёба на уровне заднего края хищнических зубов	20,1	21,7
Межглазничная ширина . . .	16,9	19,4
Заглазничная »	13,7	15,1
Ширина лба (наибольшая)	21,6	24,1

Таблица 13

Промеры нижних челюстей светлого хорька из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Голоцен				Поздний плейстоцен			
	1*	2	3	4	5	6	7	8
Длина альвеолярного ряда коренных зубов	18,9	18,7	19,2	20,4	19,2	20,8	20,0	19,5
» альвеолярного ряда премоляров	9,9	9,2	9,2	10,1	9,7	10,3	9,3	9,8
» M_1	8,2	8,7	8,3	8,8	8,1	8,4	8,8	8,4
» основания восходящей ветви	—	15,4	15,7	18,0	—	—	14,8	14,4
» основания вентрального отростка	10,9	11,6	11,7	12,4	—	—	11,2	10,3
Высота тела кости между P_2 и P_3	8,9	8,8	9,5	10,6	9,0	10,0	8,8	8,8
» тела кости перед M_1	8,5	8,3	8,4	9,8	7,7	9,0	8,4	8,1
» вентрального отростка	—	—	20,5	23,4	—	—	19,7	18,6
Расстояние от заднего края альвеолы M_2 до нижнечелюстного отверстия	7,8	7,7	8,3	9,1	—	8,3	7,8	7,0

* 1—8 — нумерации образцов.

Таблица 14

Промеры некоторых трубчатых костей светлого хорька из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Плечевая	Локтевая	Большая берцовая
Длина кости	45,9 43,5 44,9	48,6	50,6 50,3
Ширина верхнего эпифиза	—	—	9,4 9,7
» (наименьшая) диафиза	3,8 3,3 3,7	—	3,4 3,0
» нижнего эпифиза	13,2 12,3 12,4	—	7,2 7,2
Переднезадний диаметр локтевого отростка	—	7,9	—

вая ветвь нижней челюсти, имеющая два искусственно проделанных отверстия в центральной части венечного отростка. Причем отверстия выполнены продавливанием тонкой (порядка 0,4 мм) стенки отростка с помощью, очевидно, острого металлического предмета типа шила. Верхнее отверстие (согласно естественного положения кости) проколото с латеральной стороны, два нижних отверстия, слившихся между собой, — с медиальной. Следов дополнительной обработки этих отверстий и нижней челюсти вообще не заметно. По всей вероятности, эту соболиную челюсть намеревались использовать в качестве подвески.

Голоценовый соболь, судя по размерам уцелевшей части его черепа и нижней челюсти, заметно мельче позднплейстоценового. Альвеолярная длина зубного ряда нижней челюсти первого равна 26,7 мм, при высоте тела кости перед хищническим зубом 7,4 мм. Аналогичные промеры на плейстоценовом образце составляют соответственно 32,5 и 9,3 мм. Зубы у плейстоценового соболя тоже выглядят более массивными (длина M_1 и ширина его талонида для плейстоценового соболя равны 10,8 и 4,0 мм, для голоценового — соответственно 8,6 и 3,3 мм).

Особенно поражают размеры плечевых и бедренных костей плейстоценовых соболей. Они намного превосходят таковые и голоценовых зверьков из ряда других исследований нами карстовых полостей Приенисейской Сибири и современных представителей этого вида (табл. 15), располагаясь в ряду кунных между крупными соболями и дальневосточной куницей — харзой. До накопления до-

Таблица 15
Размеры некоторых трубчатых костей *Martes* sp. и соболя (*Martes zibellina*) из Айдашинской пещеры в сравнении с аналогичными голоценовым и рецетным сибирским материалом, мм

Кость	Признак	<i>Martes</i> sp.		Современный материал, по Терновскому (1977) * n-12
		Айдашинская пещера плейстоцен (?)	Иные пещеры Средней и Восточной Сибири, голоцен n-15	
Плечевая	Длина кости	82,0 —	56,3—67,7(63,5)	59—72
	Ширина диафиза	5,7 5,4	3,7—5,0(4,0)	—
	» нижнего эпифиза	17,4 —	11,7—14,2(12,9)	—
Бедренная	Длина кости	90,7 —	62,3—73,8(68,3)	66—80
	Ширина диафиза	6,2 6,4	4,1—6,0(48,3)	—
	» нижнего эпифиза	16,7 —	10,7—13,4(11,8)	—
Большая берцовая	Длина кости	—	65,4—83,8(73,0)	71—86
	Ширина диафиза	—	2,9—5,1(4,1)	—
	» нижнего эпифиза	—	5,7—10,4(8,5)	—

* Терновский Д. В. Биология куницеобразных. Новосибирск, 1977, табл. 8

полнительного материала и его специальной обработки мы не имеем возможности отнести данные остатки крупной формы куницеобразного из Айдашинской пещеры к конкретному из известных видов этого подсемейства и потому именуем предварительно данную находку как *Martes* sp.

Вместе с тем пока нет основания говорить о процессе измельчания соболей от плейстоцена к голоцену и к современности, поскольку среди позднеплейстоценовых остатков соболей из Айдашинской пещеры мы видим и такие (голень, локтевая), которые морфологически не выходят за пределы изменчивости костей данного вида, наблюдаемой на субфосильном и рецентном материале.

Барсук (*Meles meles* L.). Кости этого животного, ведущего преимущественно ночной и норный образ жизни, довольно часто встречаются в пещерах Сибири, притом не только вертикальных. Они отмечены нами для Алтае-Саянской горной области в 25 карстовых полостях.

В сборах ачинских спелеологов, проводивших исследование Айдашинской пещеры, нами определено 86 костей барсуков. По степени фоссидизации костного вещества можно с уверенностью говорить, что барсуки гибли в пещере не только в голоценовое время, но и раньше — в эпоху позднего плейстоцена. Совсем «свежих» остатков барсуков в коллекции не оказалось. Исходя из имеющегося материала, минимальное число барсуков, зарегистрированное для плейстоцена, равно 16 (по возрастным стадиям: 6 *adultus*, 5 *subadultus* и 5 *juvenis*). В голоценовое время в пещере нашли смерть 5 барсуков (1 *adultus*, 3 *subadultus* и 1 *juvenis*). Разумеется, эти данные неполные, так как часть материала погибла для науки, поскольку не были опубликованы подробные результаты предыдущих раскопок.

В коллекции имеется один сравнительно полностью сохранившийся осевой череп взрослого барсука (отсутствуют правая скуловая дуга, межчелюстная кость и несколько премоляров). Основные размеры его следующие (мм): длина ряда коренных зубов 30, длина и ширина M_1 — 13,9 и 10,2, заглазничная ширина — 21; высота на уровне заднего края M_1 — 31. Промеры нижних челюстей и некоторых костей посткраниального скелета барсуков см. табл. 16 и 17.

Косуля (*Capreolus capreolus* L.) оказалась единственным видом диких копытных, представленным в кост-

Таблица 16
Промеры позднеплейстоценовых нижних челюстей барсука из Айдашинской пещеры, мм *

Признак	1**	2	3	4	5	6	Крайние	Среднее значение
Общая длина	—	79,0	77,5	—	60,3	—	77,5—79,0	78,2
Длина тела кости	58,8	65,0	62,8	—	63,2	—	58,8—65,0	62,0
» альвеолярного ряда коренных зубов	38,1	38,3	37,3	35,5	36,1	38,9	35,9—38,9	38,4
То же, моляров	21,3	20,9	20,5	19,5	20,0	20,1	19,5—21,3	20,6
Длина основания восходящей ветви	—	30,2	28,2	—	—	—	28,2—30,2	30,0
Высота тела кости позади M_2	15,9	19,5	17,5	17,2	18,8	18,5	15,9—19,5	17,9
Длина нижнего хищнического зуба	16,2	15,9	16,1	15,0	16,0	—	15,0—16,2	15,8

* Способы промеров взяты из: Палеер К. Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллин, 1965, с. 145.

** 1—6 — нумерации образцов в коллекции барсучьих остатков.

Таблица 17
Основные размеры трубчатых костей барсука из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Ведренная	Большая берцовая	Плечевая	Локтевая	Лучевая
Длина кости	142,5	99,5	95,5	102,5	83,0
Ширина диафиза	11,2	7,2	11,2	—	6,4
» нижнего эпифиза	25,0	19,0	28,0	—	—
Переднезадний диаметр локтевого отростка	—	—	—	14,5	—
				12,3	13,8

Размеры трубчатых костей косули из Айдашинской пещеры, мм

Признак	Плечевая (n-1)	Лучевая (n-2)	Пястная (n-2)	Бедренная (n-2)	Большая берцовая (n-1)	Плюсневая (n-2)
Длина кости	184,5	205,5 215,5	207,0 220,0	231,0 241,0	295,5	231,0 236,0
Ширина верхнего эпифиза	—	29,5 34,0	26,0 28,0	— 48,0	48,0	23,5 —
» диафиза в середине кости	17,0	19,0 20,4	15,3 16,2	18,0 18,0	20,0	14,0 —
» нижнего эпифиза	35,5	29,0 32,5	26,0 27,0	45,5 48,5	33,0	26,5 26,5

ных остатках Айдашинской коллекции. В других местах проявления приповерхностного и глубинного карста остатки этого парнокопытного нередко встречаются в довольно большом количестве (например, в аналогичной пещере Ловушка близ Красноярска найдены остатки 21 косули). Айдашинская пещера в этом отношении значительно беднее: 56 костей от двух взрослых и одной молодой косули. По сохранности кости косуль не выглядят свежими. Большинство их по меньшей мере среднеголоценовые, окрашенные в желтовато-серый и желтовато-бурый цвета.

Сохранившиеся обломки двух черепов косуль дают возможность получить только длину верхнего ряда зубов (71,5 мм при длине M_1-M_3 , равной 39 мм). Все нижние челюсти сильно разрушены. Размеры трубчатых костей взрослых косуль приведены в табл. 18.

Основные заплюсневые кости косуль из Айдашинской пещеры имеют следующие размеры: длина и ширина таранных — 36,7 и 21; 37,7 и 24,5; 34 и 20,4 мм. Длина каждой из трех пяточных костей 77,8; 79,3 и 80,2 мм.

Птицы (*Aves*). Коллекция остатков птиц состоит из 192 сравнительно целых костей, среди которых 4 ло-

патки, 14 коракоидов, 44 плечевых, 33 лучевых, 11 пястных, 17 бедренных, 6 плюсневых, 19 цевок, 44 обломка черепов, тазовых костей и грудин.

Такое большое количество остатков птиц (5,3% от общего количества собранных в Айдашинской пещере костей) нечасто удается встречать в вертикальных полостях. Из 70 осмотренных нами по югу Сибири карстовых полостей только в одной пещере Караулинская-1 близ Красноярска было найдено примерно такое же число птичьих остатков голоценовой сохранности. Палеозоологи обычно трактуют такого рода скопления костей птиц как результат пищевой деятельности сов.

На основании имеющейся в нашем распоряжении небольшой сравнительно-osteологической коллекции в настоящее время удалось определить среди айдашинского материала, да и то не всегда до видового ранга, единичные кости вороны (*Corvus cf. cornix*), дятла (*Dendrocopus cf. major*), дрозда (*Turdus* sp.), тетерева (*Lyrurus tetrix*), глухаря (*Tetrao urogallus*), крупной совы типа уральской неясыти (*Strix cf. uralensis*).

* * *

Исследование рыхлых нестратифицированных отложений Айдашинской пещеры еще не закончено, но уже сейчас на основании собранного палеофаунистического материала можно с уверенностью говорить, что накопление костных остатков позвоночных началось здесь в позднем плейстоцене, примерно 12—15 тыс. лет назад. Единственным свидетельством этого пока является степень фоссилизации костного вещества некоторых образцов остеологической коллекции. К сожалению, мы не располагаем пока ни радиоуглеродными датами, указывающими на возраст наиболее древних образцов, ни остатками млекопитающих, заведомо вымерших на территории Северной Евразии к началу голоцена, чтобы подтвердить ими плейстоценовый возраст начального этапа формирования айдашинского тафоценоза.

В своих истоках процесс образования тафоценоза шел в Айдашинской пещере под влиянием только естественных, этологических факторов и по своей интенсивности, пожалуй, не уступал таковому, происходившему в других аналогичного строения карстовых полостей Средней Сибири.

Со второй половины голоцена накопление костей животных в пещере активизировалось за счет антропогенного фактора. Магические обряды внесли некоторое разнообразие в видовой состав природного айдашинского тафоценоза. Именно культовым церемониям, навсегда скрытым от нас завесой тысячелетий, обязано скопление в пещере остатков (особенно астрагалов) мелкого рогатого скота, отдельных костей коров, и, по-видимому, частей скелетов собак.

Вопрос о человеческих жертвоприношениях в данном случае остается открытым, ибо имеющийся фактический материал (фрагменты скелетов двух людей) могут быть истолкованы по-разному.

Видовой «спектр» диких млекопитающих и отчасти птиц, установленный по костным остаткам, в некоторой степени отражает природную обстановку голоценовой эпохи северных предгорий хребта Арга. Относительное обилие в списке видов териофауны тафоценоза представителей лесостепных биотопов свидетельствует, что в прошлом здесь существовали ландшафты более открытого типа, чем сейчас. Увеличение плотности лесных участков во второй половине голоцена отрицательно повлияло на численность обычного ранее по среднегорью Приенисейской Сибири серого сурка и привело в конце концов к его полному исчезновению.

Интенсивное занятие скотоводством и отчасти охотой кочевого и полукочевого населения тоже неблагоприятно сказывалось на составе и численности некоторых промысловых животных, в частности бобра, исчезнувшего в Причумбылье несколько сотен лет назад.

Кости диких животных, собранные в Айдашинской пещере, лишь в редком случае можно считать продуктом культовых обрядов. Это прежде всего черепные остатки двух взрослых медведей, бобра и соболя. Однако религиозные жертвоприношения подземным духам остатков охотничье-промысловых животных, очевидно, могли проявляться в более широком видовом составе зверей, поскольку скотоводы-степняки во все времена были хорошими охотниками, вооруженными главным образом луком и стрелами, что убедительно доказывается археологическим материалом Айдашинской пещеры.

К решению вопроса о связи остатков млекопитающих в пещерах с деятельностью человека исследователи не-

редко подходят односторонне и даже тенденциозно. Специальной работы, где бы был проведен сравнительный анализ разнородных по происхождению скоплений остатков позвоночных в пещерах с этнографическим и биологическим обоснованием выводов, пока нет.

Примером «чистого», образованного под влиянием только ритуальной деятельности человека скопления остатков диких животных в пещере может служить тафоценоз известного на Кавказе грота Дигоризед, где наряду с черепами домашних овец и коз было найдено большое количество краниологических остатков диких свиней, серн, дагестанских козлов, зубров, косуль, маралов и лосей²⁷.

Состав остеологического материала святилищ, подобного Дигоризедскому, характерен наличием именно черепов и рогов животных. Однако такого рода пещерный тафоценоз — большая редкость, и исследователю зачастую приходится иметь дело с палеофаунистическим материалом разнородного происхождения. В силу этого, на наш взгляд, археологи и палеотертологи нередко допускают грубую ошибку, относя все встречающиеся в культурных слоях и на поверхности грунта пещерных памятников (в том числе и святилищ) костные остатки промысловых млекопитающих к разряду охотничьих трофеев человека²⁸.

Изучая массовый палеофаунистический материал из горизонтальных пещер-святилищ, накапливающийся естественным путем и при участии древнего человека, полезно при выяснении источников его образования вести повидовой подсчет особей отдельно по черепным остаткам и по фрагментам посткраниального скелета животных. При этом необходимо помнить, что четвероногие хищники (гиены, волки, росомахи), наведывавшиеся в пещеры и иногда устраивавшие там логово, могли заносить внутрь подземелий редко поедаемые на месте добычи головы своих жертв, как это, по-видимому, делали с черепами носорогов, лошадей, бизонов и других крупных зверей пещерные гиены в позднем плейстоцене.

Данные высказывания, хотя и выходят за пределы обсуждения проблемы формирования тафоценозов вертикальных полостей, к каковым относится Айдашинская пещера, тем не менее могут быть полезны при всестороннем анализе материалов пещерных памятников более доступного для человека и четвероногих зверей строения.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Каргаполов Д. С.* Пещера близ Ачинска.— Изв. ВСОРГО, 1889, т. 20, с. 34.

² ОАК за 1897 г. Спб., 1900; ОАК за 1898 г. Спб., 1901.

³ *Чернецов В. Н.* Бронза усть-полуйского времени.— МИА, М., 1953, № 35, с. 173; *Членова Н. Л.* Скифский олень.— Там же, 1962, № 115, с. 201, табл. III, 3; *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писаниц. М., 1972, с. 225, рис. а. *Мартынов А. И.* Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1973, вып. IV, с. 23—26.

⁴ *Молодин В., Гричан Ю.* Айдашинский клад.— За науку в Сибири, 1974, 18 окт.; *Молодин В. И., Равнушкин В. П.* Новые находки кулайского облика из Айдашинской пещеры.— В кн.: *Ранний железный век Западной Сибири.* Томск, 1978, с. 43—50; *Молодин В. И.* Некоторые находки вещей I тыс. н. э. из Айдашинской пещеры.— В кн.: *Этнокультурные явления в Западной Сибири.* Томск, 1978, с. 70—80; *Молодин В. И., Мартынов Н. И., Бобров В. В.* и др. Работы западносибирского отряда Северо-Азиатской экспедиции.— В кн.: *АО 1977 года.* М., 1978, с. 262—263.

⁵ Наука и человечество. М., 1975.

⁶ *Латышев В.* Айдашинское урочище.— Енисей, Красноярск, 1976, № 4, с. 81—84; *Юдин Ю.* Находки в «Девичьей яме».— Труд, 1978, 2 февр.; и др.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЙДАШИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

¹ Московские ведомости, 1899, № 158, 11 июня.

² *Архив ЛОИА,* ф. 1, д. 140, л. 6.

³ *Проскуряков П.* Отчет о предварительных исследованиях Июских пещер.— Изв. ВСОРГО, 1890, т. 21, № 4; *Он же.* К материалам постплиоценовой эпохи в окрестностях Красноярска. Торганская пещера.— В кн.: *Отчет общества врачей Енисейской губернии за 1892—1893 годы.* Красноярск, 1893.

⁴ *Вадеевская Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1973, вып. 6, с. 113.

⁵ *Архив ЛОИА,* ф. 1, д. 75, л. 13.

⁶ Там же, л. 15.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ *Кастере Н.* Полвека под землей. М., 1975, с. 8, 10.

¹¹ *Чесмочаков Г.* Ачинск. Красноярск, 1976, с. 73—76.

¹² *Каргаполов Д. С.* Пещера близ Ачинска.— Изв. ВСОРГО, 1889, т. 20.

¹³ *Архив ЛОИА,* ф. 1, д. 187, л. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 8.

¹⁶ Там же, л. 22, 23.

¹⁷ Там же, д. 43, л. 33.

¹⁸ Там же, л. 34.

¹⁹ Там же, л. 39.

²⁰ Там же, л. 4.

²¹ Там же, ф. 1, д. 75, л. 35.

²² ОАК за 1897 г., Спб., 1900, с. 53, рис. 146, 147, 149.

²³ ОАК за 1898 г., Спб., 1901, с. 138, рис. 280.

²⁴ *Спицын А. А.* Шаманские изображения.— Зап. Рус. археол. об-ва, Спб., 1906, вып. VIII, рис. 49, 381.

²⁵ *Ермолаев А.* Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, с. 17.

²⁶ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II.— МИА, М.—Л., 1950, № 18; *Он же.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III.— Там же, 1955, № 43; *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья.— Там же, 1953, № 35.

²⁷ *Киселев С. В.* Тагарская культура.— Тр. Секции археол. РАНИОН, 1928, т. IV, с. 265, рис. 34, 47.

²⁸ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 398.

²⁹ *Комарова М. Н.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, М., 1952, № 24, с. 49.

³⁰ *Чернецов В. Н.* Бронза усть-полуйского времени.— МИА, М., 1953, № 35, с. 173.

³¹ Там же, с. 171—173.

³² *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья.— МИА, М., 1953, № 35, с. 256.

³³ *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, М., 1956, № 48, с. 136.

³⁴ *Ураев Р. А.* Кулайская культура Среднего Приобья.— Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959, с. 22.

³⁵ *Членова Н. Л.* Скифский олень.— МИА, М., 1962, № 115, табл. III, 3.

³⁶ *Бобров В. В.* Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973.

³⁷ *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

³⁸ *Кулемзин А. М.* История вооружения и военного дела племен тагарской культуры. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973, с. 23.

³⁹ *Мартынов А. И.* Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1973, вып. VI, с. 26.

⁴⁰ *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 145—146.

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ АЙДАШИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

¹ См., например: *Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М.* Шестаковские курганы. Кемерово, 1971, с. 27, рис. II, 7, 8.

² *Матющенко В. И.* Яйский неолитический могильник.— В кн.: Сборник научных работ исторических кафедр. Томск, 1963, с. 102, табл. II, 9; *Он же.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. I.— Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 9, с. 70; *Бородкин Ю. М.* Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васьяковского могильника.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1976, вып. 7, с. 99—109.

³ *Бородкин Ю. М.* Неолитические памятники Кемеровской области.— В кн.: Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Томск, 1972, с. 23.

⁴ *Матющенко В. И.* Древняя история населения..., рис. 17, 2.

⁵ *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писаниц. М., 1972, с. 64; *Вяткина К. В.* Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения.— МАЭ, Л., 1949, т. XII, с. 475, 479, табл. VI, 71, с. 474, табл. IV, 65.

⁶ *Студзицкая С. В.* Искусство енисейских племен в эпоху неолита и ранней бронзы.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 185, рис. 1—8.

⁷ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. Автореф. докт. дис. М., 1970, с. 50; *Студзицкая С. В.* Искусство енисейских племен..., с. 192.

⁸ *Бородкин Ю. М.* Материалы неолитического погребения у с. Васьякова.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1967, вып. 1, с. 104—107; *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977, с. 106, табл. XIX, 2.

⁹ *Sawencof I. T.* Sur le restes de l' époque neolitizique—Congres intern. d' archeologie et antropologie. II-me session a Moskou. М., 1893, р. 323—330.

¹⁰ *Хороших П. П.* Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске.— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 90, рис. 8; *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974, с. 156, рис. 3.

¹¹ *Окладников А. П., Молодин В. И.* Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия).— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 19—21.

¹² *Теплоухов С. А.* Опыт классификации металлических культур Минусинского края.— МАЭ, Л., 1929, т. IV, вып. 2; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Грязнов М. П.* Тагарская культура.— В кн.: История Сибири, т. 1. Л., 1968; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

¹³ *Мартынов А. И.* История лесостепных тагарских племен в IV—I вв. до н. э. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1975; *Он же.* Хронология и периодизация памятников лесостепной тагарской культуры.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1976, вып. 7, с. 3—29.

¹⁴ *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, М.—Л., 1956, № 48.

¹⁵ *Комарова М. Н.* Томский могильник — памятник древней истории лесных племен Западной Сибири.— МИА, М., 1952, № 24, с. 46.

¹⁶ *Гриневич К. Э.* Археологическое исследование урочища Басандайка близ г. Томска.— В кн.: Басандайка. Томск, 1948; *Он же.* Опыт классификации и датировки басандайской керамики.— Там же.

¹⁷ *Плетнева Л. М.* Томское Приобье в конце VIII—III в. до н. э. Томск, 1977.

¹⁸ *Плетнева Л. М.* Тагарский элемент в памятниках Томского Приобья.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, с. 177—178; *Могильников В. А.* Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1964, с. 8; *Он же.* Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969, с. 138; *Он же.* К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.— Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 7; *Мартынов А. И.* Роль тагарской культуры и ее населения в формировании народов Сибири и их культуры.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, с. 173—174.

¹⁹ *Матющенко В. И., Сыркина Л. М.* О новых находках эпохи раннего железа в Томско-Чулымском Приобье.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 149—150.

²⁰ *Окладников А. П.* Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в Ленской тайге).— Проблемы археологии, Л., 1978, вып. 2, с. 101—109.

²¹ *Мяков И. М.* Находки на г. Кулайке.— Труды Томского краевед. музея, Томск, 1927, т. 1; *Он же.* Древности Нарымского края.— Там же, 1929, т. II.

²² Там же.

²³ *Tallgren A. M.* Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen in Nationalmuseum Finnlands.—Eurasia septentrionalis antiqua. III, 1928.

²⁴ *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 133—146; *Плетнева Л. М.* Памятники кулайского типа в Томском Приобье.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 164—171; *Троицкая Т. Н.* О культурной принадлежности могильника Каменный Мыс.— Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 7, с. 152—160; *Она же.* Вооружение населения Новосибирского Приобья в конце I тыс. до н. э.— СА, 1974, № 3; *Она же.* Южные элементы в кулайской культуре.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1976, вып. 7, с. 60—67; и др.

²⁵ См. также: *Троицкая Т. Н.* Развитие скотоводства у племен Новосибирского Приобья в I тыс. до н. э.— V в. н. э.— Из истории Сибири, Томск, 1976, вып. 21, с. 160; *Чиндина Л. М.* О кулайской культуре.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 68.

²⁶ *Плетнева Л. М.* Некоторые вопросы культуры и культурных связей населения Томского Приобья в конце I тыс. до н. э.— начале н. э.— Из истории Сибири, Томск, 1975, вып. 16; *Бобров В. В.* Кулайские элементы в тагарской культуре.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 33—42.

- ²⁷ Чиндина Л. М. О кулайской культуре, с. 68; Она же. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа.— Из истории Сибири, Томск, 1973, вып. 7, с. 161—172.
- ²⁸ Мошинская В. И. Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тыс. до н. э.— В кн.: История Сибири, т. 1. Л., 1968, с. 241.
- ²⁹ Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888 (ссылка по: Мягков И. М. Древности Нарымского края. Томск, 1929, с. 63).
- ³⁰ Ермолаев А. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914.
- ³¹ Мягков И. М. Древности Нарымского края, с. 63, табл. III, 9; Плетнева Л. М. Памятники кулайского типа в Томском Приобье, с. 165; Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья, рис. 49, 19.
- ³² ОАК за 1896 г., Спб., 1898, с. 138, рис. 483, 6; Троицкая Т. Н. Вооружение населения Новосибирского Приобья..., с. 49, рис. 3.
- ³³ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени.— МИА, М., 1953, № 35, с. 152, табл. XI, 1—4; Heikel A. O. Antiquités de la Sibirie Occidentale. Helsingfors, 1894, tabl. XIV, 6; tabl. IV, 12; Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири.— МИА, М., 1972, № 153, с. 97, рис. 6, 5; Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— Там же, 1952, № 30, табл. II, 5.
- ³⁴ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 171, табл. XXIV, 4.
- ³⁵ Там же, с. 127.
- ³⁶ Мягков И. М. Древности Нарымского края.— Труды Томск. краевед. музея, Томск, 1929, т. 2, с. 54, 63.
- ³⁷ Aspelin I. R. Aqtiquites du Nord Finno-Ougrienne. Helsinki, 1877.
- ³⁸ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 136, табл. V, 2—4.
- ³⁹ Там же, табл. XXIV, 5.
- ⁴⁰ Там же, табл. IV, 7.
- ⁴¹ Там же, табл. IV, 11, с. 135.
- ⁴² Троицкая Т. Н. Работы Колыванского отряда.— Из истории Сибири, Томск, 1974, вып. 15, с. 106.
- ⁴³ Мягков И. М. Древности Нарымского края, табл. II, 6, 16.
- ⁴⁴ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, табл. XIII, XIV, XIX, XX.
- ⁴⁵ Там же, табл. I, 2, 3; Ермолаев А. Ишимская коллекция, с. 3, табл. I, 4.
- ⁴⁶ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 156, табл. XVII.
- ⁴⁷ Мягков И. М. Древности Нарымского края, табл. II, 2.
- ⁴⁸ Спицын А. А. Гляденовское кострище.— Зап. Отдела русской и славянской археологии Рус. археол. об-ва, Спб., 1901, т. XII, вып. 5, табл. IV, 22; Tallgren A. M. Collection Toyostine, Helsingfors, 1917, tabl. X, 22.
- ⁴⁹ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, табл. IV, 8.
- ⁵⁰ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., табл. 29, 2 и др.
- ⁵¹ Мартинов А. И. Материалы раскопок тагарских курганов у с. Некрасово.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1973, вып. VI, с. 260, рис. 84, II, 12.

- ⁵² Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 131, табл. IV, 3, 4, 8; с. 136, табл. V, 1—4.
- ⁵³ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., рис. 28, 20, 21, 24; рис. 30, 20—24.
- ⁵⁴ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 171.
- ⁵⁵ Кулемзин А. М. История вооружения и военного дела племен тагарской культуры. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973, с. 23.
- ⁵⁶ Мягков И. М. Древности Нарымского края, табл. II, 5.
- ⁵⁷ Чиндина Л. А. Антропоморфные изображения как источник по истории племен Приобья.— В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска, т. 2. Томск, 1968, с. 199.
- ⁵⁸ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 147, табл. IX, 3.
- ⁵⁹ Мягков И. М. Древности Нарымского края, табл. III, 6.
- ⁶⁰ Чиндина Л. А. Древние личины из Васюганья.— СА, 1971, № 4, 234, рис. 2—5.
- ⁶¹ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 155, табл. XIII, 2.
- ⁶² Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, табл. IV, 9.
- ⁶³ Ермолаев А. Ишимская коллекция.
- ⁶⁴ Мягков И. М. Древности Нарымского края, табл. III.
- ⁶⁵ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 155, табл. XIII, 1, 2; с. 157, табл. XIV, 4; табл. XIII, 3.
- ⁶⁶ Мягков И. М. Древности Нарымского края, табл. II, 6, 16; Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, табл. XIII, XIV, XIX, XX.
- ⁶⁷ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I.— САИ, Д 3—9. М.—Л., 1962, табл. VII, 4.
- ⁶⁸ Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э., табл. 39, 10, 11; табл. 48, 3—7; табл. 49, 6; Манцевич А. П. Находка в запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I).— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, рис. 1; Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I, табл. VII, 3, 4; табл. IX, 3, 5 и др.
- ⁶⁹ Артамонов М. И. Сокровища саков, с. 184.
- ⁷⁰ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Урала.— САИ, Д 1—9, 1963; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
- ⁷¹ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I, с. 32, рис. 35, 36.
- ⁷² Членова Н. Л. Скифский олень.— МИА, М., 1961, № 115, табл. III, 3; Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1973, вып. VI, с. 5—89.
- ⁷³ Членова Н. Л. Скифский олень, с. 170—172; Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973; Он же. Художественные и стилистические особенности в скифо-сибирском искусстве звериного стиля.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1976, вып. 7.
- ⁷⁴ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., рис. 27, 9.
- ⁷⁵ Членова Н. Л. Скифский олень.
- ⁷⁶ Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля.

- ⁷⁷ Членова Н. Л. Скифский олень, 1962, с. 185.
- ⁷⁸ Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, с. 70.
- ⁷⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 267—270; Членова Н. Л. Скифский олень; Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля; *Он же*. Художественные и стилистические особенности...; Трифонов Ю. И. О сюжете оленя в скифо-сибирском искусстве (в связи с вопросом о классификации тагарских «оленных» блях).— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975, с. 70—72.
- ⁸⁰ Членова Н. Л. Скифский олень, с. 185.
- ⁸¹ Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2, с. 64—84; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, табл. XXVIII, 6, 7; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 223; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 244—248; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 118—119; Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965, табл. XV; Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, рис. 3—6. Грязнов М. П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан.— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана, с. 6.
- ⁸² Плетнева Л. М. Томское Приобье..., рис. 12, 3.
- ⁸³ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., табл. 27—36.
- ⁸⁴ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., рис. 27, 6; Матюценко В. И., Сыркина Л. М. О новых находках эпохи раннего железа в Томско-Чулымском Приобье.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 4—5.
- ⁸⁵ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., с. 68.
- ⁸⁶ Матюценко В. И., Сыркина Л. М. О новых находках..., с. 150;
- ⁸⁷ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., с. 37.
- ⁸⁸ Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля.— МИА, М., 1971, № 177, с. 28, 29; *Он же*. Сокровища саков, с. 222.
- ⁸⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 247; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 134.
- ⁹⁰ Артамонов М. И. Сокровища саков, с. 222.
- ⁹¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 247.
- ⁹² Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 135.
- ⁹³ Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника..., с. 83, рис. 9, 4.
- ⁹⁴ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. XIII, 5, 6.
- ⁹⁵ Дэлет М. А. О происхождении минусинских ажурных поясных пластин.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, рис. 1.
- ⁹⁶ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, с. 172, рис. 87, 6, 2—ж; Бобров В. В. Алтайские мотивы в тагарском зверином стиле.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1970, вып. 2, с. 109—113.
- ⁹⁷ Ермолаев А. Ишимская коллекция, табл. V, 2.
- ⁹⁸ Дэлет М. А. О происхождении..., рис. 6.
- ⁹⁹ Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах.— СА, 1971, № 1, с. 93—105; *Нашекин Н. В.* Косогольский клад.— АО, 1966 г., М., 1967, с. 163—165; Бобров В. В. Бронзовая поясная пластина из тагарского кургана (в печати).
- ¹⁰⁰ Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах, с. 94; Артамонов М. И. Композиция с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве.— СА, 1971, № 1, с. 88; Дэлет М. А. О происхождении..., с. 225.
- ¹⁰¹ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960, рис. 7, 3, 12.
- ¹⁰² Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., табл. 8, 5; табл. 25, 15, 16.
- ¹⁰³ Там же, табл. 34—37.
- ¹⁰⁴ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., рис. 26, 3; рис. 28, 16; рис. 27, 14; рис. 22, 7.
- ¹⁰⁵ Мартынов А. И. К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири во II—I вв. до н. э. (в печати).
- ¹⁰⁶ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 143.
- ¹⁰⁷ Бобров В. В. О назначении тагарских «оленных» бляшек.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1974, вып. 5, рис. 4, 4.
- ¹⁰⁸ Вишневская О. А. Культура сакских племен..., табл. XXVII, 3.
- ¹⁰⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 143.
- ¹¹⁰ Мартынов А. И. К вопросу о послетагарском искусстве...
- ¹¹¹ Черников С. С. Загадка Золотого кургана, рис. 8, 1, табл. XIII.
- ¹¹² Ермолаев А. Ишимская коллекция, табл. V, 1.
- ¹¹³ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха, с. 93.
- ¹¹⁴ Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки..., с. 49, рис. 32.
- ¹¹⁵ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха, с. 80, рис. 28, 8, 10, 11; с. 115.
- ¹¹⁶ Там же, табл. 4, 74.
- ¹¹⁷ Там же, табл. 4, 108, 176.
- ¹¹⁸ Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II—I вв. до н. э. (тесинский этап). Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 17.
- ¹¹⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 466.
- ¹²⁰ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., с. 80, рис. 29, 1.
- ¹²¹ Завитухина М. П. Ордынские курганы V—IV вв. до н. э.— АСГЭ, Л., 1968, вып. 10, рис. 3—10, с. 33.
- ¹²² Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., табл. 27, 21, 22; *Она же*. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, рис. 1, 6, 7.
- ¹²³ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., гл. I, (раздел «Тагарские бронзовые котлы»).
- ¹²⁴ Там же, с. 96—97. О находке котлов в Кемеровской области см.: Кулемзин А. М. Новые памятники в Кемеровской области.— АО, 1976 г. М., 1977, с. 212.
- ¹²⁵ Ураев Р. А. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области».— Труды ТОКМ, 1956, т. V, с. 332.
- ¹²⁶ Сосновский Г. П. Заметка об одной археологической находке.— Этногр. бюл. ВСОРГО, Иркутск, 1923, № 3, с. 18; *Окладников А. П.* История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955, с. 177; Рыбьлон Э. Р., Хороших П. П. Коллекция бронзовых котлов Ир-

кутского музея.— СА, 1959, № 1, с. 255; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 97.

¹²⁷ Там же, с. 97.

¹²⁸ Левашова В. П., Рыгдылон Э. Р. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее.— КСИИМК, 1952, вып. 43, с. 132—137.

¹²⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 94.

¹³⁰ Там же, с. 14.

¹³¹ Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 306.

¹³² Кулемзин А. М. История вооружения..., с. 11; *Он же.* Об эволюции тагарских кинжалов.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1974, вып. 5, с. 34.

¹³³ Хазанов А. М. Сарматские мечи с кольцевым навершием.— СА, 1967, № 2, с. 176.

¹³⁴ Кулемзин А. М. Об эволюции тагарских кинжалов, с. 33—34.

¹³⁵ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 208, 209, табл. Е; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 184—185; Грязнов М. П. Тагарская культура.— В кн.: История Сибири, т. 1. Л., 1968, с. 191; Мартынов А. И. Ягуня. Кемерово, 1973, с. 193.

¹³⁶ Бобров В. В. Тагарский курган на оз. Утинка (в печати).

¹³⁷ Пишеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея..., с. 21; *Она же.* Третий тип памятников тесинского этапа.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 3, 11, 13; Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы, рис. 11—18.

¹³⁸ Дэвлет М. А. О происхождении..., с. 224; *Она же.* Сибирские решетчатые бронзовые пластины.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 150—155.

¹³⁹ Артамонов М. И. Сокровища саков, с. 162.

¹⁴⁰ Дэвлет М. А. О происхождении..., с. 225—226.

¹⁴¹ Там же, с. 226; Руденко С. И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.— Л., 1962, с. 76.

¹⁴² Нащекин Н. В. Косогольский клад, с. 163—165.

¹⁴³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.

¹⁴⁴ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 81—86.

¹⁴⁵ Мартынов А. И. К вопросу о культе солнца, огня и растительных сил природы у людей тагарской культуры.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1974, вып. 5, с. 3—5.

¹⁴⁶ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 86—87.

¹⁴⁷ Там же, с. 88.

¹⁴⁸ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 281, табл. 3; Мартынов А. И. Хронология и периодизация памятников лесостепной тагарской культуры.— Изв. ЛАИ, Кемерово, 1976, вып. 7, с. 16.

¹⁴⁹ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. Л., 1975.

¹⁵⁰ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 460, табл. XXXII, рис. 2.

¹⁵¹ Плетнева Л. М. Томское Приобье..., рис. 26, 20.

¹⁵² Рыгдылон Э. Р. «Новая пещера» на среднем Енисее.— КСИИМК, 1952, вып. XVII, рис. 50, 3.

¹⁵³ Там же, с. 134.

¹⁵⁴ Архив кафедры археологии Кемеровского государственного университета.

¹⁵⁵ Пишеницына М. Н. Третий тип памятников..., с. 161; Нащекин Н. В. Косогольский клад, с. 163—165; Бобров В. В. Тагарский курган на оз. Утинка (в печати).

¹⁵⁶ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на средней Оби. Томск, 1977, с. 41.

¹⁵⁷ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха, с. 84.

¹⁵⁸ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры.— МИА, М., 1957, № 58, с. 136—245, с. 136.

¹⁵⁹ Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв.— МИА, М., 1951, № 22, с. 75; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— Там же, 1952, с. 195.

¹⁶⁰ История Сибири, т. 1. Л., 1968, с. 303.

¹⁶¹ Комарова М. Н. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, М., 1952, № 24, с. 7—50; Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1964.

¹⁶² Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на средней Оби.

¹⁶³ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 127—130.

¹⁶⁴ Там же, табл. III, 1, 2.

¹⁶⁵ ОАК за 1897 г. Спб., 1900, рис. 146.

¹⁶⁶ Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976, с. 187.

¹⁶⁷ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, табл. III, 8.

¹⁶⁸ Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых.— Материалы по археологии России, № 26; Спб., 1902; Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья..., ил. 29, а.

¹⁶⁹ Троицкая Т. Н. К вопросу о взаимосвязях населения Новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа.— Археология и этнография Башкирии, Уфа, 1971, т. IV, с. 95.

¹⁷⁰ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби, рис. 35, 1, 24, с. 79.

¹⁷¹ Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья..., рис. 29, а.

¹⁷² Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 128; табл. III, 3; Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш.— МИА, М., 1953, № 35, с. 219, табл. XVII, 3.

¹⁷³ Чернецов В. Н. Бронза усть-полууйского времени, с. 172, табл. XXIV, 7.

¹⁷⁴ Там же, с. 130—134.

¹⁷⁵ Там же, табл. IV, 2; табл. III, 6.

¹⁷⁶ Там же, табл. XXI, 6.

¹⁷⁷ См., например, указанные работы В. Н. Чернецова, В. А. Оборина и др.

- ¹⁷⁸ Молодин В. И., Нечепуренко Н. Я. и др. Раскопки могильника Кыштовка-1.— АО 1976 года. М., 1977, с. 226.
- ¹⁷⁹ Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя.— МИА, М., 1953, № 35, табл. XIV, 5.
- ¹⁸⁰ Чернецов В. Н. Бронза усть-полудийского времени, рис. 128, табл. III, 7.
- ¹⁸¹ ОАК за 1896 г. Спб., 1898, рис. 364.
- ¹⁸² Мягков И. М. Древности Нарымского края; табл. II, 4, 7—9; Ураев Р. А. Кривошеинский клад.— Тр. Томск. обл. краевед. музея, Томск, 1956, т. V, табл. III, 3; Могильников В. А. Находки из с. Пиковки.— СА, 1969, № 3, с. 255, рис. 1—2.
- ¹⁸³ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э., табл. XXIX; Чиндина Л. А. Могильник Рёлки на средней Оби, рис. 35.
- ¹⁸⁴ Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья....
- ¹⁸⁵ Смирнов А. П. Железный век Башкирии.— МИА, М., 1957, № 58, табл. V, 4, 5, с. 47; Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья...., рис. 37—42.
- ¹⁸⁶ Сидоров Е. А., Соболев В. И. Раскопки памятника Чулым-2.— АО 1976 г. М., 1977, с. 243.
- ¹⁸⁷ Комарова М. П. Томский могильник..., с. 47—49, рис. 27, 2, 3, 5, 9, 10.
- ¹⁸⁸ Там же, рис. 27, 17.
- ¹⁸⁹ Там же, с. 50.
- ¹⁹⁰ Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета.— СА, 1968, № 1.
- ¹⁹¹ Комарова М. П. Томский могильник..., рис. 27, 1.
- ¹⁹² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, М., 1961, № 101; Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, Д 1—4. М., 1964, Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. М., 1966; Кулемзин А. М. История вооружения..., Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2; Орехов А. А. Предварительная типология костяных наконечников Северо-Западного Берингоморья.— Краевед. зап., Магадан, 1977, № 1; и др.
- ¹⁹³ Кулемзин А. М. История вооружения..., с. 22; Он же. Тагарские костяные наконечники, рис. 21, 25—37; Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея..., с. 18. См. подробно в настоящей работе группы бесчерепковых наконечников стрел.
- ¹⁹⁴ Грязнов М. П. История древних племен..., табл. XXXIV, 1, 2.
- ¹⁹⁵ Троицкая Т. Н. Работы Кольванского отряда.— Из истории Сибири, Томск, 1974, вып. 15, рис. 5, з.
- ¹⁹⁶ Руденко С. И. Культура хуннов..., с. 26, рис. 22, е, ж; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976, табл. I, II.
- ¹⁹⁷ Окладников А. П. Скифы и тайга, рис. 3, 2—4.
- ¹⁹⁸ Пшеницына М. Н. Культура племен среднего Енисея..., с. 18.
- ¹⁹⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 205 и сл.
- ²⁰⁰ Кулемзин А. М. История вооружения..., с. 22; Пшеницына М. Н. Культура племен среднего Енисея..., с. 18.
- ²⁰¹ Кириллов И. И., Рязанский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973, с. 98.
- ²⁰² Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха, табл. 4, 68.
- ²⁰³ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье, табл. I, 12—16; табл. II, 17—19, 21—25, 27, 28; Дьяконова В. П. Большие курга-

ны — кладбища на могильнике Кокэль.— Труды ТКЭАИ, М.— Л., 1966, т. II, табл. III, 13, 29, 43, 44.

²⁰⁴ Гаурилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, рис. 3, 2; Грязнов М. П. История древних племен..., табл. XXXVIII, 15.

²⁰⁵ Уманский А. П. Могильник верхнеобской культуры..., рис. 1, 3, 4.

²⁰⁶ Комарова М. П. Томский могильник..., с. 42—49, рис. 27, 11, 20, 22, 26.

²⁰⁷ Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета, рис. 1—6. К сожалению, до настоящего времени материалы Елыкаевского клада полностью не опубликованы. Особенно тщательного типологического анализа требуют предметы вооружения. Материалы хранятся в МАЭС ТГУ, инв. № 5959.

²⁰⁸ См.: Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки..., рис. 33, 9, 11, 15.

²⁰⁹ Карцов В. Г. Описание коллекций и материалов музея. Красноярск, 1929, табл. IV, 47, 49.

²¹⁰ Худяков Ю. С. О вооружении таштыкского времени.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, рис. 2, 1.

²¹¹ Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— КСИИМК, 1956, вып. 64, с. 10—11;

²¹² Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов...; Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах..., рис. 2; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье.

²¹³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 433; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха, с. 87.

²¹⁴ Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации наконечников стрел Енисейских кыргызов IX—XII вв.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий, Новосибирск, 1975, табл. I, с. 311—314.

²¹⁵ Гаурилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. XXII, 3.

²¹⁶ Дьяконова В. П. Большие курганы кладбища на могильнике Кокэль, табл. I, 1—6, 18—24;

²¹⁷ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье, табл. II, 20.

²¹⁸ Мандельштам А. М. Шатровый могильник у оз. Нурз (о. Ольхон).— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, рис. 3, 1.

²¹⁹ Медведев А. Ф. Ручное метательное орудие. М., 1966, с. 55.

²²⁰ Чернецов В. Н. Бронза усть-полудийского времени, табл. XIII, XIV, XIX, XX.

Глава III

АЙДАШИНСКАЯ ПЕЩЕРА КАК КУЛЬТОВОЕ МЕСТО

¹ Руденко С. И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка.— МИА, М., 1960, № 79, с. 104—125; Окладников А. П., Оводов Н. Д. Новый памятник палеолита на Алтае с левалуазской техникой обработки камня.— В кн.: Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972, с. 3—6; Он же. Палеолитическая стоянка в

Денисовой пещере на Алтае. — АО 1977 года. М., 1978, с. 266—268.

² *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала. — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 56—71.

³ *Окладников А. П.* Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. — МИА, М. — Л., № 86, 1960, с. 9—71.

⁴ *Бадер О. Н.* Каповая пещера. М., 1965.

⁵ *Окладников А. П.* Центральное-Азиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972.

⁶ *Окладников А. П., Молодин В. И.* Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия). — В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 20.

⁷ *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища томских писаниц. М., 1972; *Окладников А. П., Молодин В. И.* Турочакская писаница.

⁸ *Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы реки Олэкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976, табл. 5, 1, 2; табл. 6, 2—4, 7—9, 15, 16, 18; *Мазин А. И.* Арбинская писаница и ее значение в датировке памятников наскальной живописи раннего железного века Верхнего Приамурья. — В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 44.

⁹ *Мартынов А. И.* Обь-Чулымская лесостепь в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1963; *Он же.* Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье. — В кн.: Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964, с. 227—245; *Бобров В. В.* Исследования в Кемеровской области. — АО 1975 года. М., 1976, с. 218—219; *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978, с. 6—9.

¹⁰ *Канивец В. И.* Канинская пещера. М., 1964, с. 49—82.

¹¹ *Толмачев В.* Древности Восточного Урала, т. 1. — Зап. Урал. об-ва любителей естествознания, Екатеринбург, 1913, т. XXII, вып. 1.

¹² *Прокошев Н. А.* Разведки на Чусовой. — Проблемы истории материальной культуры, 1934, № 2; *Он же.* Район реки Чусовой. — ИГАИМК, 1935, вып. 109.

¹³ *Канивец В. И.* Канинская пещера, с. 83—97.

¹⁴ *Генинг В. Ф.* К вопросу о северных границах распространения ананьинской культуры. — КСИИМК, 1951, вып. XXXVI.

¹⁵ *Канивец В. И.* Канинская пещера, с. 128—130.

¹⁶ *Мягков И.* Находки на горе Кулайке. — Труды Томского краевого музея, Томск, 1927, т. 1, с. 65—69.

¹⁷ *Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М.* Шестаковские курганы. Кемерово, 1971, рис. 70, I; рис. 71, II; рис. 88, 12.

¹⁸ *Бобров В. В.* Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973, с. 19.

¹⁹ *Троицкая Т. Н.* Южные элементы в кулайской культуре. — Изв. ЛАИ, Кемерово, 1976, вып. 6, с. 60—67.

²⁰ *Чернецов В. Н.* Очерк этногенеза обских угров. — КСИИМК, М., 1941, вып. 9; *История Сибири*, т. 1. Л., 1968, с. 241, 242; *Косарев М. Ф.* К вопросу о кулайской культуре. — КСИА, М., 1969, вып. 119, с. 49—51; *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности

археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 171; *Плетнева Л. М.* Тагарский элемент в памятниках Томского Приобья. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, с. 117—118.

²¹ *Ермолаев А.* Ишимская коллекция. Красноярск, 1914.

²² *Викторова В. П., Елькина М. В., Федорова Н. В., Чемякин Ю. П.* Раскопки на Барсовой горе близ г. Сургута. — АО 1973 года. М., 1974, с. 186—188; *Федорова Н. В.* Раскопки средневекового городища в районе Барсовой горы близ г. Сургута. — АО 1975 года. М., 1976, с. 283—285.

²³ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 184—288; *История Сибири*, т. 1, с. 187—196; *Мартынов А. И.* История лесостепных тагарских племен в VI—I вв. до н. э. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1975, с. 36—39.

²⁴ *Окладников А. П.* Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в Ленской тайге). — Проблемы археологии, Л., 1978, вып. 2, с. 101—109.

²⁵ *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. — МИА, М., 1957, № 58, с. 136.

²⁶ Там же, с. 137.

²⁷ *Канивец В. И.* Канинская пещера, с. 98—119.

²⁸ *Теплоухов Ф. А.* Древности, найденные в Чапышевской пещере Соликамского уезда. — В кн.: Пермский край, т. III, с. 51—64. Пермь, 1895.

²⁹ *Теплоухов Ф. А.* Чудское жертвенное место на р. Колве. — Труды Пермской ученой архивной комиссии, Пермь, 1897, вып. III.

³⁰ *Канивец В. И.* Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале. — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, Сыктывкар, 1962, вып. I, с. 152—153.

³¹ *Канивец В. И.* Канинская пещера, с. 129.

³² *Елькин М. Г.* Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур. — Изв. ЛАИ, Кемерово, 1970, вып. 3, с. 81—92.

³³ *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Türkue), Bd II. Wiesbaden, 1958, S. 5.

³⁴ Хрестоматия по истории средних веков. Т. I. Раннее средневековье. М., 1961, с. 86.

³⁵ *Деревянко Е. И.* Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н. э. — В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 118—128.

³⁶ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приамурья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 351, 353.

³⁷ *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten..., S. 130.

³⁸ *Комарова М. Н.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА, М., 1952, № 24, с. 50.

³⁹ *Толмачев В.* Древности Восточного Урала, т. II. — Зап. Урал. об-ва любителей естествознания, Екатеринбург, 1914, т. XXXIV, вып. 8; *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, с. 96—105; *Бородкин Ю. М.* Материалы неолитического погребения у с. Васькова. — Изв. ЛАИ, Кемерово, 1967, вып. 1, рис. 1, 6; *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977, табл. XX, 2—4, 15.

⁴⁰ *Кубарев В. Д.* Новые находки эпохи ранних кочевников в

Горном Алтае.— В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 46.

⁴¹ См., например; *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края.— Зап. РГО, Спб., 1857, кн. XII, с. 341; *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века.— Труды Ин-та этногр. Новая серия, М.—Л., 1947, т. V, с. 40.

⁴² *Канивец В. И.* Канинская пещера, с. 130—131.

⁴³ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. IV. Спб., 1805, с. 376—377.

⁴⁴ *Канивец В. И.* Канинская пещера, с. 131—132.

Приложение 2

¹ *Проскуряков П. С.* Исследование Айдашинской пещеры в окрестностях Ачинска.— ОАК за 1897 г., Спб., 1900, с. 52—54; за 1899 г., Спб., 1901, с. 105; *Он же.* Отчет о предварительном исследовании Июских пещер.— Изв. ВСОРГО, 1890, т. 21, № 4; с. 20—25.

² *Оводов Н. Д.* Сравнительно-тафономическая характеристика пещер Сибири по остаткам млекопитающих.— В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 2. Новосибирск, 1973, с. 328—338.

³ *Цыкин Р. А., Цыкина Ж. Л., Добровольский М. Н.* Пещеры Красноярского края. Красноярск, 1974. 98 с.

⁴ *Молодин В., Гричан Ю.* Айдашинский клад.— За науку в Сибири, 1974, 18 дек.

⁵ *Оводов Н. Д.* Позднеантропогенная фауна млекопитающих (Mammalia) юга Уссурийского края.— В кн.: Фауна и систематика позвоночных Сибири. Новосибирск, 1977, с. 157—177.

⁶ *Сапожников Г. Н.* Форма суставной впадины (cavitas glenoidalis) как критерий отличия родов *Capra* и *Ovis* по остаткам os scapula.— Бюл. МОИП, Отд. биол., 1968, т. 73, вып. 5, с. 18—20.

⁷ *Громова В. И.* Остеологические отличия родов *Capra* (козлы) и *Ovis* (бараны).— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, М., 1953, т. 10, вып. 1, с. 65—67.

⁸ *Савенков И. Т.* Описание черепа собаки древнеабаканской породы.— Изв. ВСОРГО, Иркутск, т. 36, 1908, с. 48—77.

⁹ *Цалкин В. И.* Домашняя собака в неолите Забайкалья.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 191—194.

¹⁰ См. например: *Стандарты лаек СССР*. Л., 1936.

¹¹ *Оводов Н. Д.* Субфоссильные остатки рукокрылых в пещерах Сибири и Дальнего Востока.— В кн.: Материалы Первого Всесоюзного совещания по рукокрылым. Л., 1974, с. 84—90.

¹² *Галкина Л. И.* К таксономии сурков (род *Marmota*) Южной Сибири.— В кн.: Вопросы экологии, зоогеографии и систематики животных. Новосибирск, 1962, с. 135—156.

¹³ *Галкина Л. И.* Вид и внутривидовые категории у сурков.— В кн.: Проблемы внутривидовых отношений организмов. Томск, 1962.

¹⁴ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 41—42.

¹⁵ Там же, с. 74.

¹⁶ *Банников А. Г.* Млекопитающие Монгольской Народной Республики. М., 1954, с. 368—369.

¹⁷ *Агеева Е. А., Гричан Ю. В., Оводов Н. Д.* Плейстоценовая гниена в каменной ловушке.— Природа, 1978, № 12, с. 114—115.

¹⁸ *Скалон В. Н.* Речные бобры Северной Азии. М., 1951.

¹⁹ *Тугаринов А. Я.* К характеристике четвертичной орнитофауны Сибири.— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. М.—Л., 1932, т. 1, с. 115—129.

²⁰ *Проскуряков П. С.* Июские пещеры (письмо г. Проскурякова от 18 ноября 1888 года из Красноярска).— Изв. ВСОРГО, 1889, т. 20, № 2, с. 32—34; *Он же.* Отчет о предварительном исследовании Июских пещер. Там же, 1890, т. 21, № 4, с. 21—25.

²¹ *Скалон В. Н.* Речные бобры Северной Азии.

²² *Оводов Н. Д.* «Пещерные наклонности» бурого медведя.— Природа, 1977, № 9, с. 126—128.

²³ *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936.

²⁴ *Канивец В. И.* Канинская пещера. М., 1964.

²⁵ *Еленев А. С.* Каталог предметов, найденных в Бирюсинских пещерах.— Изв. ВСОРГО, Иркутск, 1886, т. XVII, № 3-4, с. 193; *Он же.* Каталог древностей, найденных в Бирюсинских пещерах в 1888 году.— Там же, 1894, т. XXV, № 2-3, с. 52—53.

²⁶ *Оводов Н. Д., Орлова Н. Г., Дмитриев В. Е.* Археологические и палеозоологические находки в пещерах Горной Шории (в печати).

²⁷ *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959.

²⁸ *Громова В. И.* Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан.— В кн.: Тешик-Таш. Палеолитический человек. Изд-во МГУ, 1949, с. 87—89; *Канивец В. И.* Канинская пещера; *Вепилова Е. А.* Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы.— МИА, М., 1971, № 173, с. 117—161; *Столяр А. Д.* «Натуральное творчество» неандертальца как основа генезиса искусства.— В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971, с. 118—164.

- АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
ЛАИ — Лаборатория археологических исследований.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАЭ — Труды Музея антропологии и этнографии АН СССР.
МАЭСТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА — Советская археология, журнал.
САИ — Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография, журнал.
ТКЭАИ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР.
ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея.

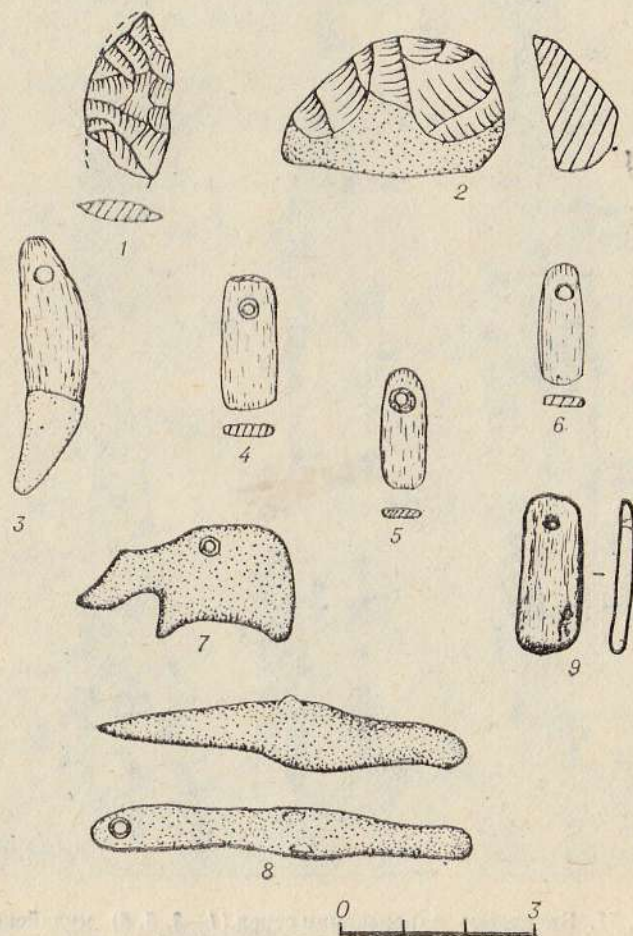

Табл. I. Предметы эпохи неолита.

1, 2 — камень; 3—9 — кость.

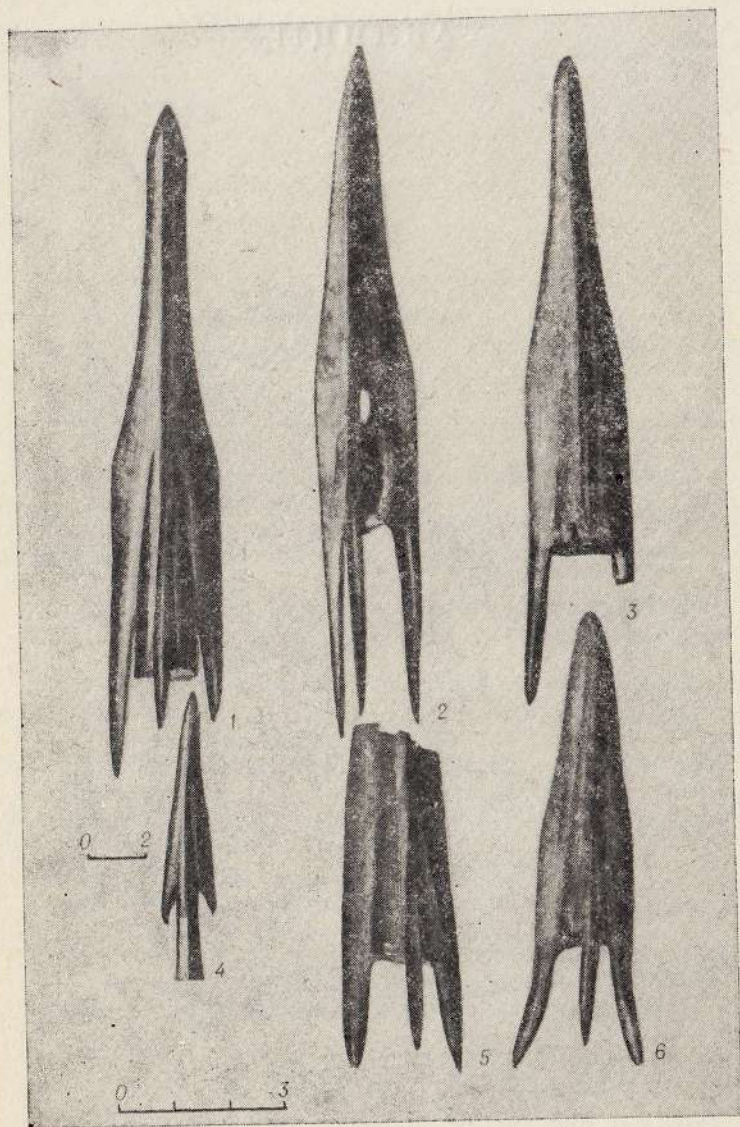

Табл. II. Бронзовые наконечники стрел (1—3, 5, 6) кулайского и усть-полуйского обряда (4 — коллекция П. С. Проскурякова).

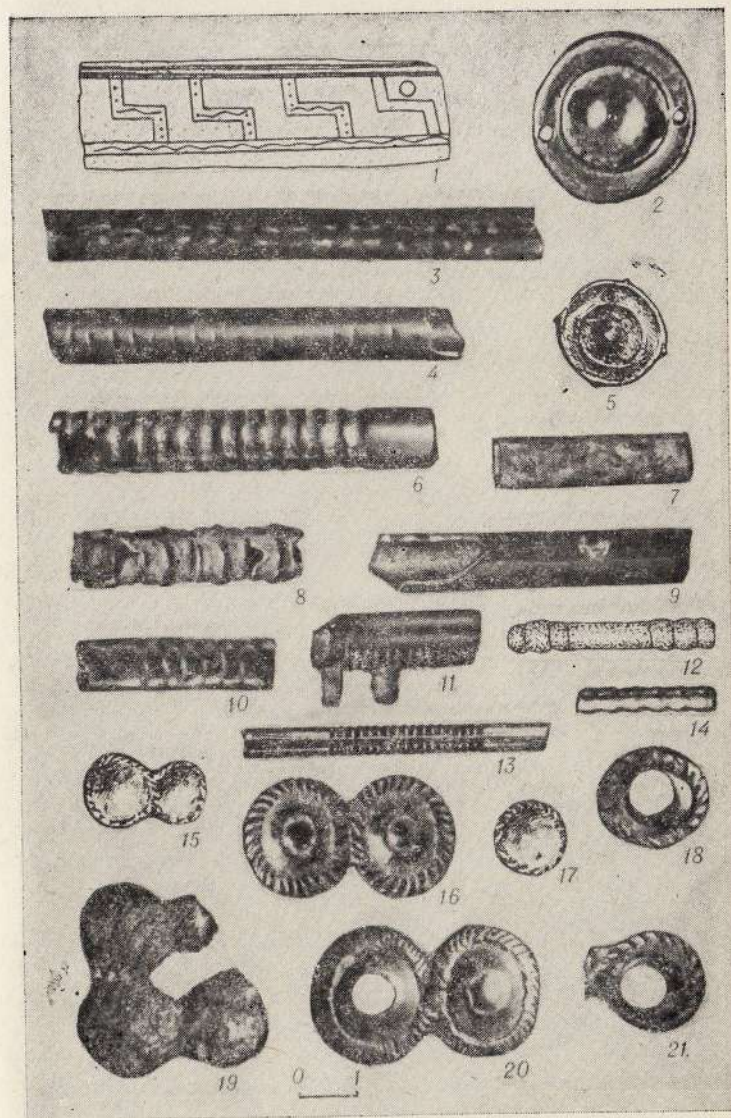

Табл. III. Бронзовые изделия эпохи раннего железа.
1 — орнаментированная пластина; 2, 5, 15—21 — бляшки; 3, 4, 6—14 — пронызки (13, 14 — коллекция П. С. Проскурякова).

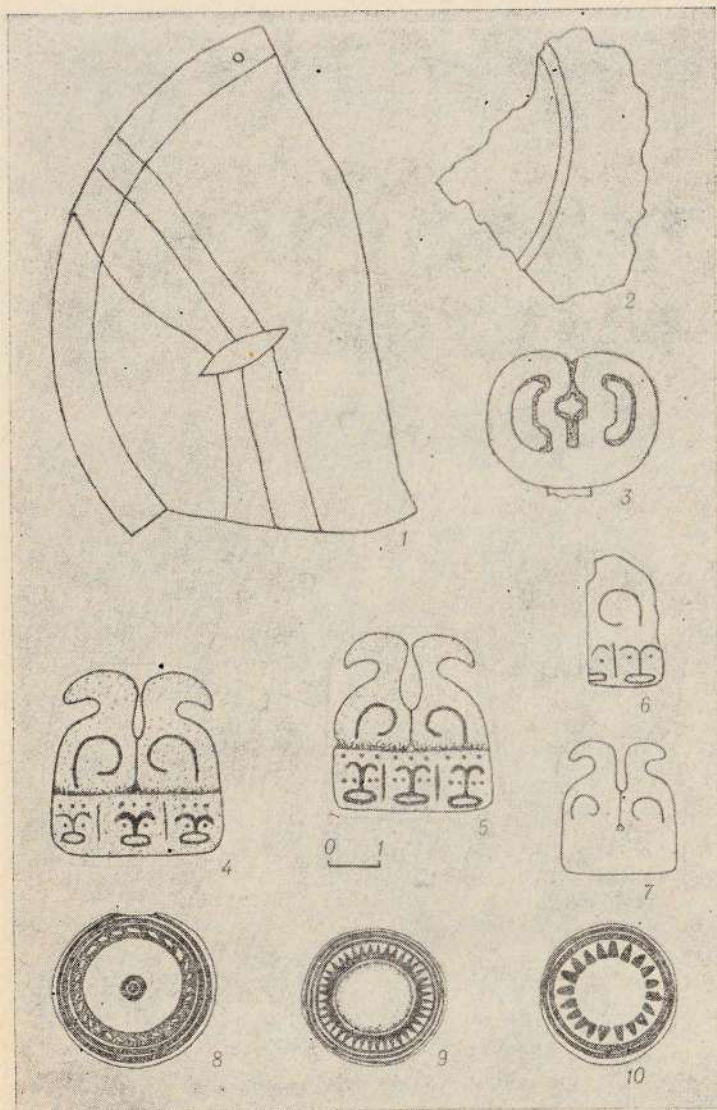

Табл. IV. Бронзовые изделия эпохи раннего железа.
1, 2 — обломки зеркала; 3 — навершие рукояти кинжала; 4—10 —
бляшки.

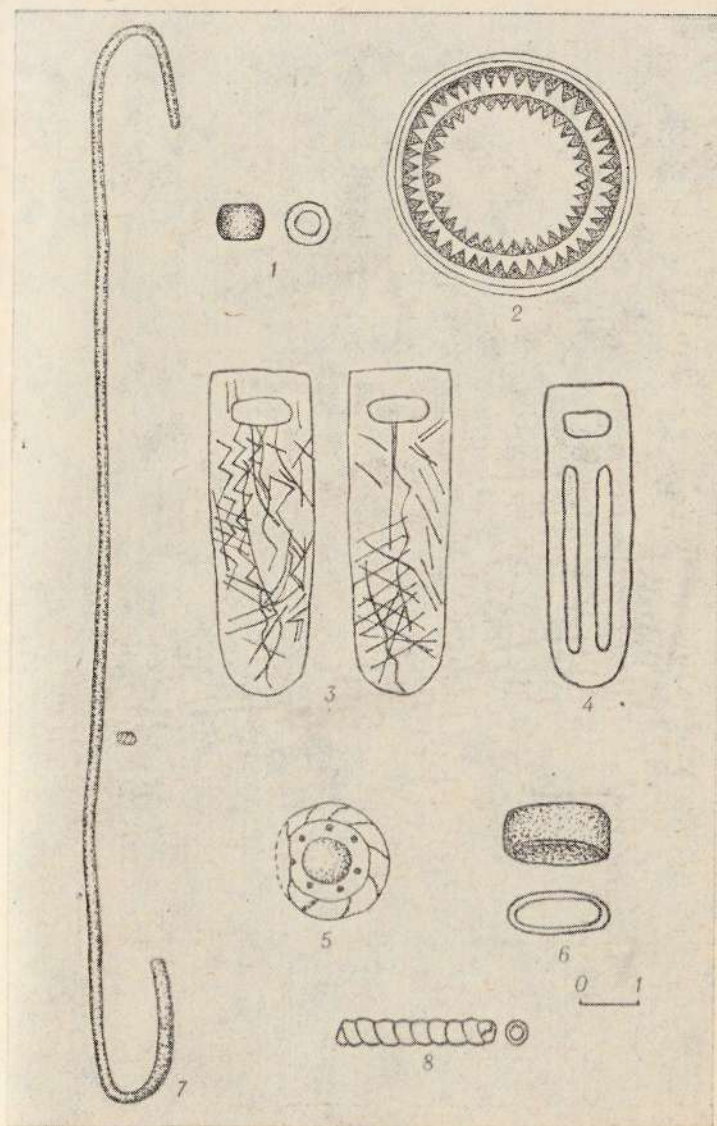

Табл V. Бронзовые изделия из Айдашинской пещеры.

Табл. VI. Бронзовые предметы (2—5) эпохи раннего железа
(1 — коллекция П. С. Проскурякова).

Табл. VII. Бронзовые зеркала.

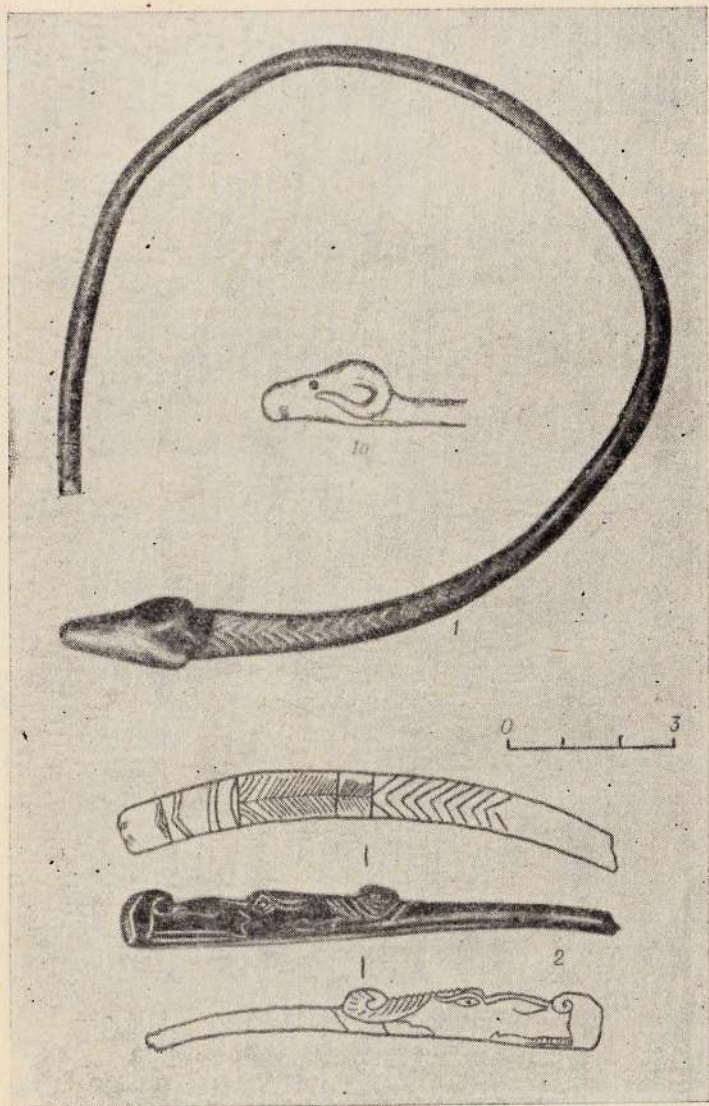

Табл. VIII. Обломки бронзовых гривн.

Табл. IX. Бронзовые изделия эпохи раннего железа.
1—3 — «коленные» бляшки; 4, 5 — бляхи с изображением свернувшегося хищника (1 — коллекция П. С. Проскуракова).

Табл. X. Бронзовые пряжки (2 — коллекция П. С. Проскурякова).

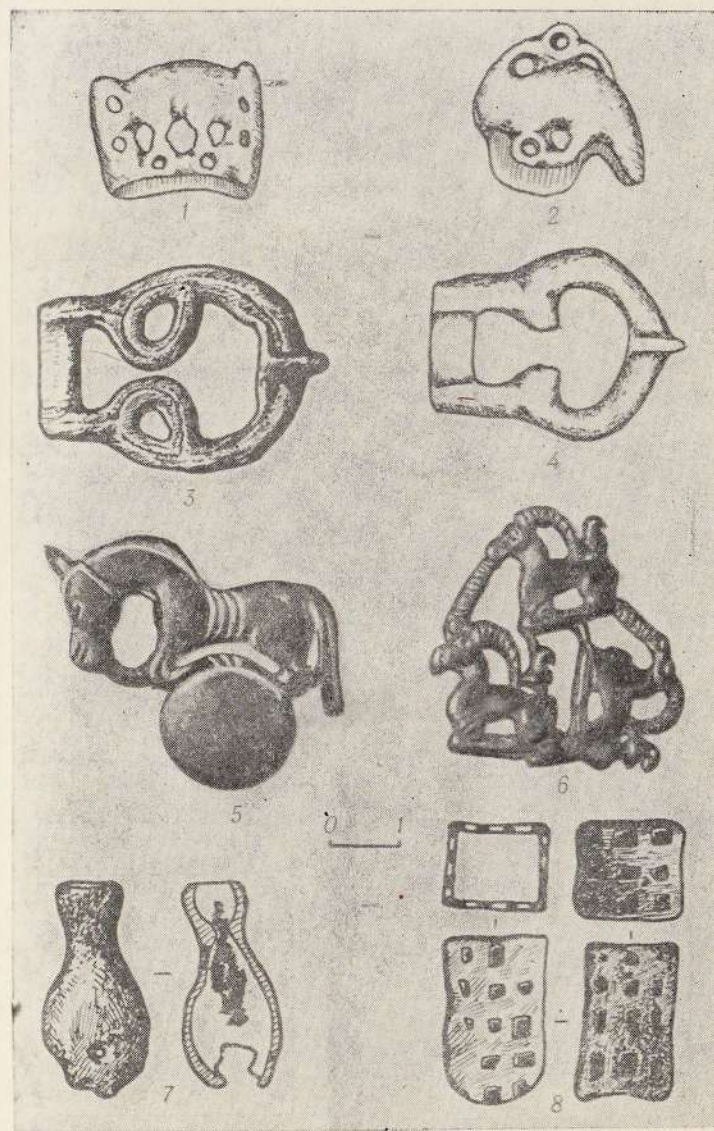

Табл. XI. Бронзовые предметы эпохи раннего железа (5 — коллекция П. С. Проскурякова).

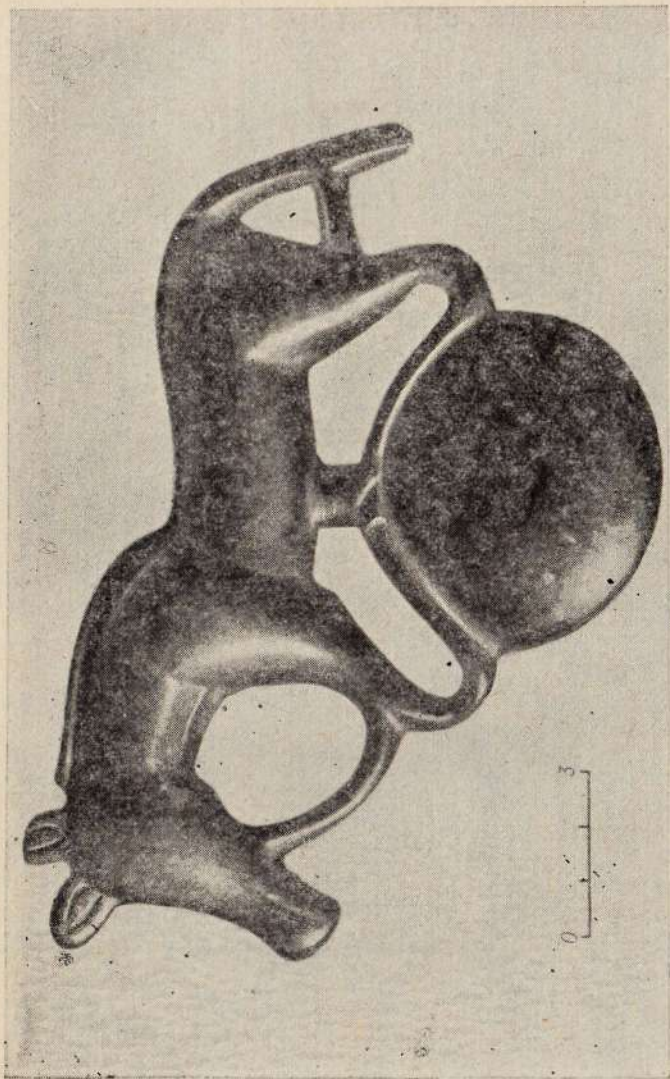

Табл. XII. Бронзовое изображение кулана на диске.

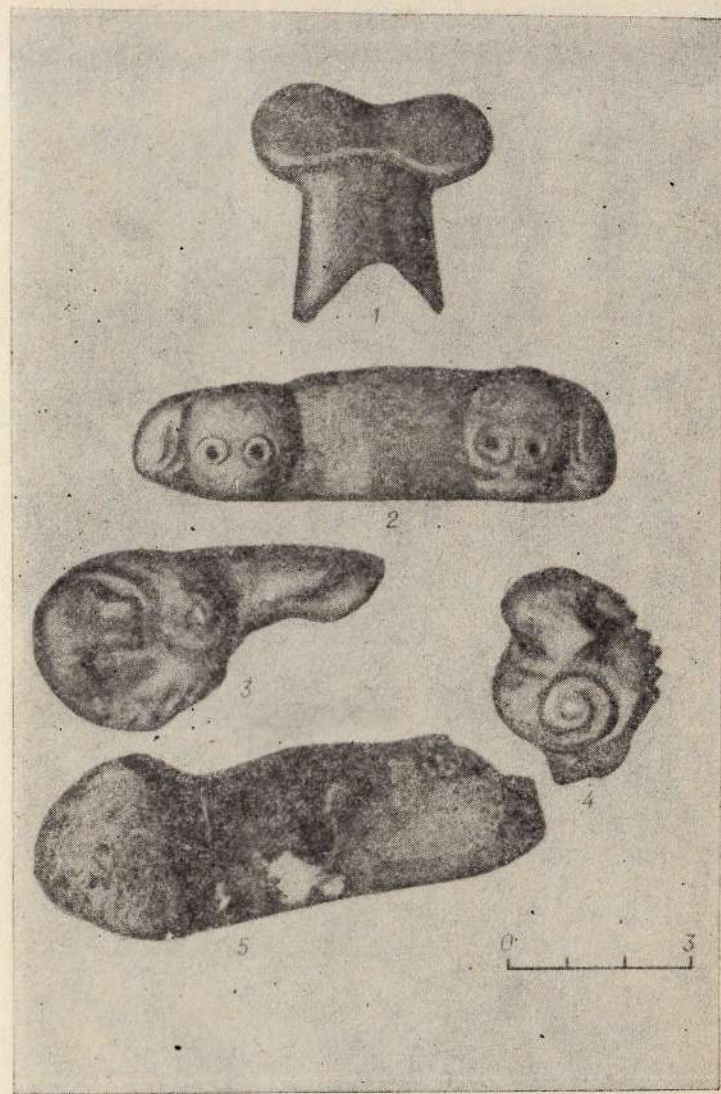

Табл. XIII. Костяные фрагменты рукояти и ножен кинжала.

Табл. XIV. Обломки бронзовых котлов.

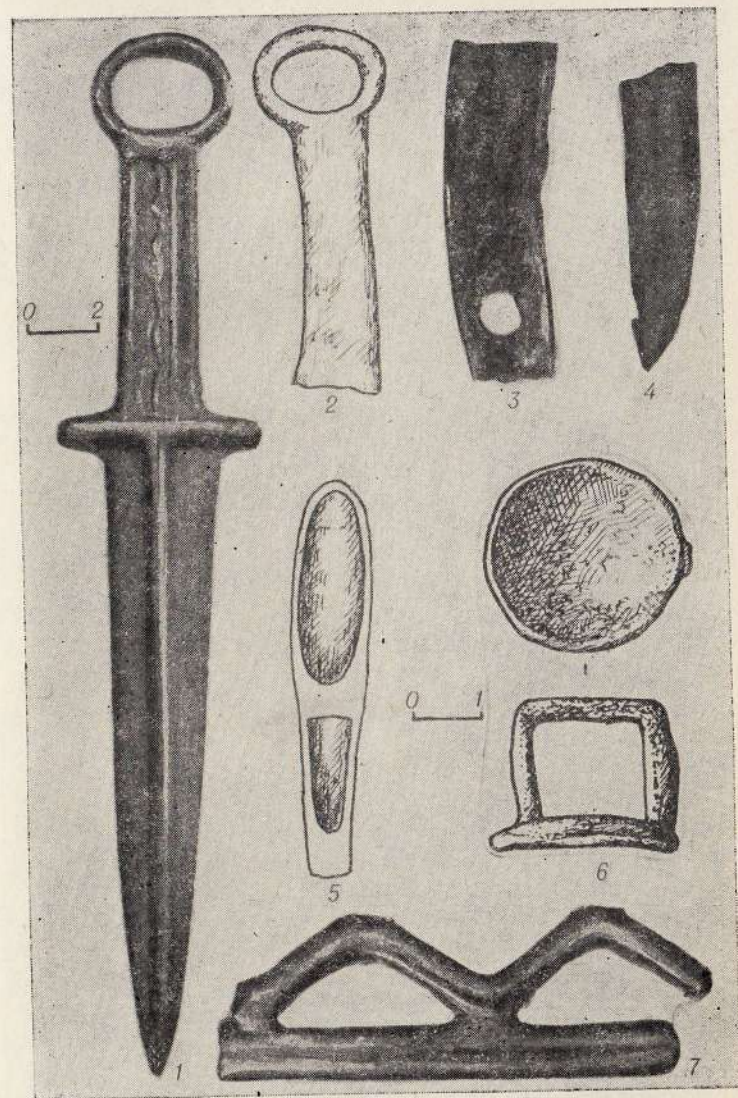

Табл. XV. Бронзовые изделия эпохи раннего железа.

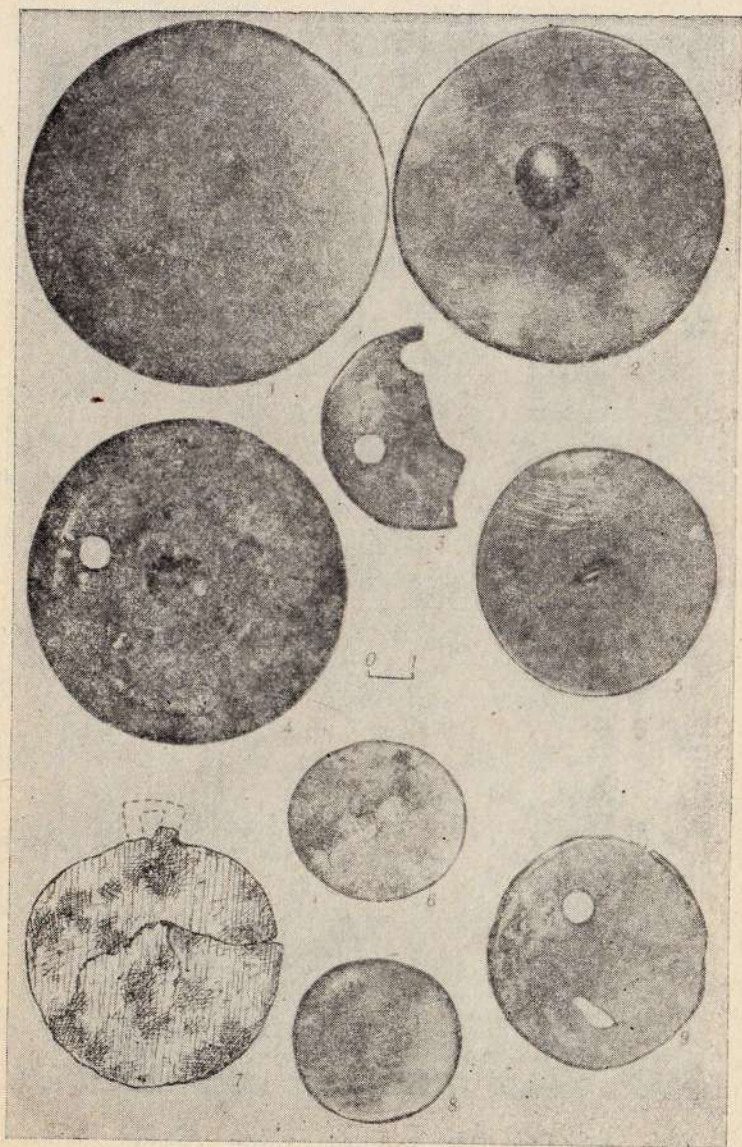

Табл. XVI. Бронзовые зеркала (2, 5 — коллекция П. С. Про-
скурякова).

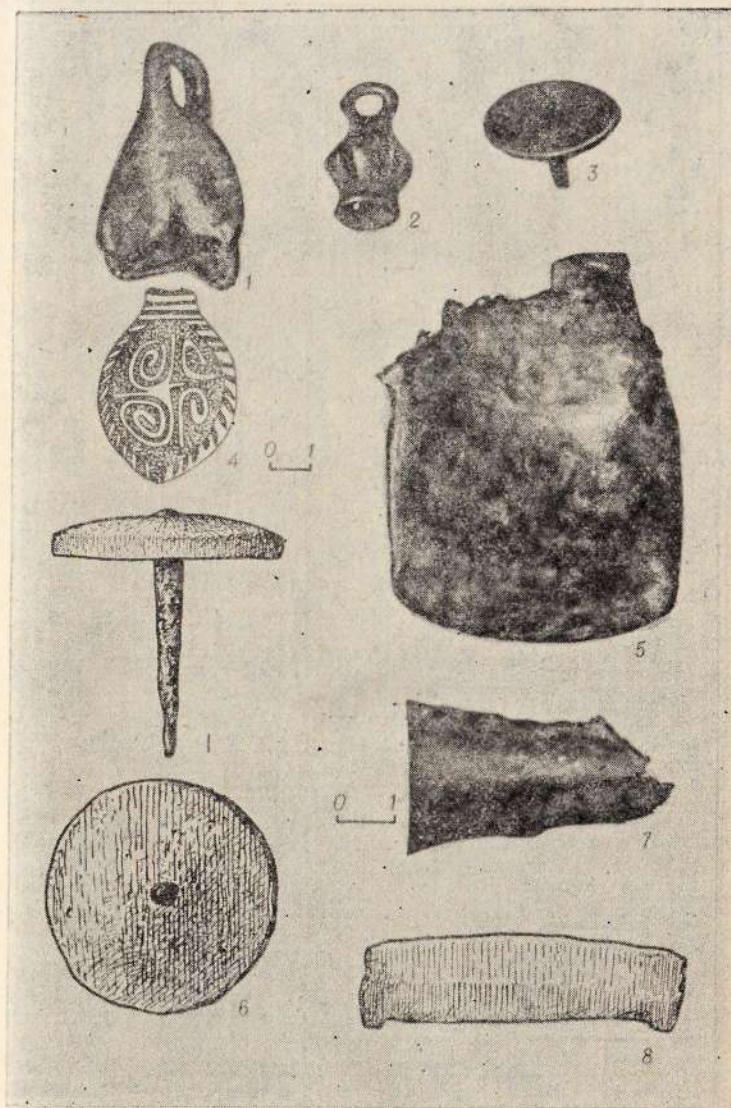

Табл. XVII. Предметы из Айдашинской пещеры.
1—5, 7, 8 — бронза; 6 — кость и железо.

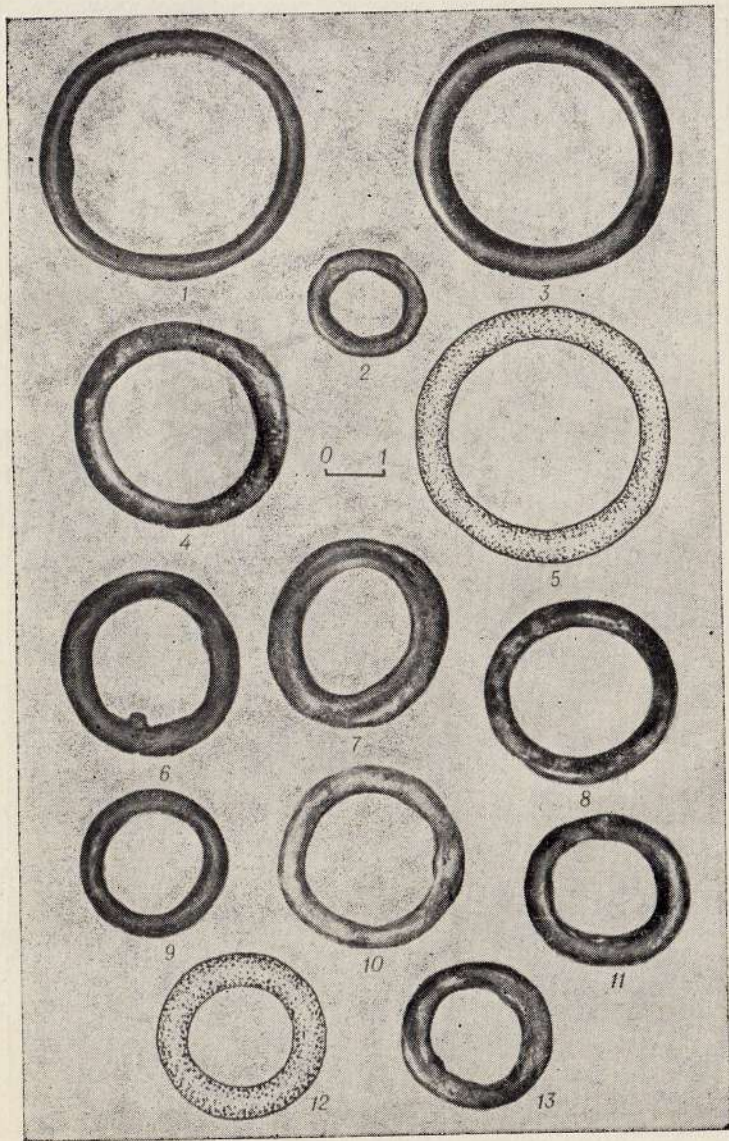

Табл. XVIII. Бронзовые кольца.

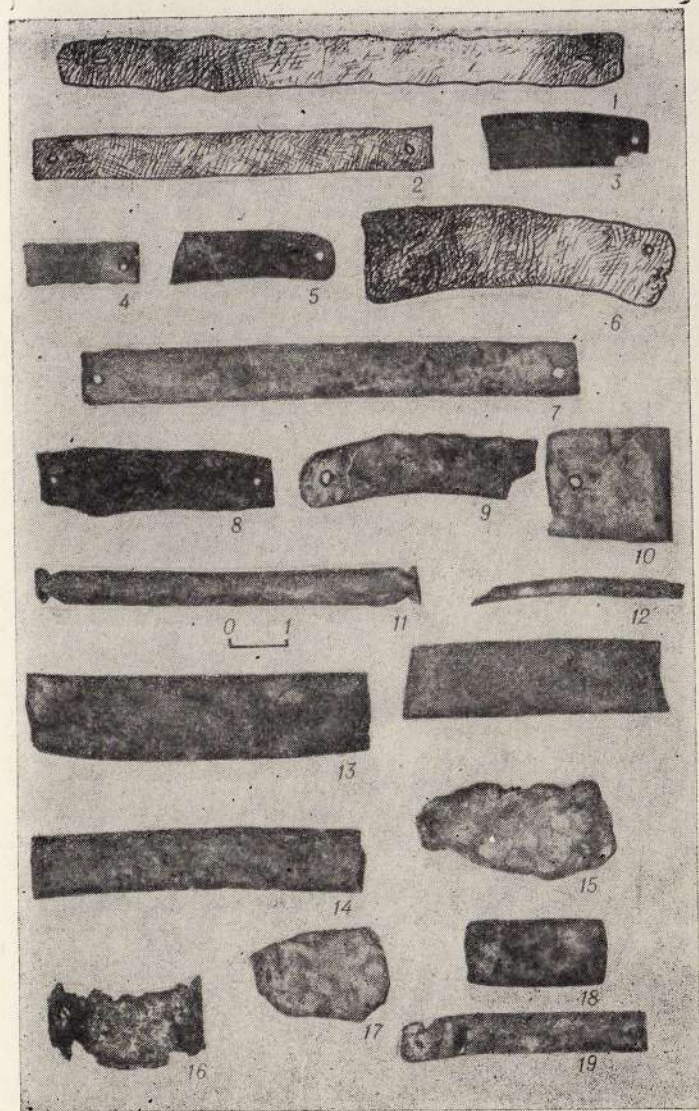

Табл. XIX. Бронзовые пластины.

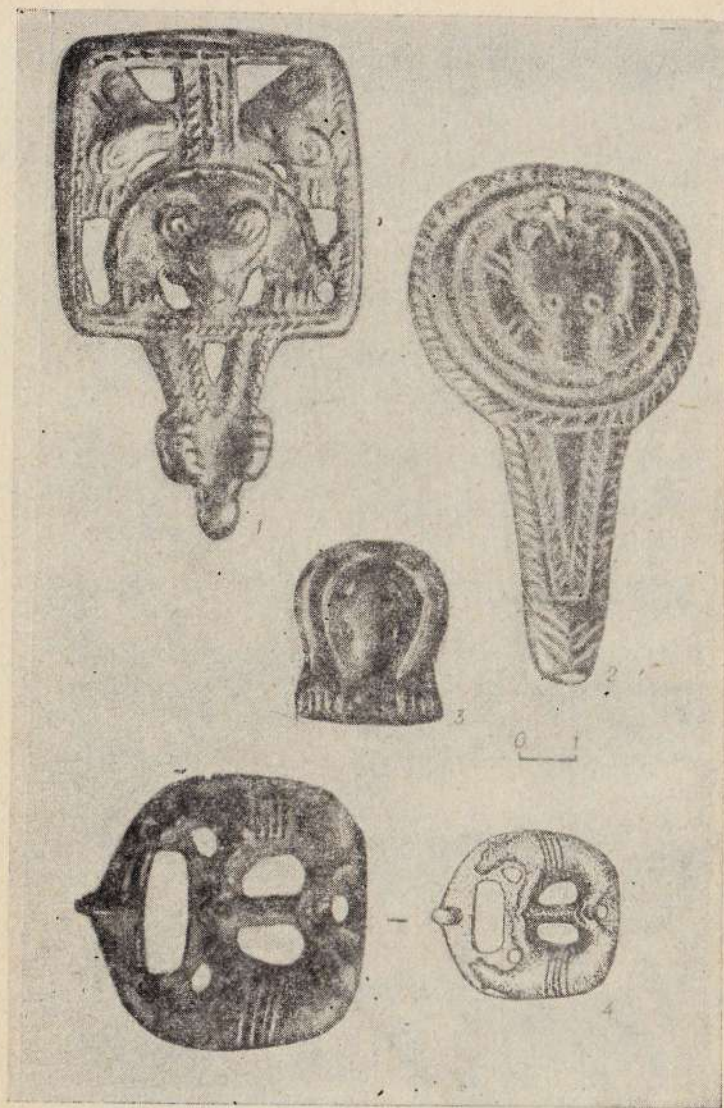

Табл. XX. Бронзовые медвежьеголовые застёжки и бляхи с изображением медведя (1 — коллекция П. С. Проскурякова).

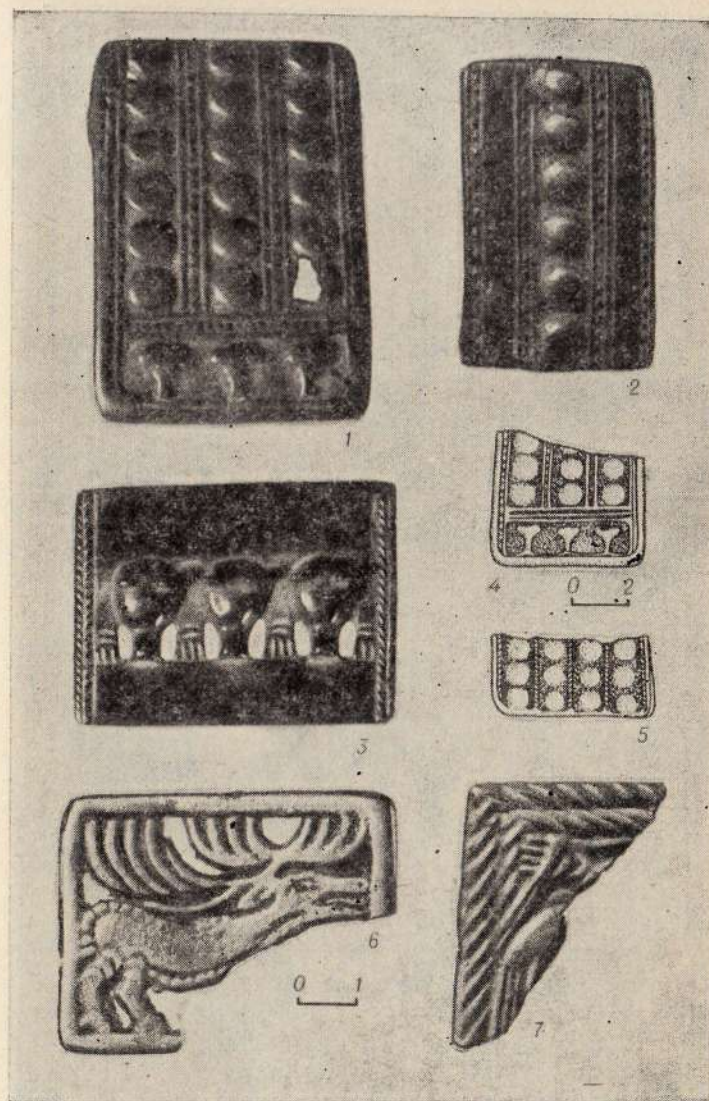

Табл. XXI. Бронзовые бляхи (6 — коллекция П. С. Проскурякова).

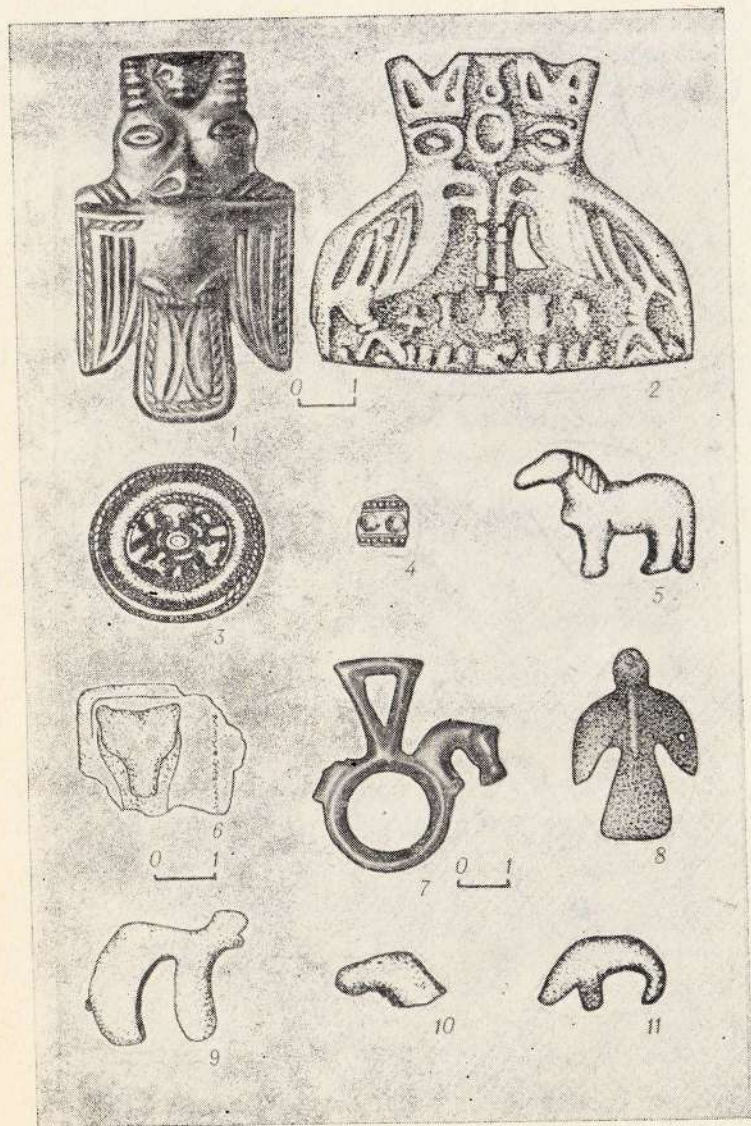

Табл. XXII. Предметы из Айдашинской пещеры.
 1—4, 6, 8 — бронзовые бляхи; 5, 9—11 — изделия малого литья; 7 —
 обломок «коньковой» подвески (1—коллекция П. С. Проскурякова).

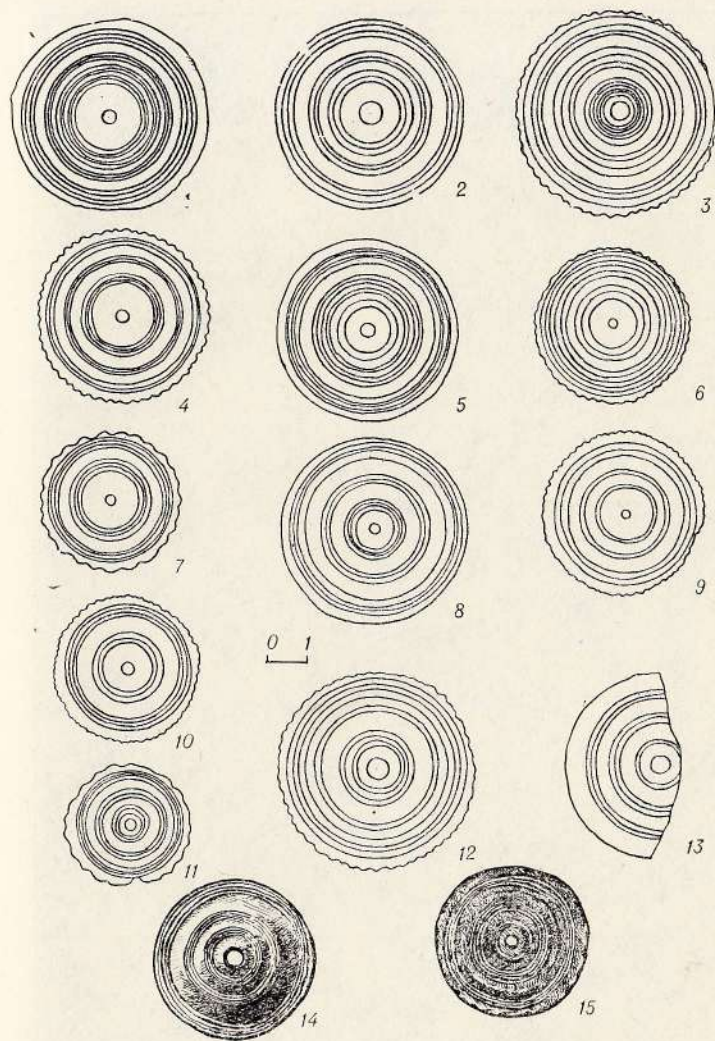

Табл. XXIII. Бронзовые бляшки.

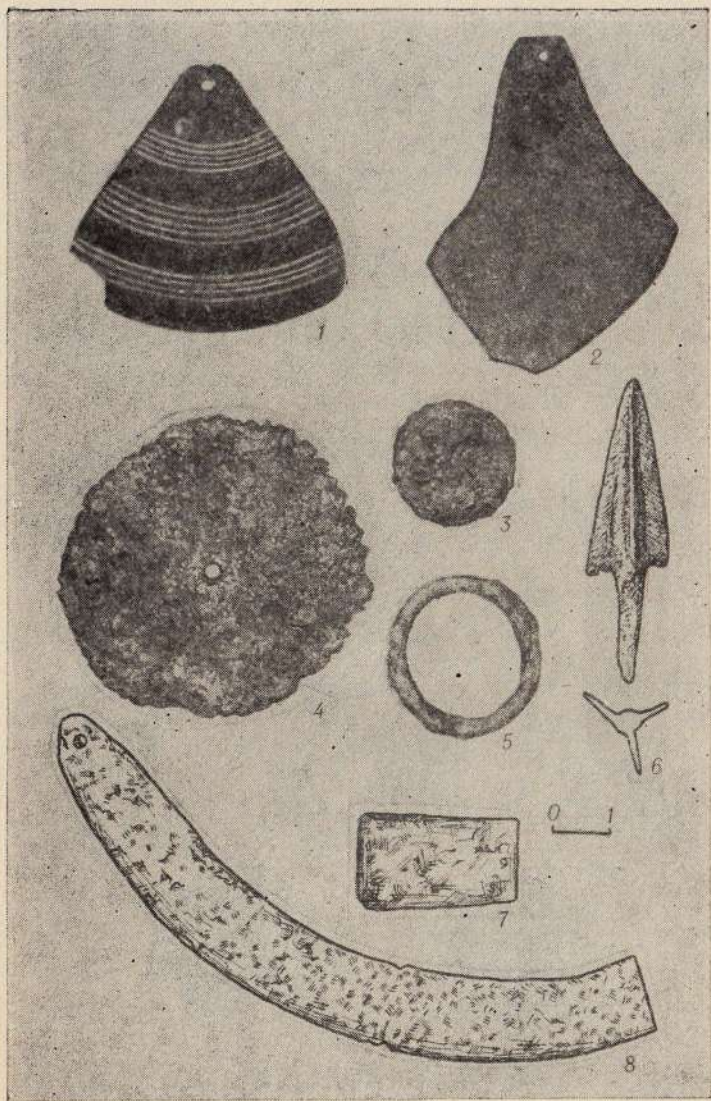

Табл. XXIV. Бронзовые (1, 2, 6) и железные (3—5, 7, 8) изделия из Айдашинской пещеры.

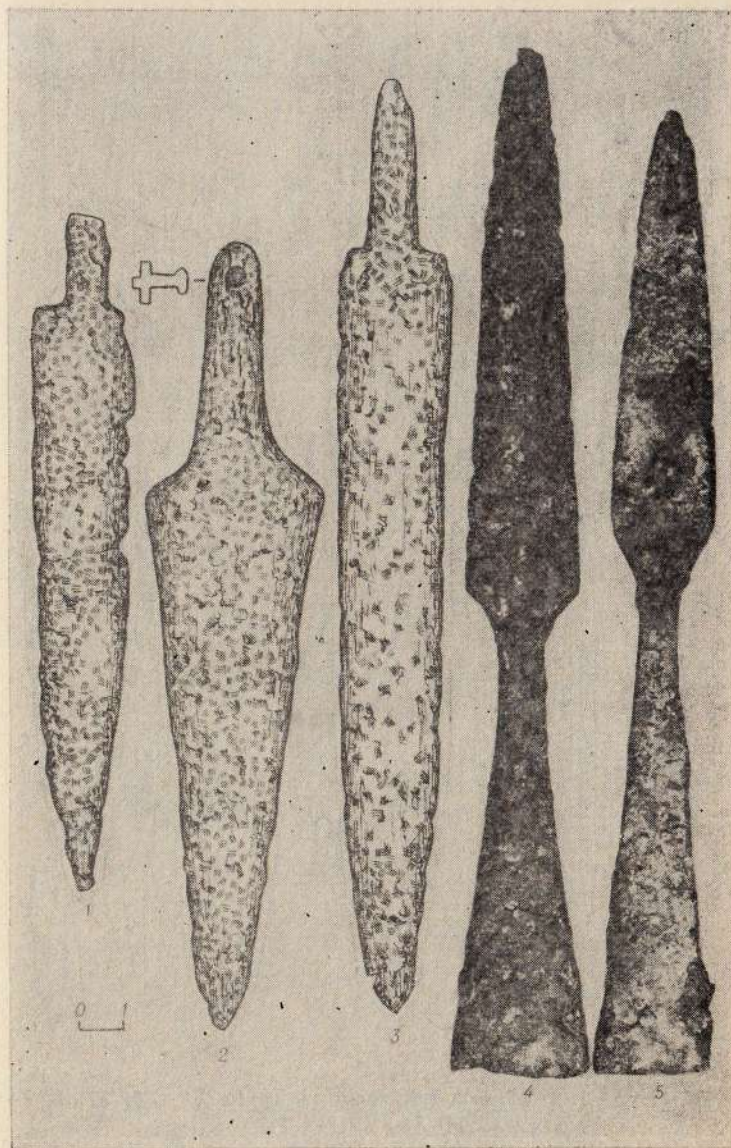

Табл. XXV. Предметы вооружения из Айдашинской пещеры.
1 — 3 — железные кинжалы; 4, 5 — наконечники копий (2 — коллекция П. С. Проскурякова).

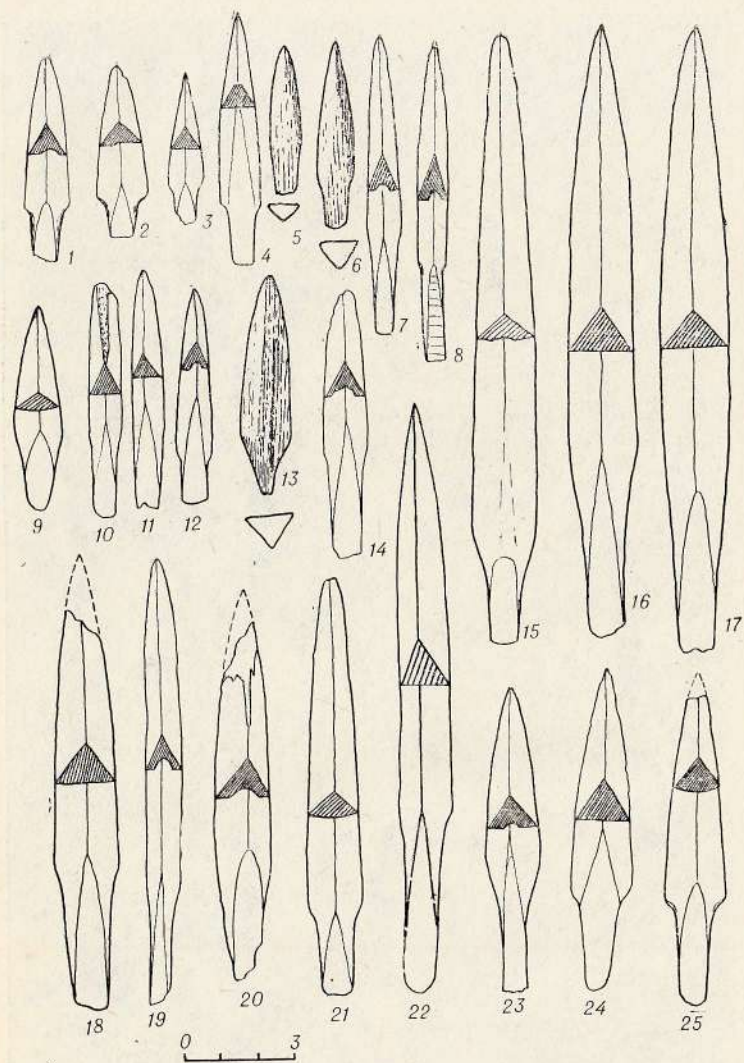

Табл. XXVI. Костяные наконечники стрел (9, 16, 17, 21 — коллекция П. С. Проскурякова).

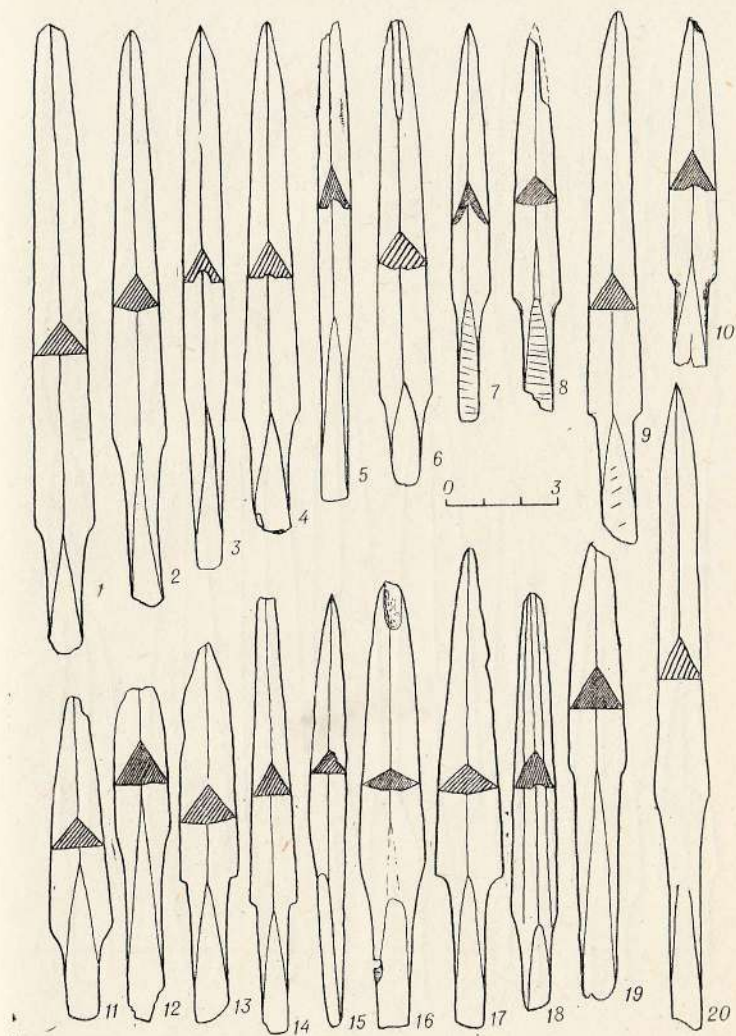

Табл. XXVII. Костяные наконечники стрел (1, 2, 9, 11, 13, 14, 17 — коллекция П. С. Проскурякова).

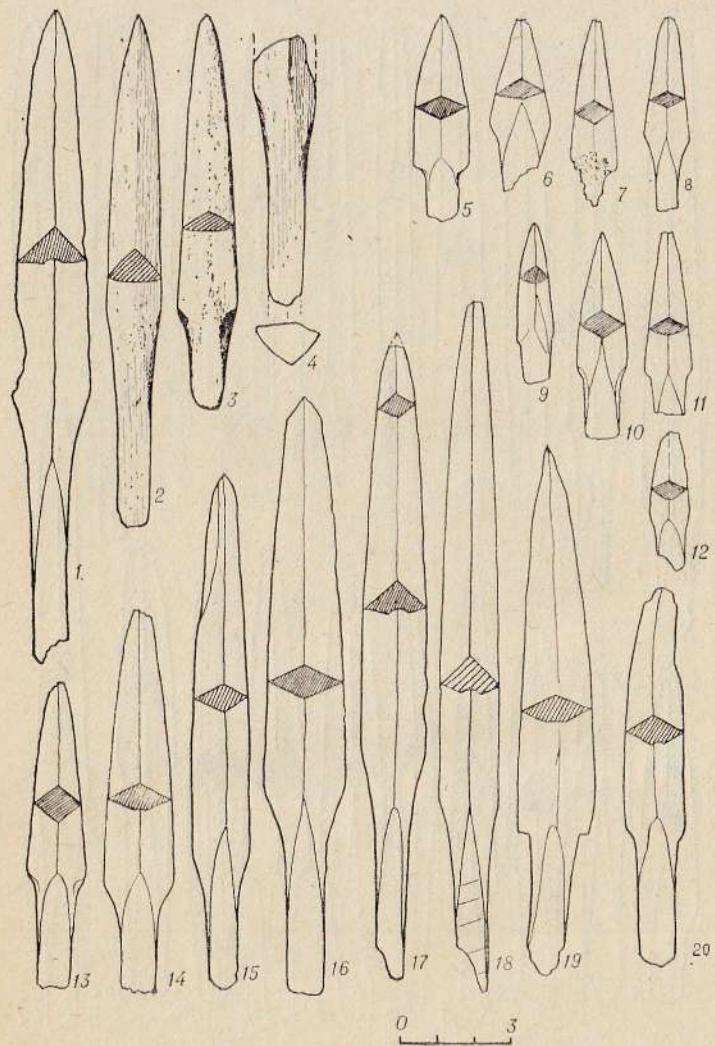

Табл. XXVIII. Костяные наконечники стрел (15, 19, 20 — коллекция П. С. Проскурякова).

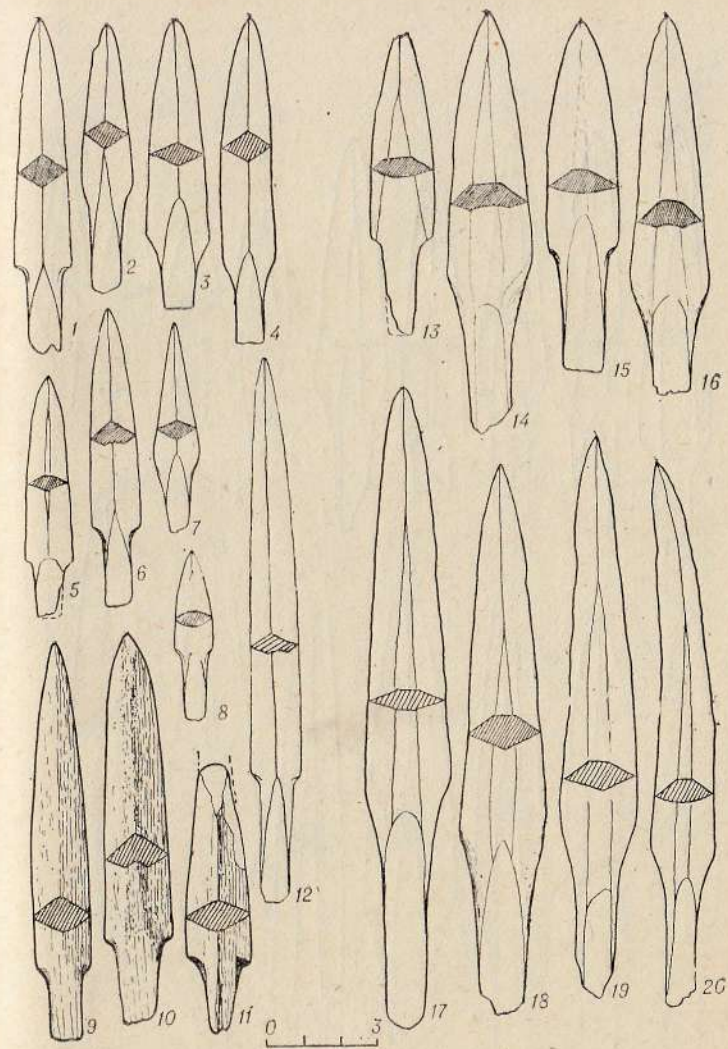

Табл. XXIX. Костяные наконечники стрел (2-4 — коллекция П. С. Проскурякова).

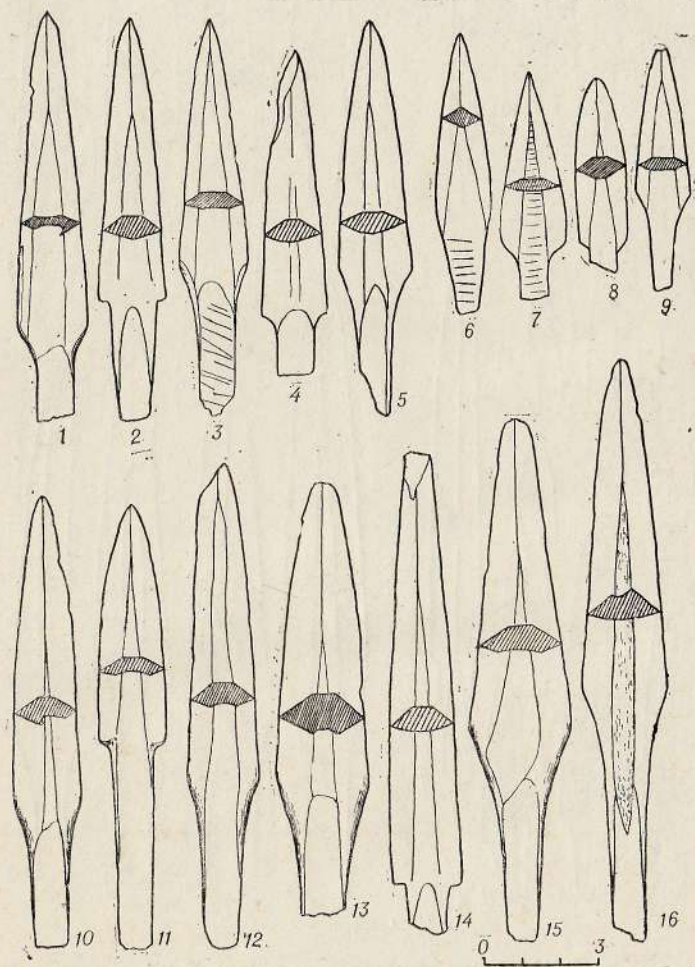

Табл. XXX. Костяные наконечники стрел.

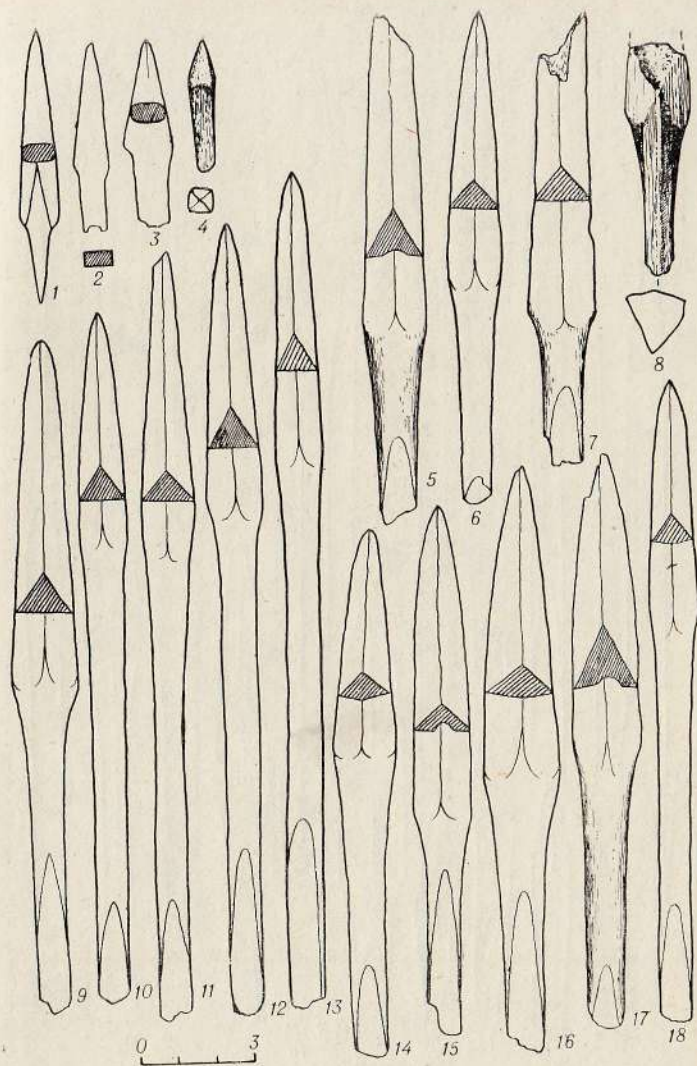

Табл. XXXI. Костяные наконечники стрел (1, 6, 9, 11, 14—16 — коллекция П. С. Проскурякова).

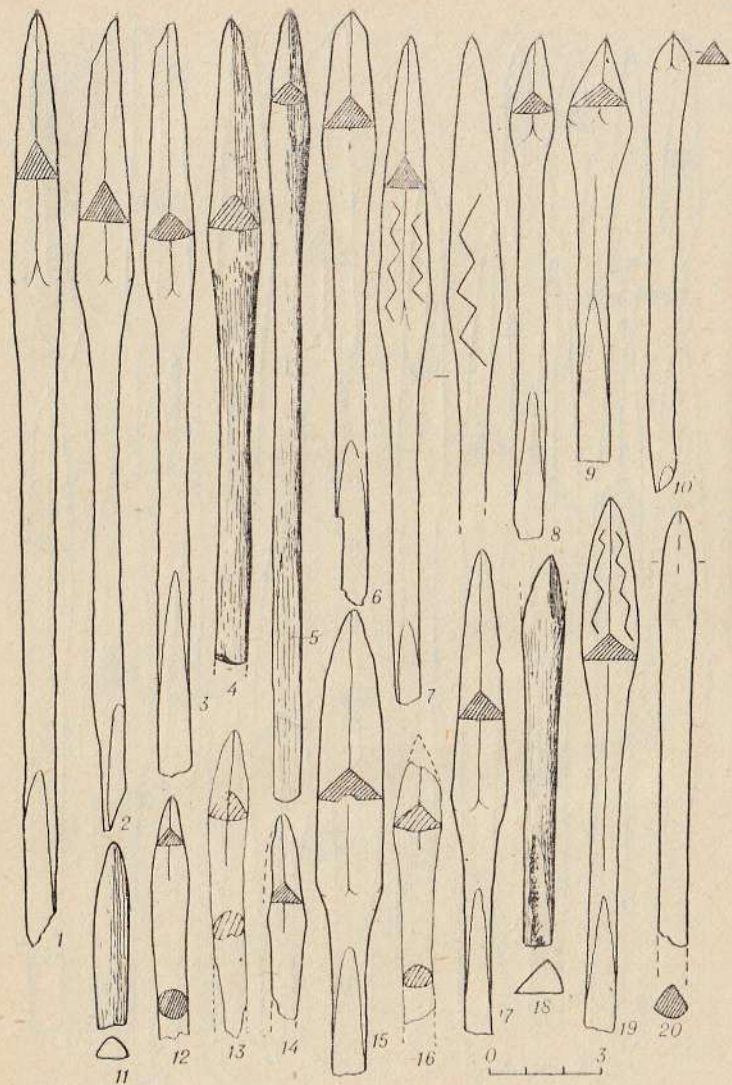

Табл. XXXII. Костяные наконечники стрел (2, 3, 8—10, 15, 17, 19 — коллекция П. С. Проскурякова).

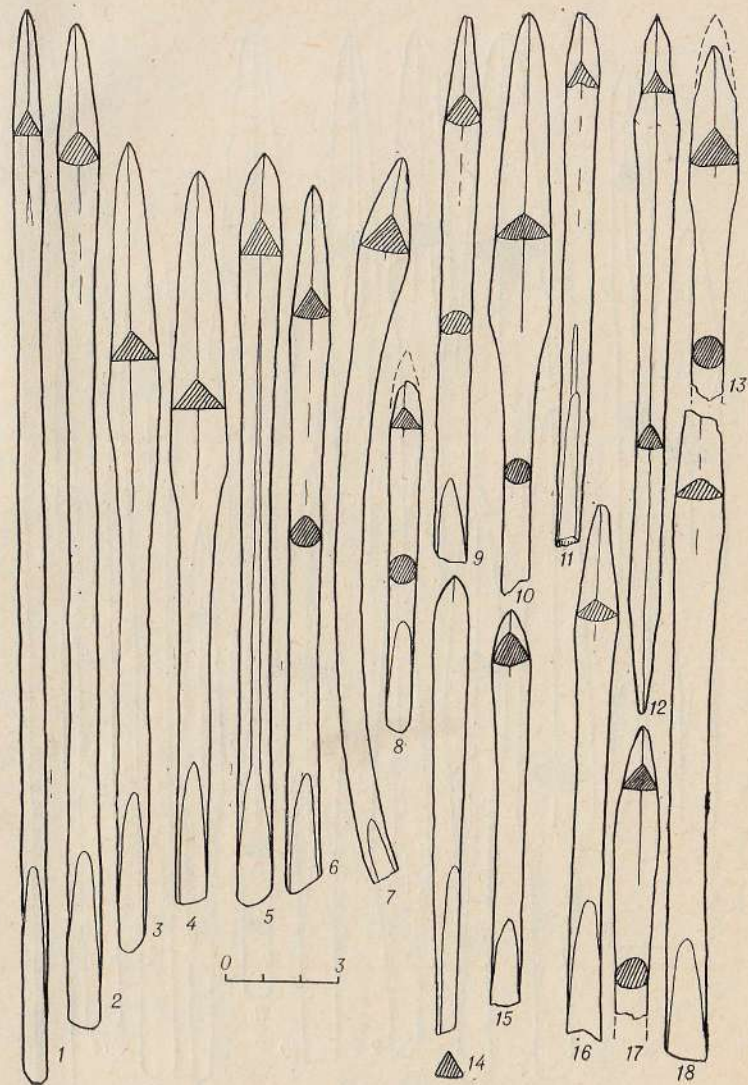

Табл. XXXIII. Костяные наконечники стрел. (3, 4, 7 — коллекция П. С. Проскурякова).

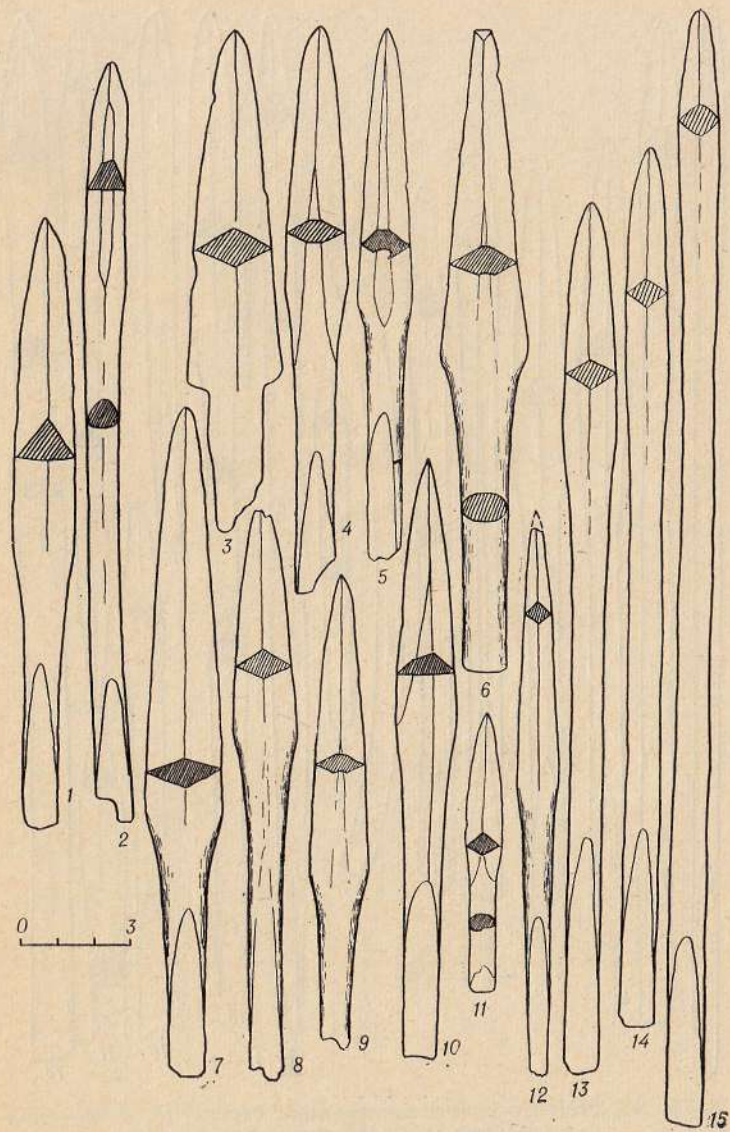

Табл. XXXIV. Костяные наконечники стрел (1, 4 — коллекция П. С. Проскурякова).

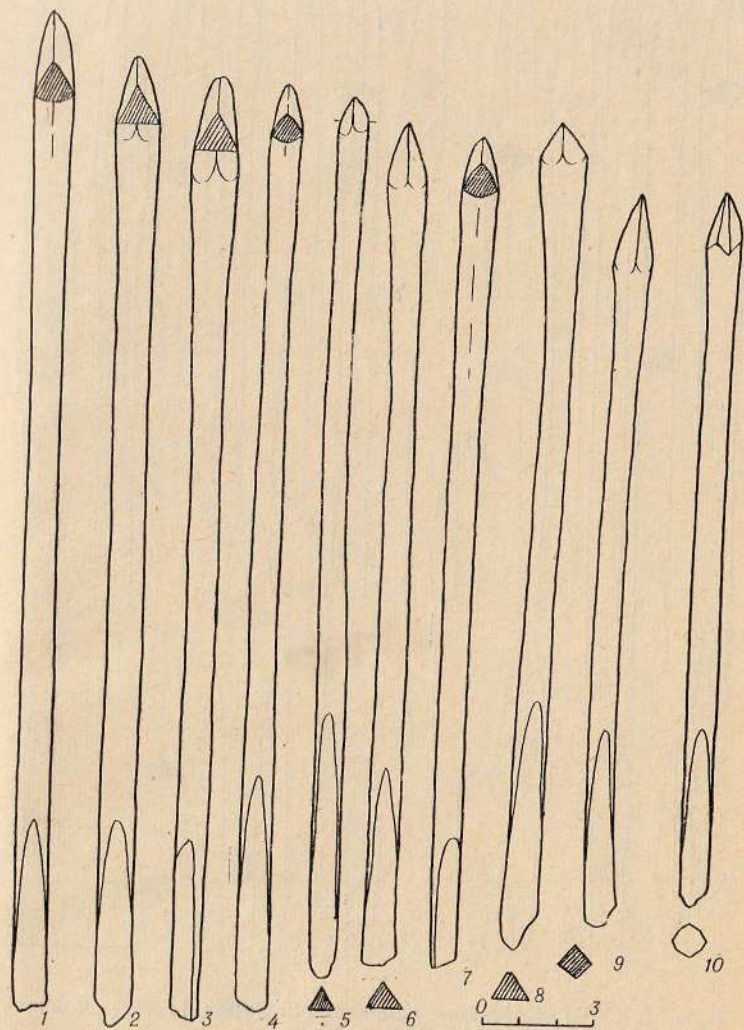

Табл. XXXV. Костяные наконечники стрел (4, 6, 9 — коллекция П. С. Проскурякова).

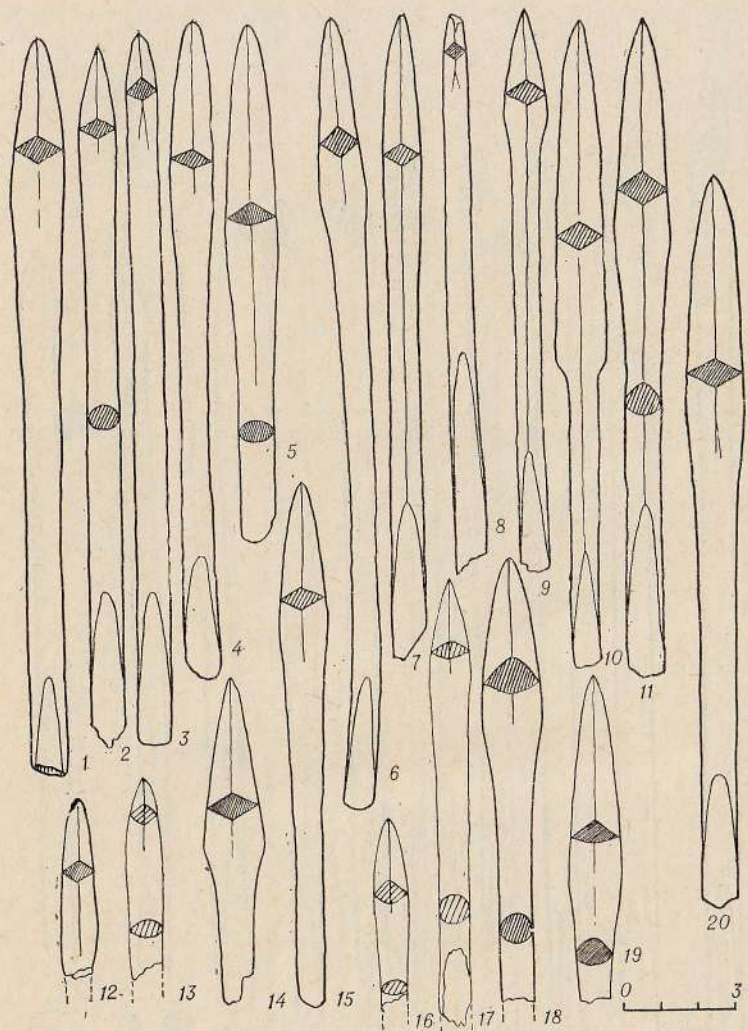

Табл. XXXVI. Костяные наконечники стрел (4—6 — коллекция П. С. Проскурякова).

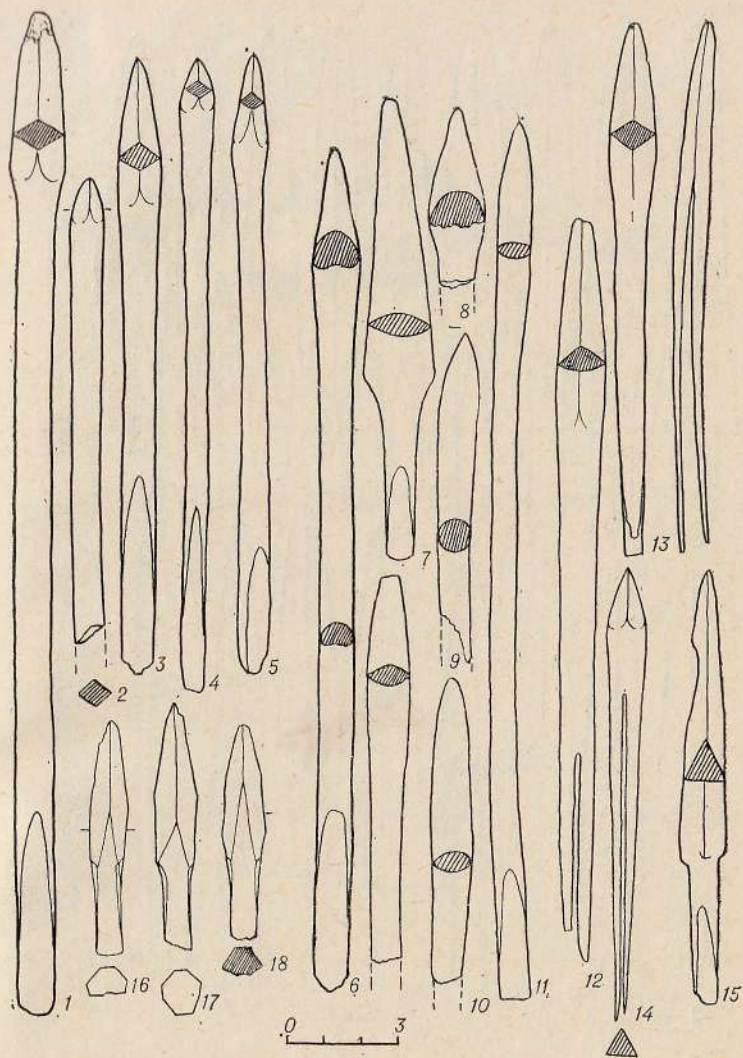

Табл. XXXVII. Костяные наконечники стрел.

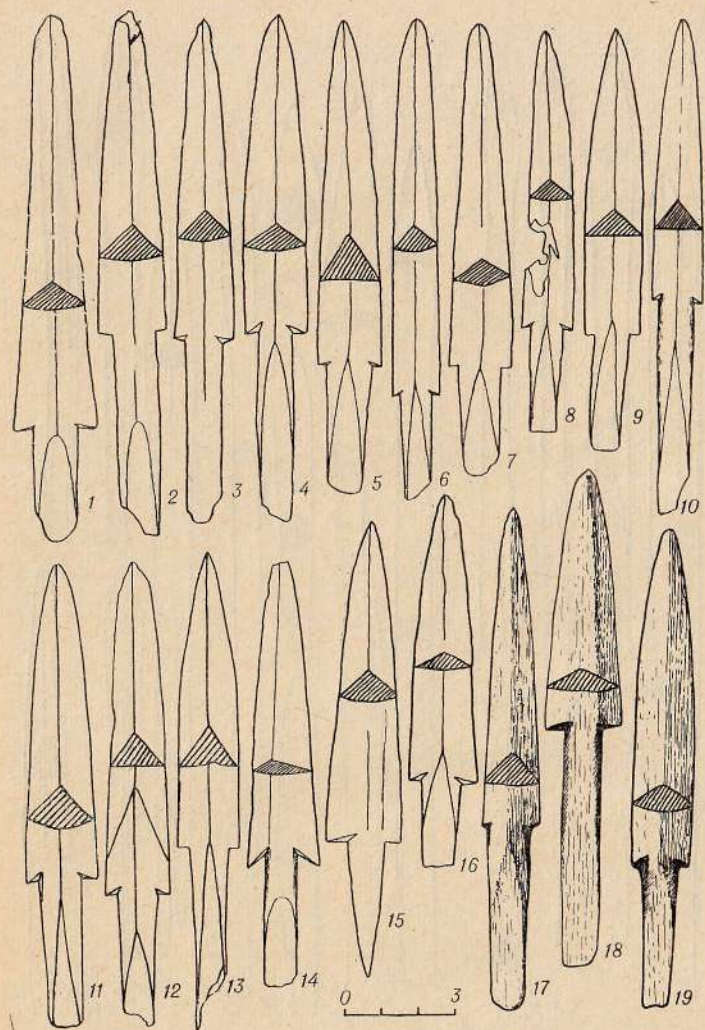

Табл. XXXVIII. Костяные наконечники стрел (1, 2, 4, 9, 15, 16 — коллекция П. С. Проскурякова).

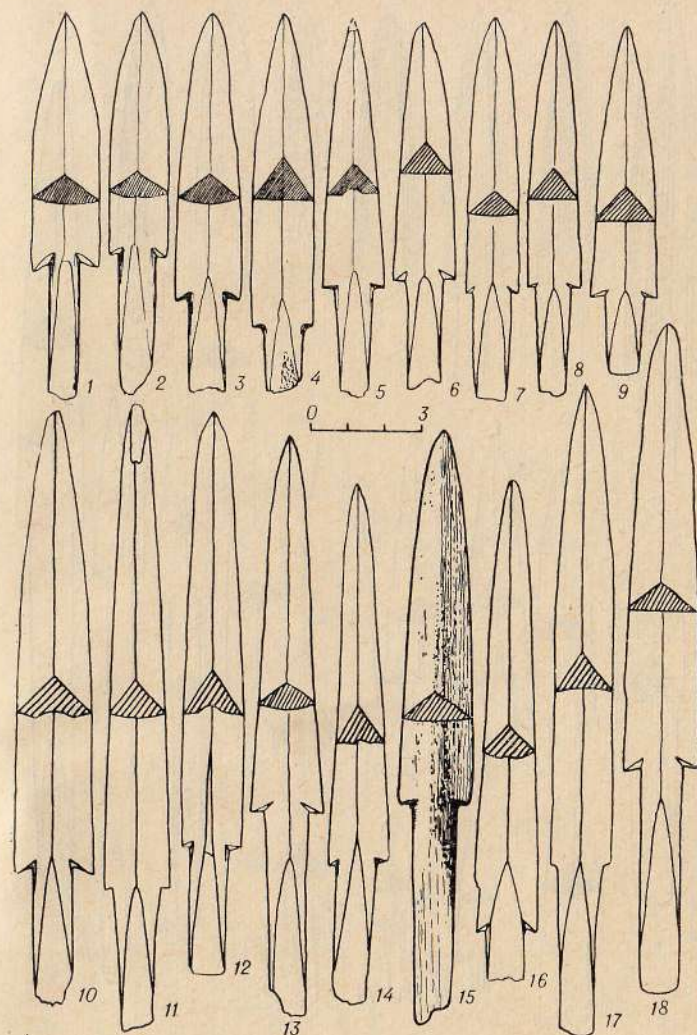

Табл. XXXIX. Костяные наконечники стрел (6—9, 13, 18 — коллекция П. С. Проскурякова).

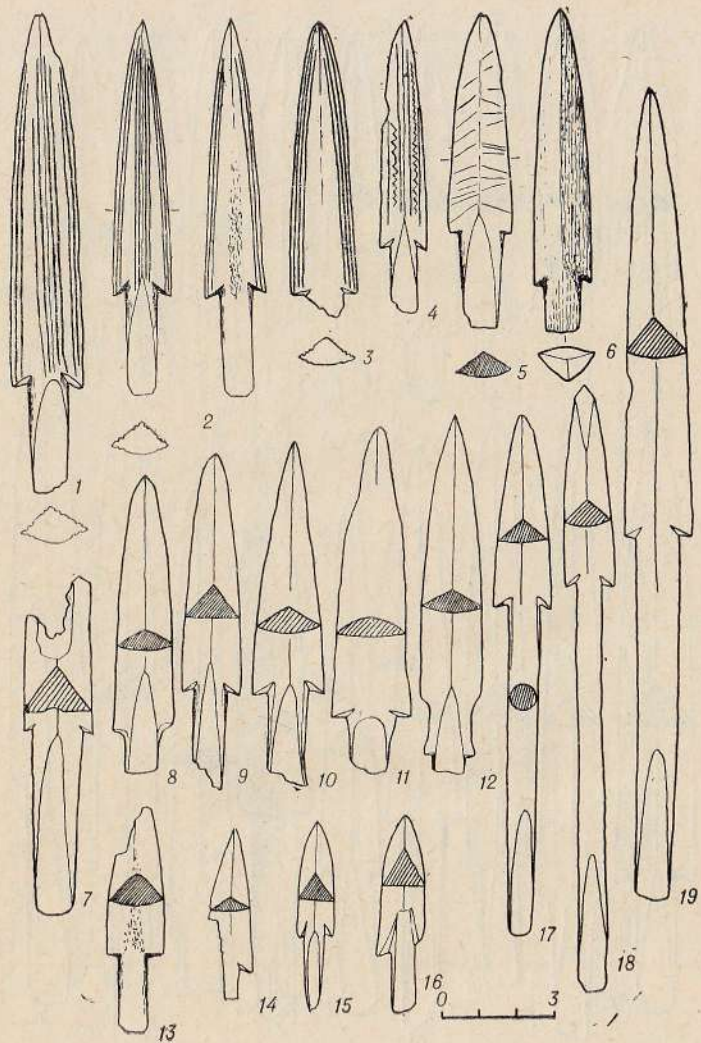

Табл. XL. Костяные наконечники стрел (11, 18, 19 — коллекция П. С. Проскурякова).

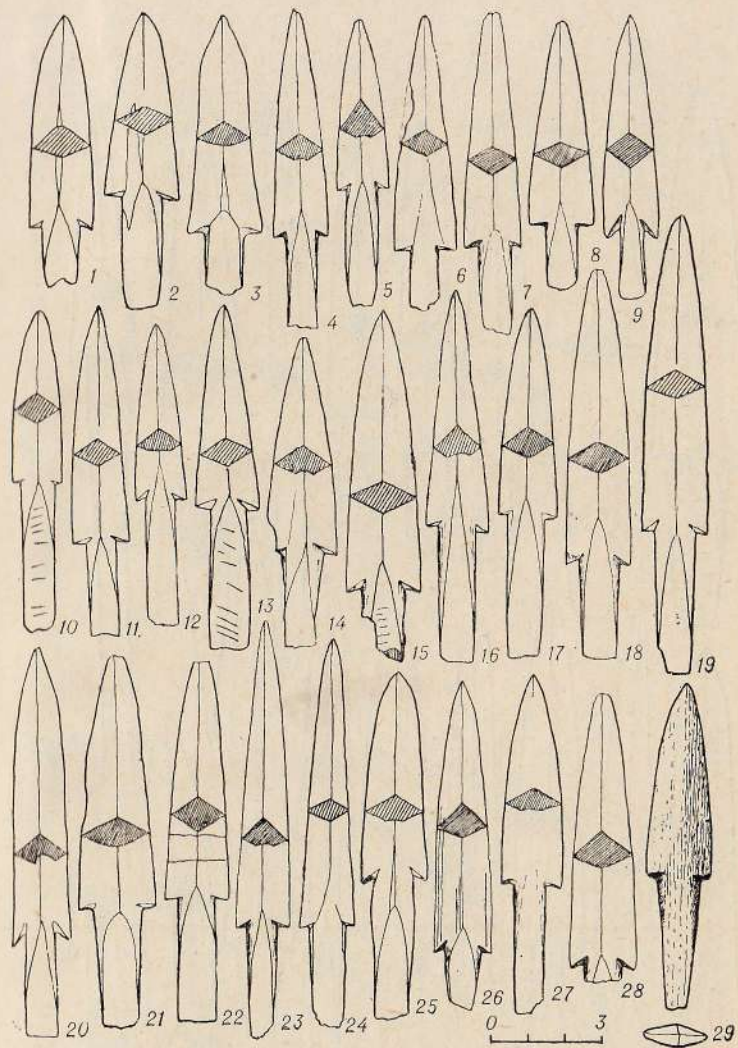

Табл. XLI. Костяные наконечники стрел (2, 10, 11, 13, 19 — коллекция П. С. Проскурякова).

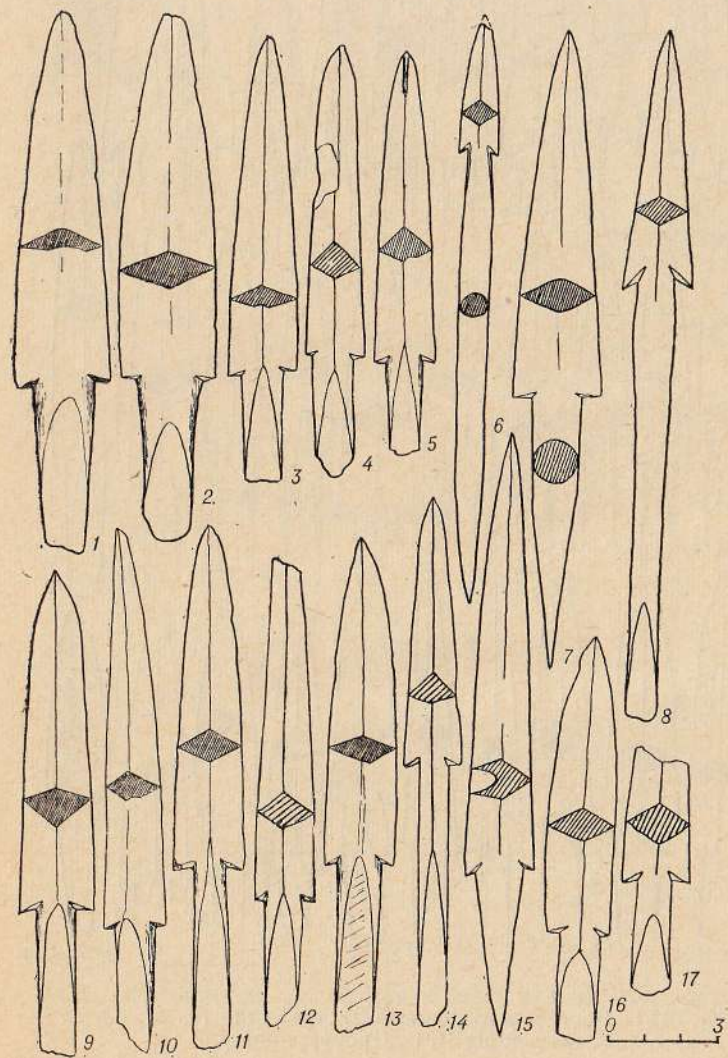

Табл. XLII. Костяные наконечники стрел (3, 8, 15, 16 — коллекция П. С. Проскурякова).

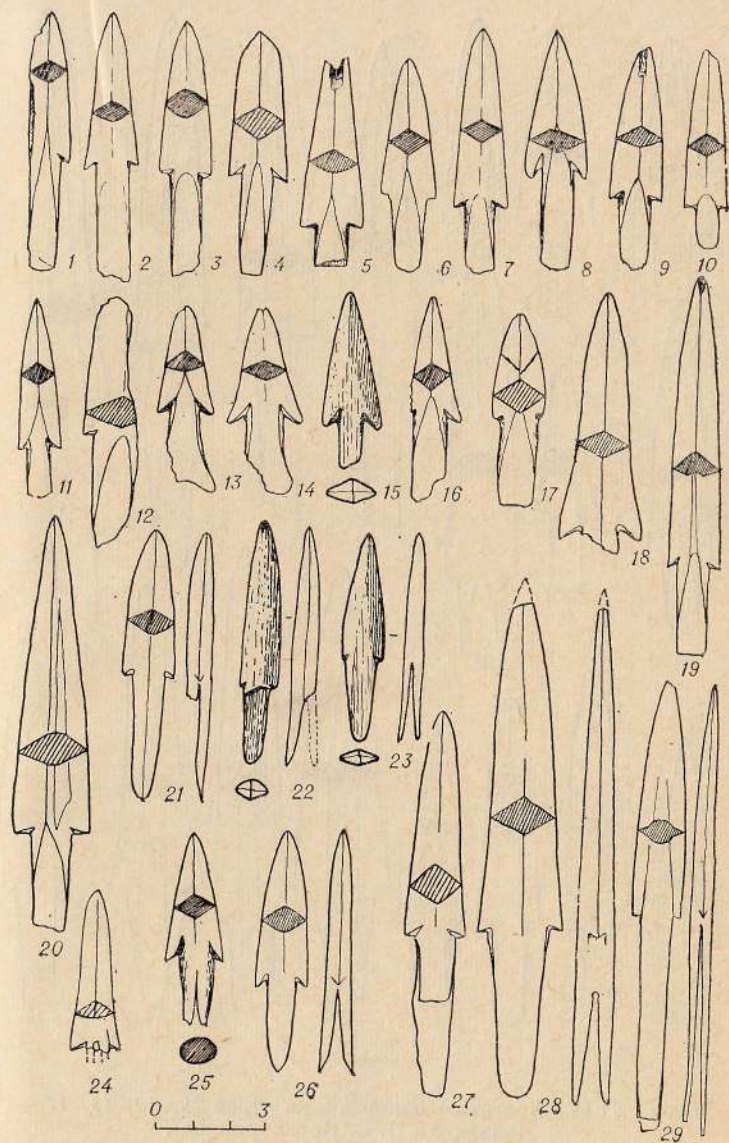

Табл. XLIII. Костяные наконечники стрел (27 — коллекция П. С. Проскурякова).

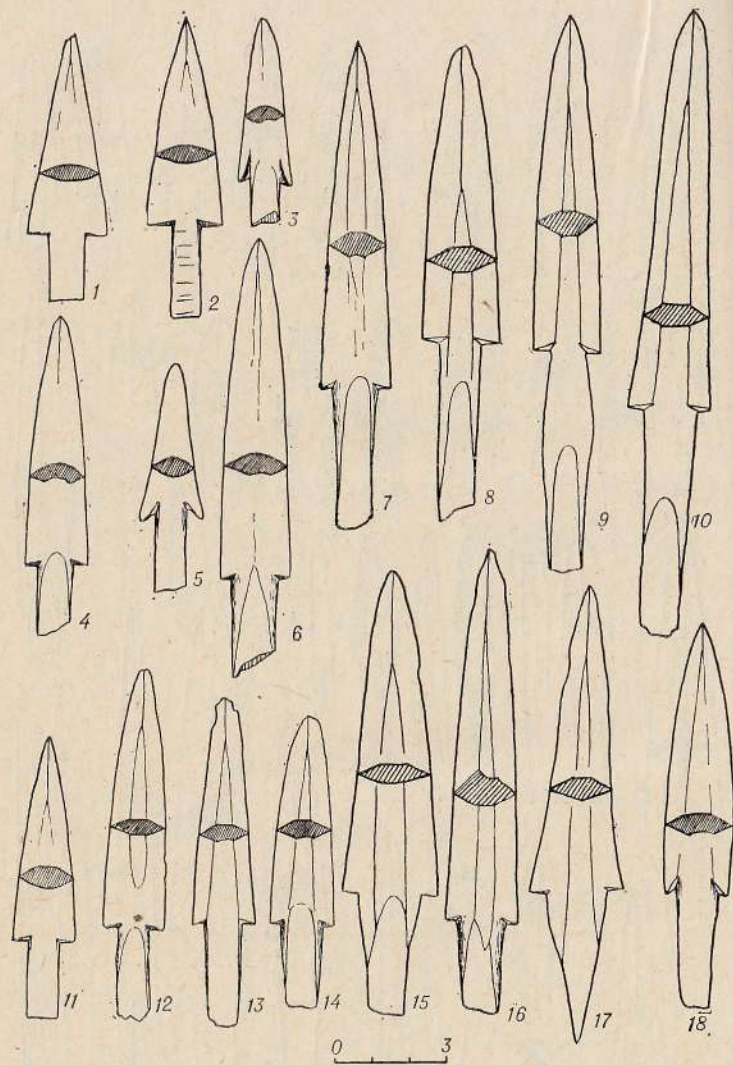

Табл. XLIV. Костяные наконечники стрел (8, 10, 15, 17 — коллекция П. С. Проскурякова).

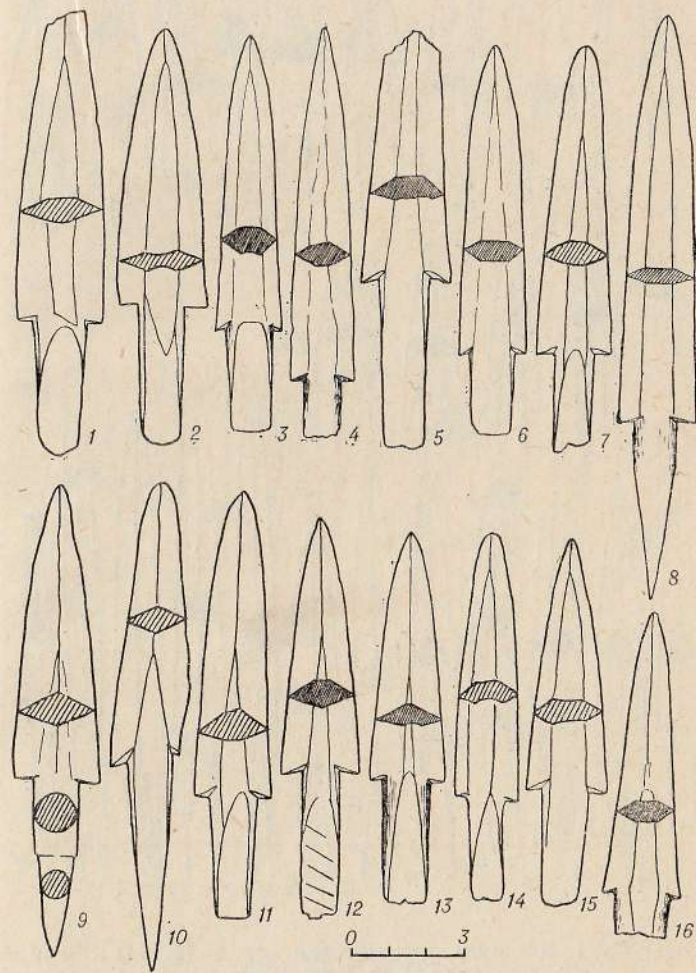

Табл. XLV. Костяные наконечники стрел (1, 2, 7, 9—11, 14, 15 — коллекция П. С. Проскурякова).

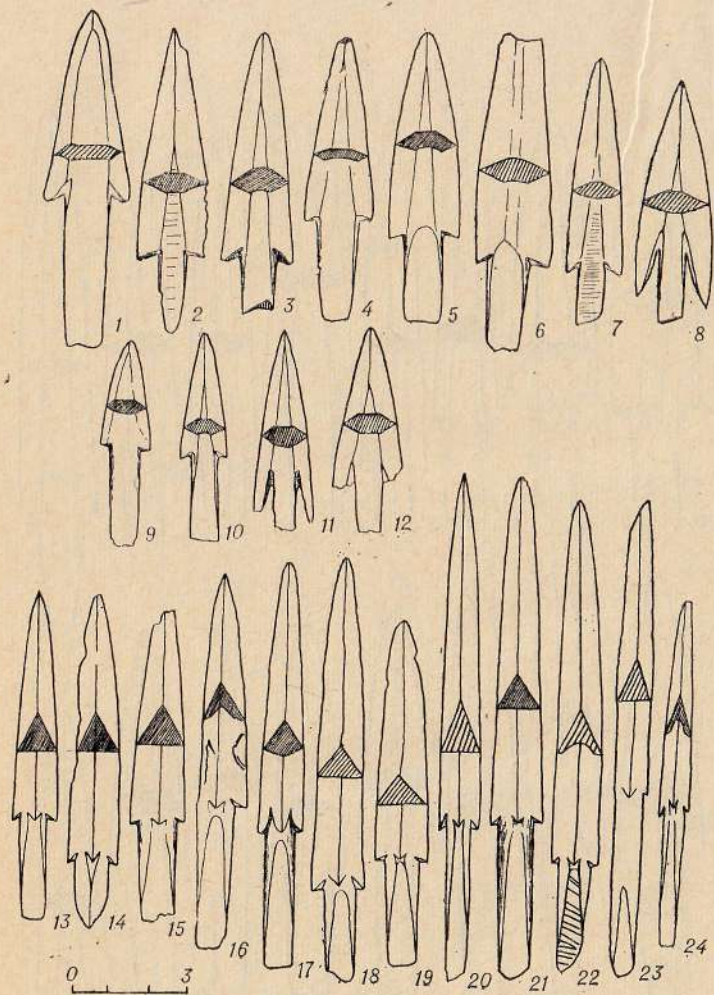

Табл. XLVI. Костяные наконечники стрел (1, 18, 19, 23 — коллекция П. С. Проскурягова).

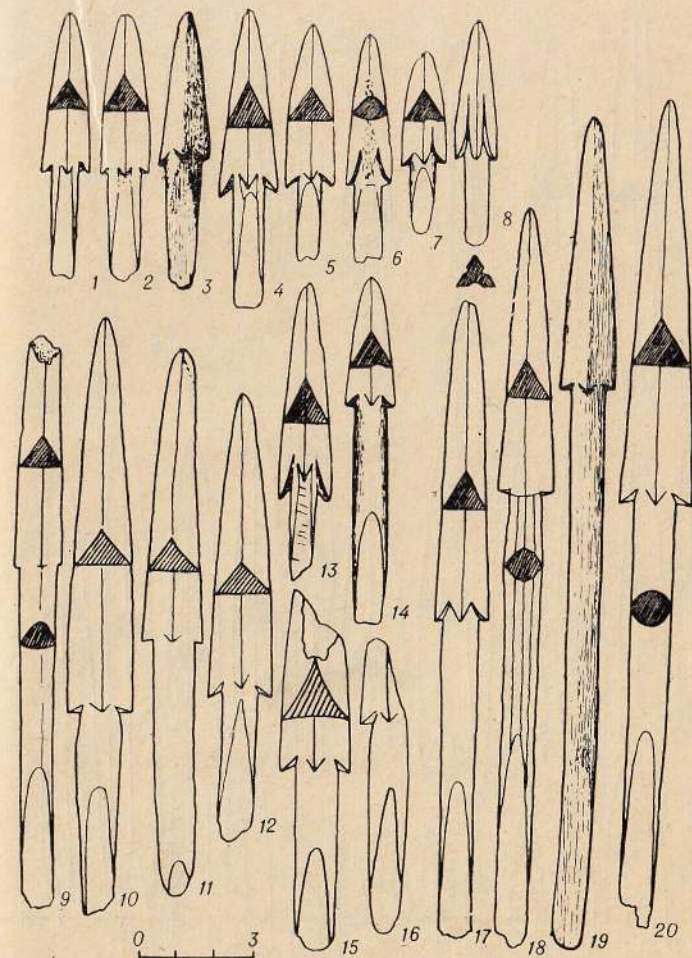

Табл. XLVII. Костяные наконечники стрел (10—12 коллекция П. С. Проскурягова).

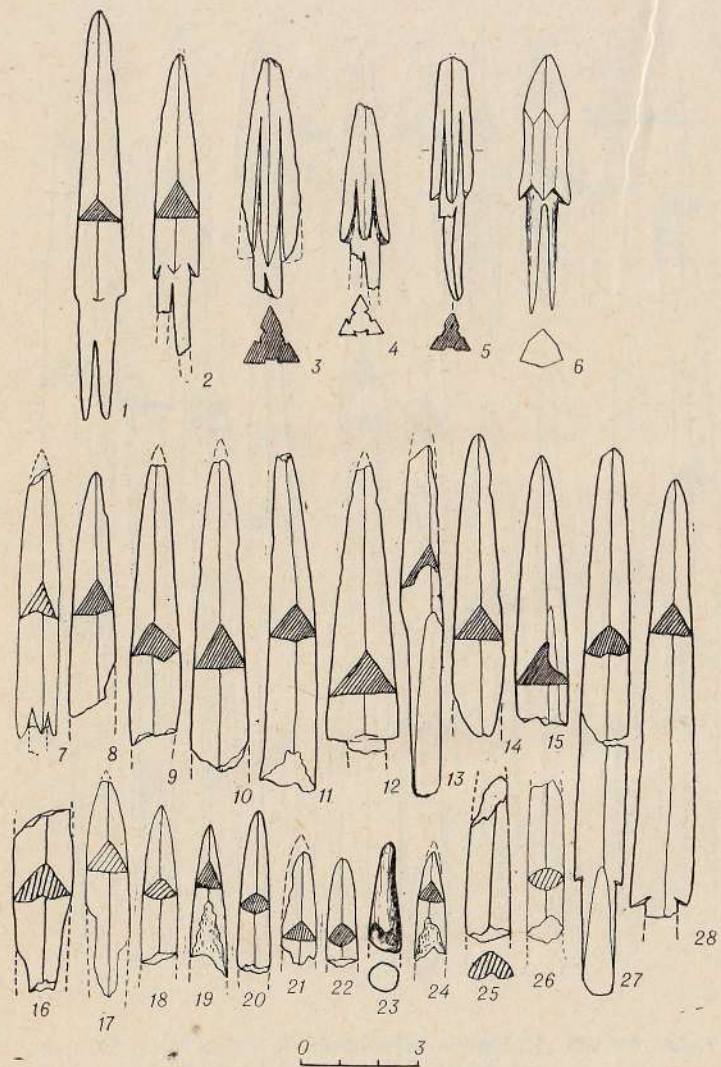

Табл. XLVIII. Костяные наконечники стрел.

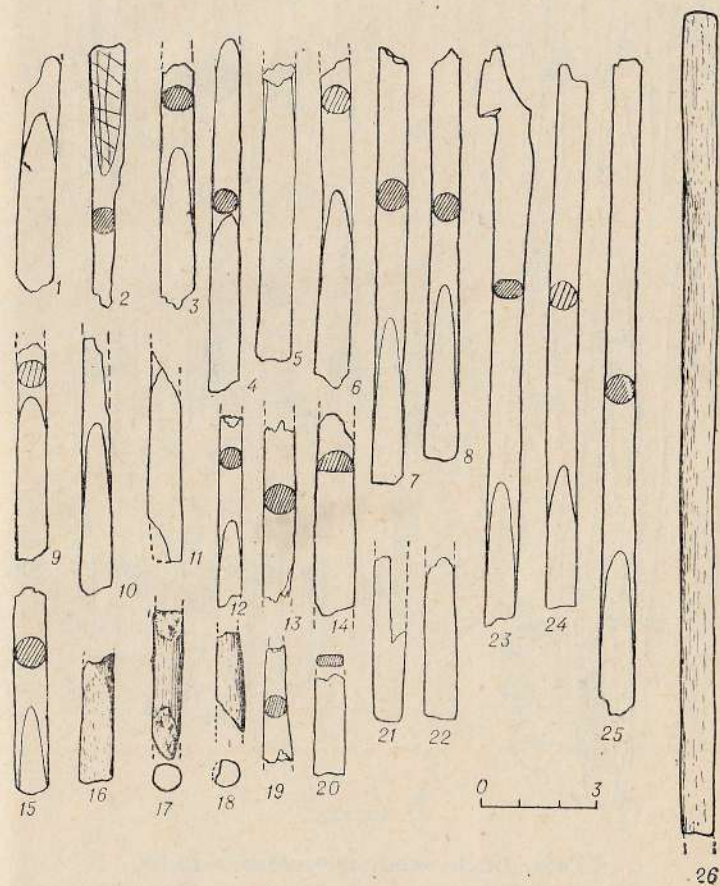

Табл. XLIX. Костяные наконечники стрел.

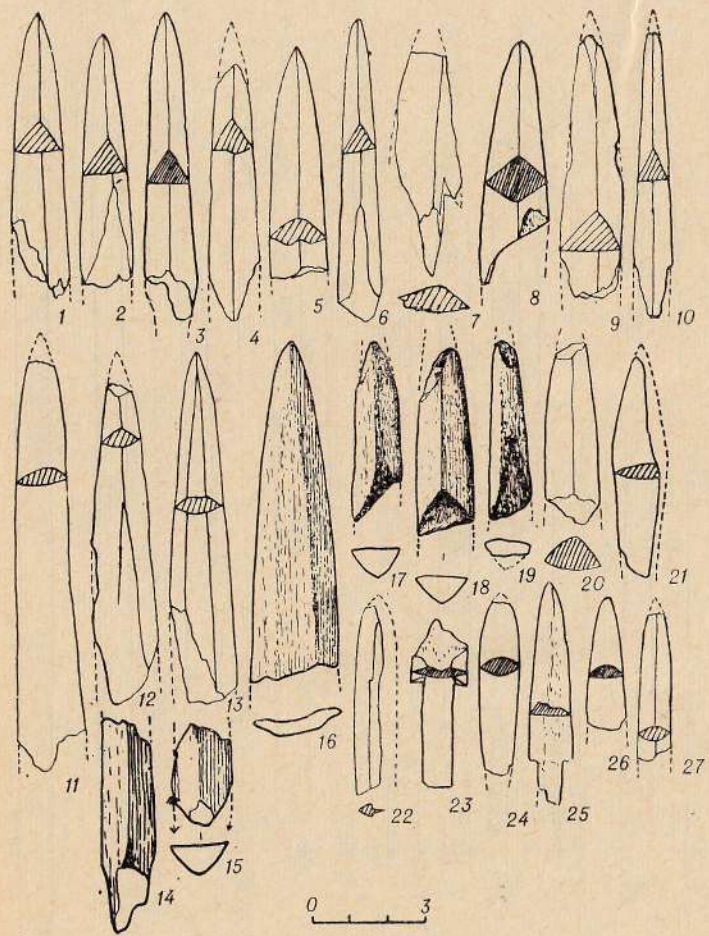

Табл. L. Костяные наконечники стрел.

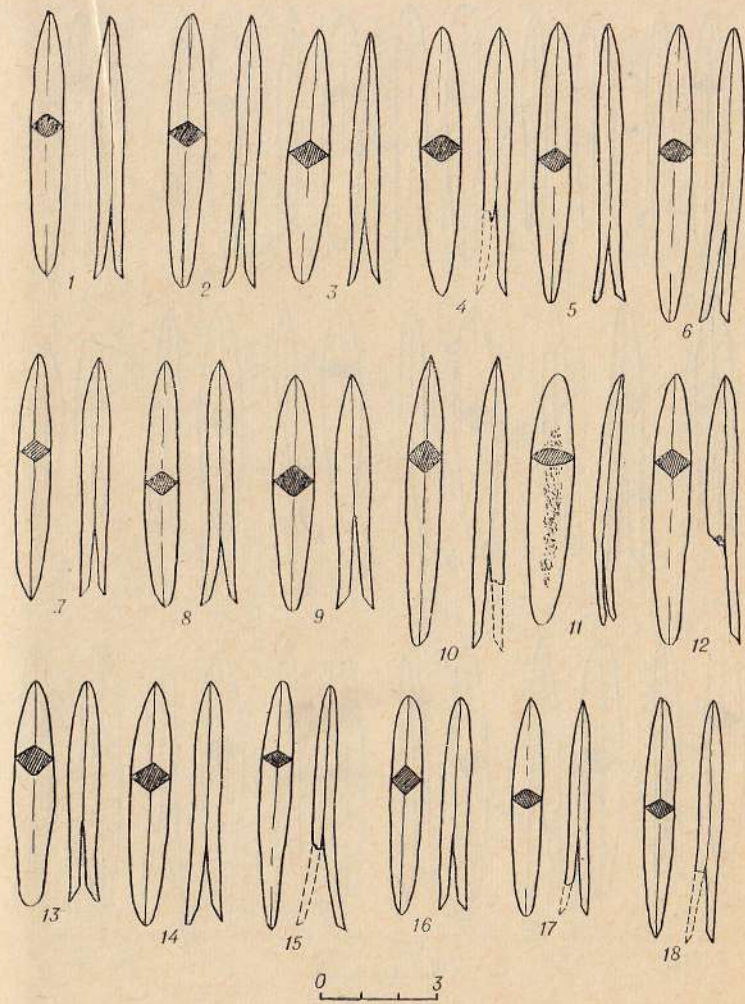

Табл. LI. Костяные наконечники стрел.

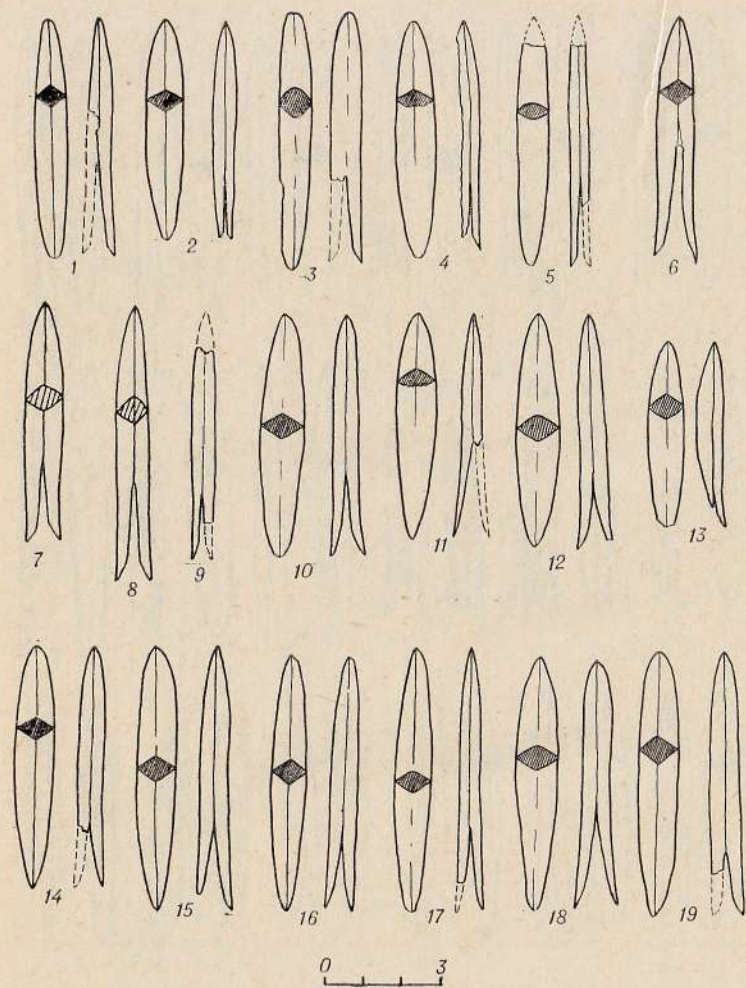

Табл. LII. Костяные наконечники стрел (7, 8 — коллекция П. С. Проскурякова).

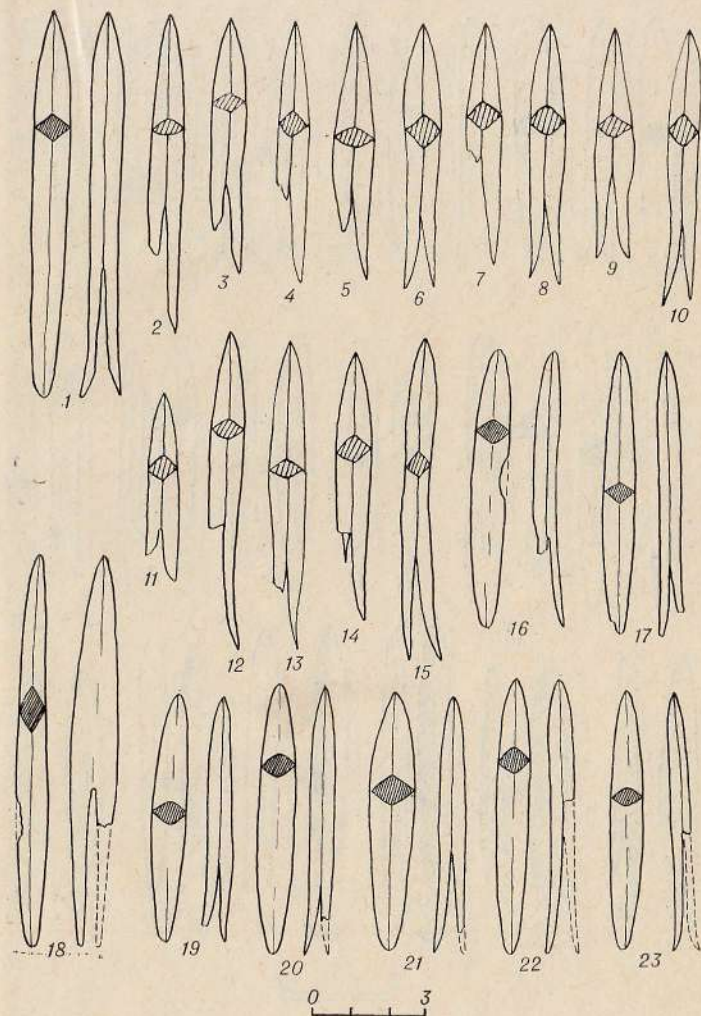

Табл. LIII. Костяные наконечники стрел (2—15 — коллекция П. С. Проскурякова).

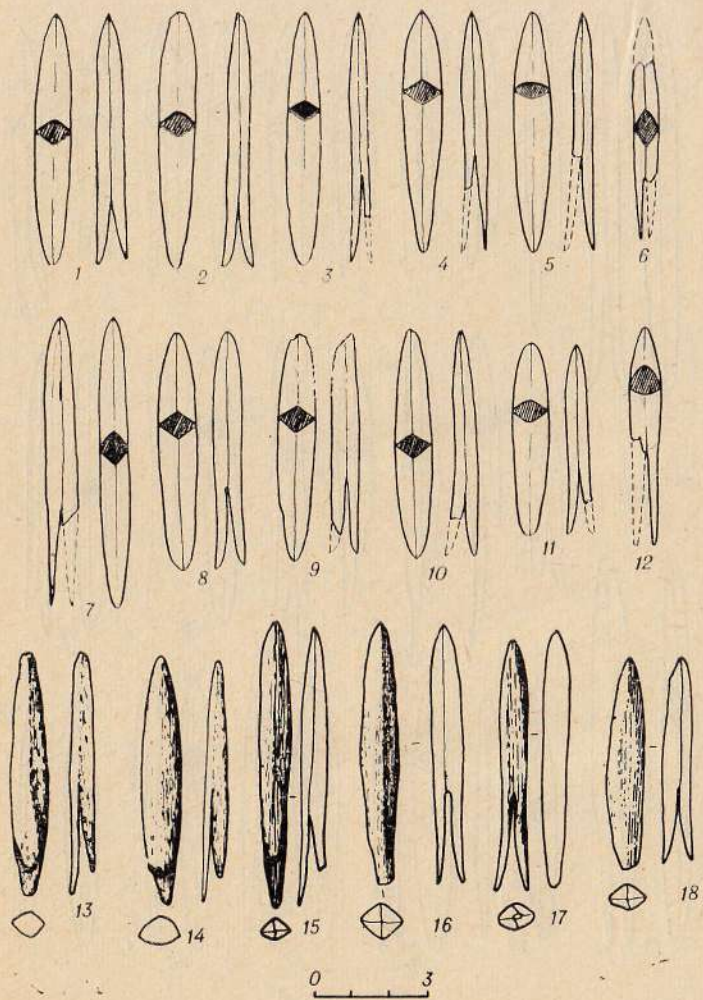

Табл. LIV. Костяные наконечники стрел.

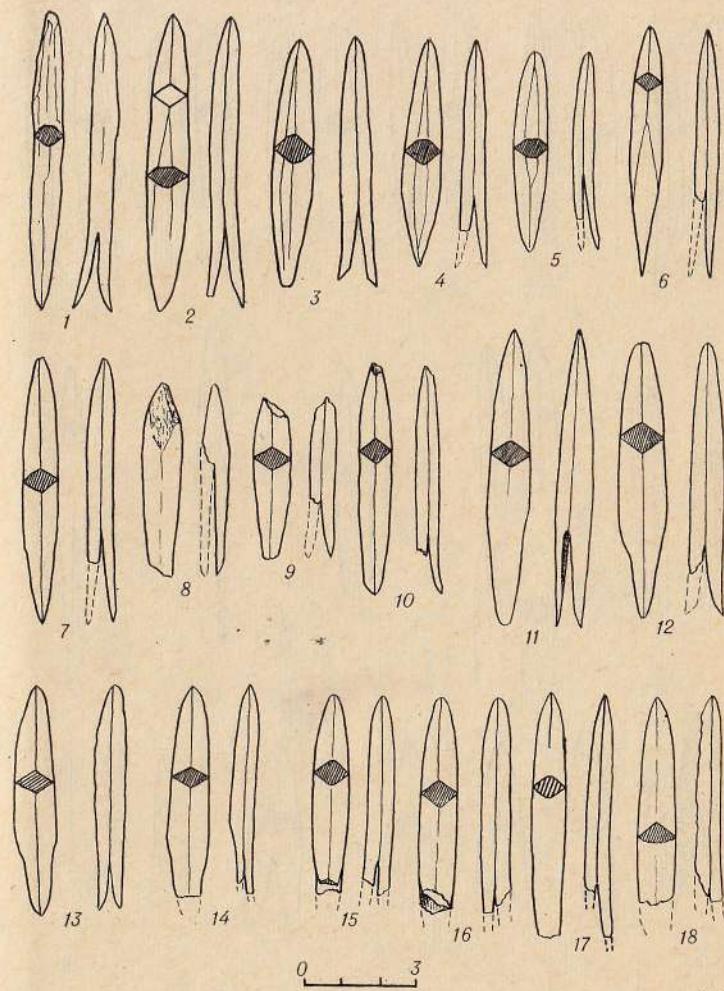

Табл. LV. Костяные наконечники стрел.

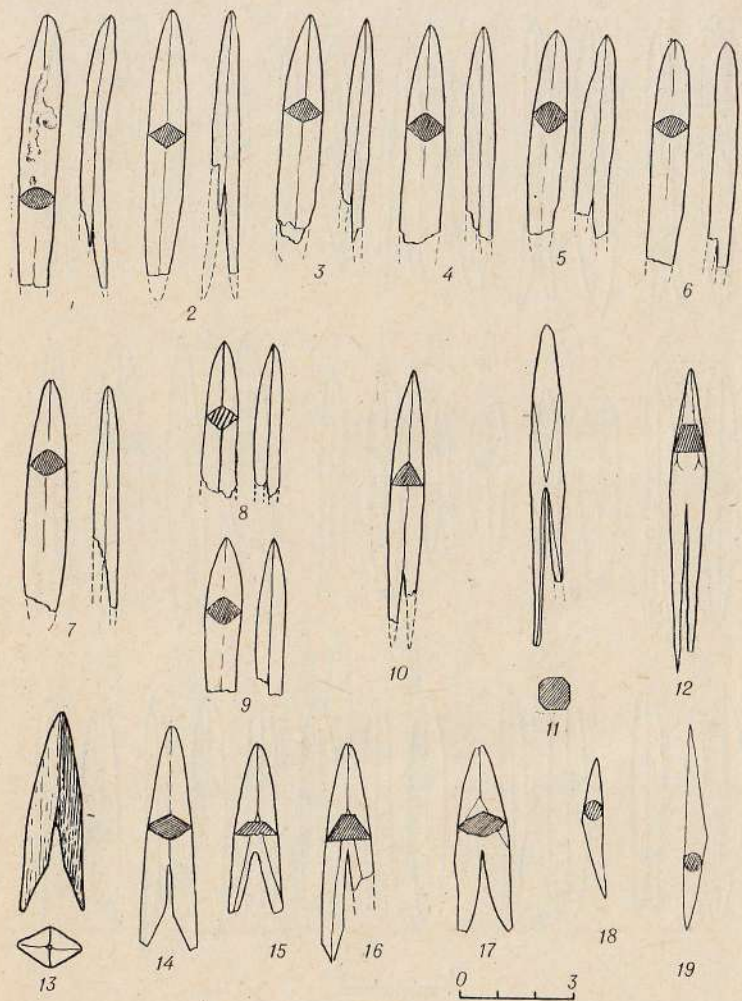

Табл. LVI. Костяные наконечники стрел.

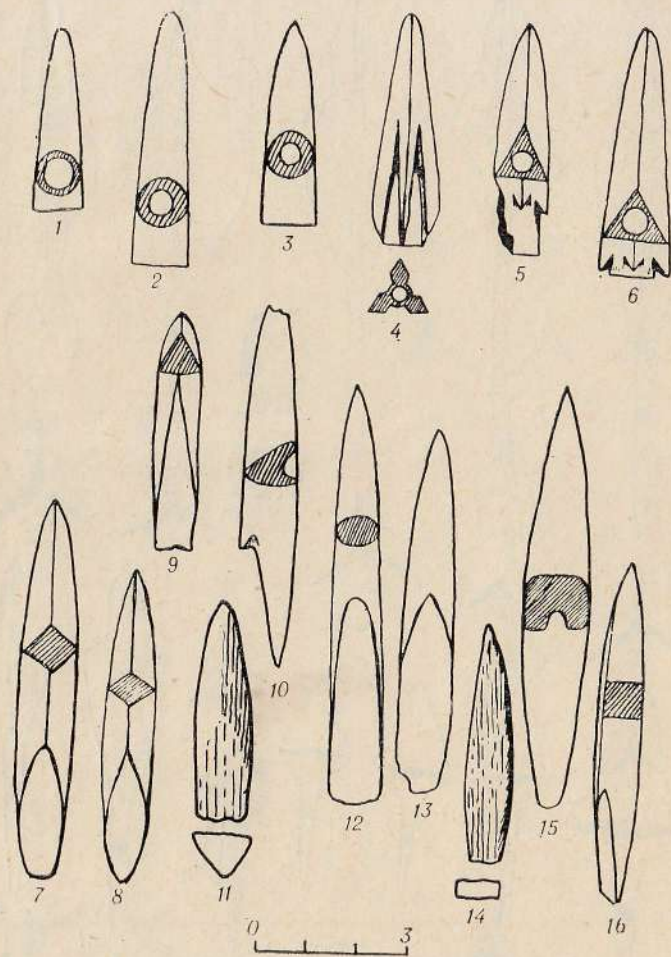

Табл. LVII. Костяные наконечники стрел.

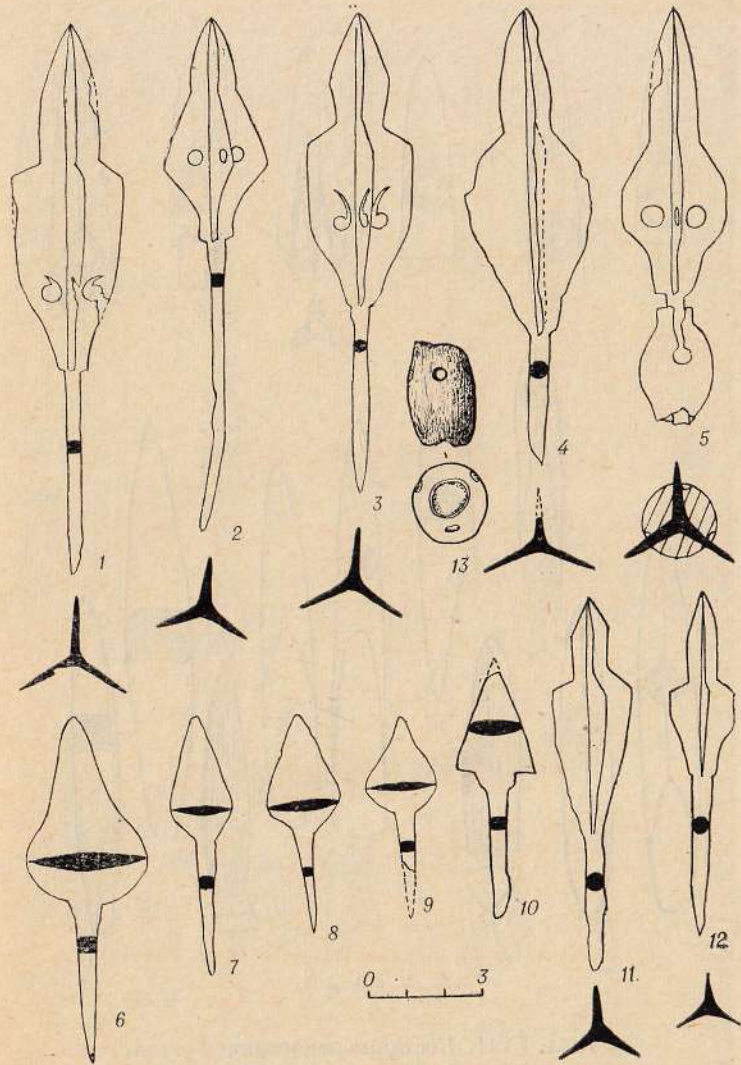

Табл. LVIII. Наконечники стрел.
1—12 — железо; 5, 13 — костяные свистунки.

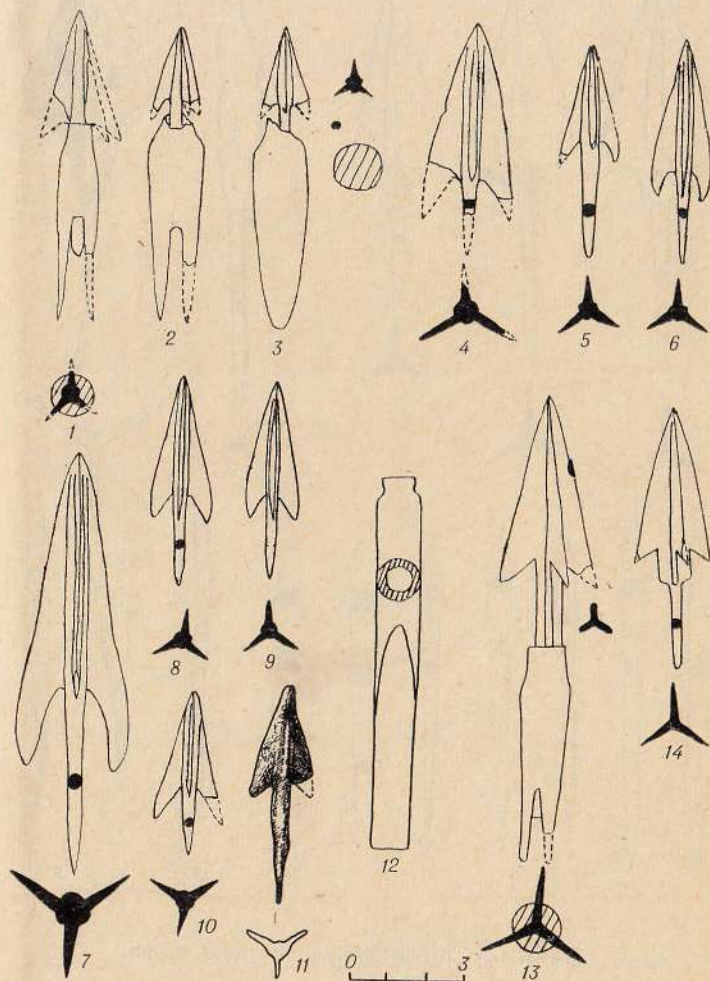

Табл. LXIX. Наконечники стрел.
1—8, 13 — кость, железо; 4—11, 14 — железо; 12 — кость.

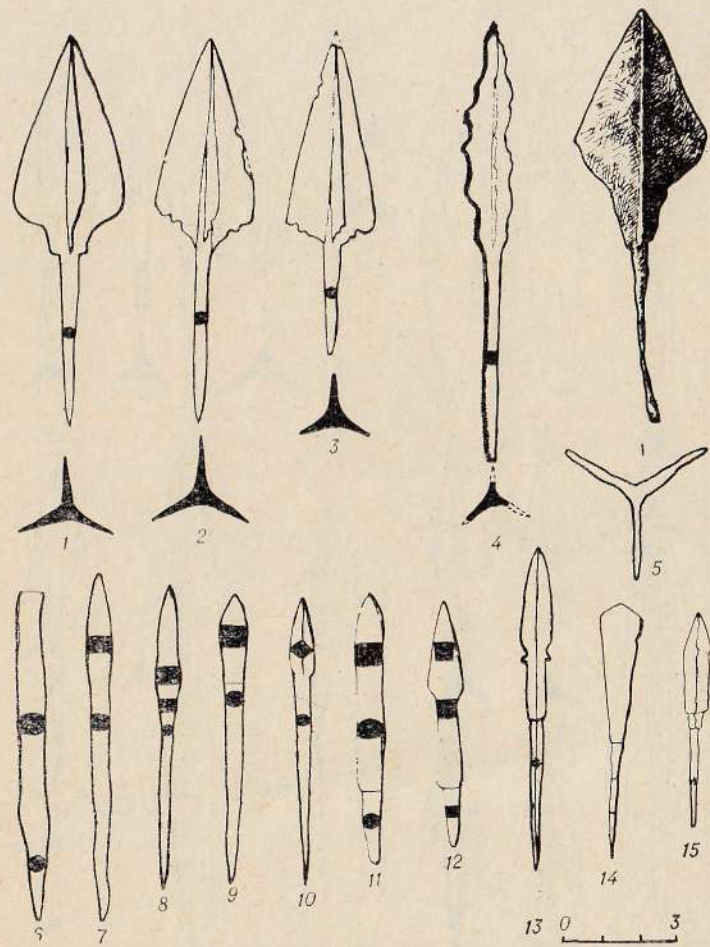

Табл. LX. Железные наконечники стрел.

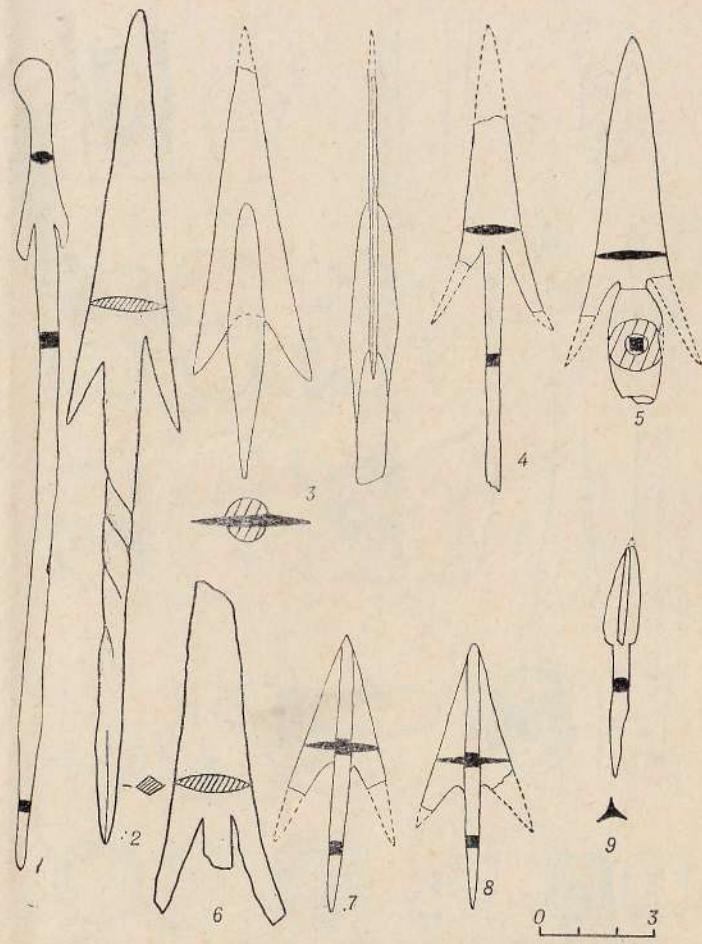

Табл. LXI. Наконечники стрел.
1, 2, 4, 6-9 — железные наконечники стрел; 3, 5 — кость, железо.

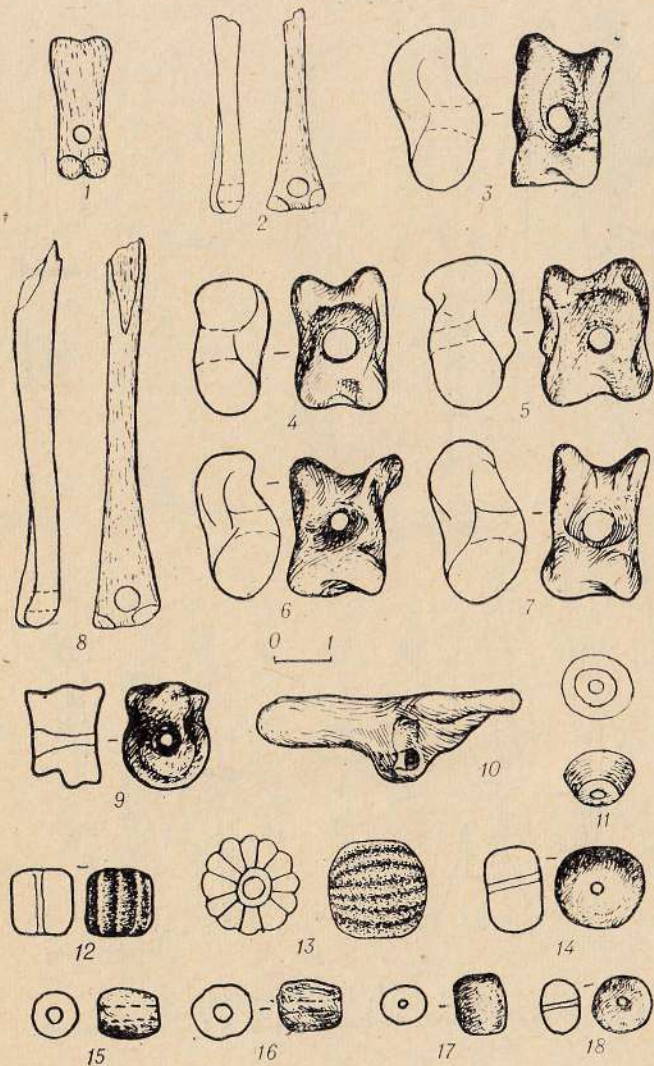

Табл. LXII. Предметы из Айдашинской пещеры.
1—10 — сверленные кости; 11—18 — бусины.

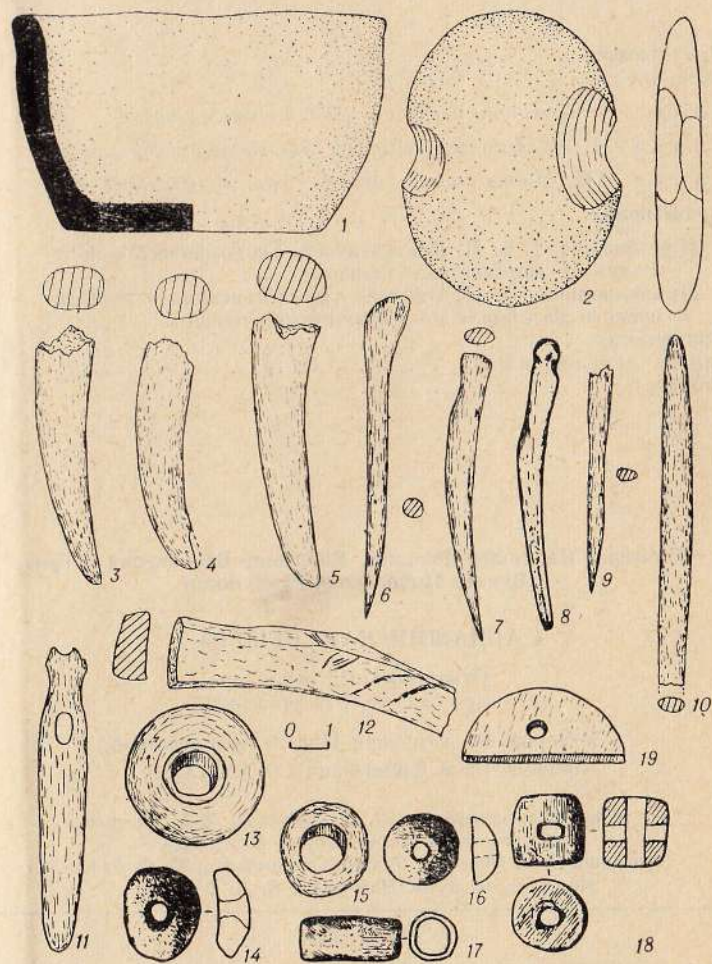

Табл. LXIII. Находки из пещеры.
1 — сосуд; 2 — камень; 3—18 — кость.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
Введение	
Глава I. История изучения Айдашинской пещеры	
Глава II. Коллекции предметов из Айдашинской пещеры	
Глава III. Айдашинская пещера как культовое место	
Приложения	
Приложение 1. В. К. Вистенгаузен. Географическое положение и морфология пещеры	
Приложение 2. Н. Д. Оводов. Характеристика остеологического материала из Айдашинской пещеры	
Примечания	
Список сокращений	
Таблицы	

Вячеслав Иванович Молодин, Владимир Васильевич Бобров,
Виктор Николаевич Равнушкин

АЙДАШИНСКАЯ ПЕЩЕРА

Ответственный редактор
Руслан Сергеевич Васильевский

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР.

Редакторы издательства *М. М. Алдохина, Д. Г. Харенко*
Художественный редактор *В. И. Желнин*
Художник *В. И. Шумаков*. Технический редактор *Ф. Ф. Орлова*
Корректоры *А. А. Надточий, К. И. Сергеева*

ИБ № 10260

Сдано в набор 20.06.79. Подписано к печати 08.05.80. МН-0554
Формат 84 × 108^{1/2} Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарн-
тура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,9 Уч.-изд. л. 11,7 Тираж 1950 экз.
Заказ № 570 Цена. 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука».
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.